

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

АЛЕКСАНДР КОРНЕЙЧУК

СОЧИНЕНИЯ
В ТРЕХ ТОМАХ

Перевод с украинского

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1956

АЛЕКСАНДР КОРНЕЙЧУК

СОЧИНЕНИЯ ТОМ ТРЕТИЙ

МАКАР ДУБРАВА
БАЛНОВАЯ РОЩА
КРЫЛЬЯ
СТАТЬИ И РЕЧИ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва 1956

изд. 1411 сов. нов.

Под общей редакцией
В. ПИМЕНОВА

МАКАР ДУБРАВА

Пьеса в трех действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Макар Иванович Дубрава.
Оксана Андреевна — его жена.
Ольга — их дочь.
Артем — их сын.
Павел Кругляк — муж Ольги.
Кондрат Тополя.
Анка — его дочь.
Гаврила Братченко.
Трофим Голуб.
Галя Иванчук.
Марфа Степовая.
Хмара.
Орлов.
Зинченко.
Мария Смерека.
Филипп Семененко.
Стеша.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

В саду — домик на две квартиры. На веранде зеленеют листья дикого винограда. Вдалеке, в пышных садах, — рабочий поселок. В центре поселка — большая площадь, на которой находятся Дом культуры, школа, больница. За поселком, в степи, — терриконы шахт. На ступеньках веранды сидят Оксана Андреевна и Макар Иванович. Издали слышны гудки паровозов. Вечереет.

Вспыхнуло огромное пламя и на миг осветило терриконы.

Макар. Чугун пошел... *(Вынул часы, смотрит.)*
Точно...

Оксана. А может, наш Петр живой, где-то по миру скитается...

Макар. Вряд ли...

Оксана. А было в газете: английские генералы держат наших в лагерях, ты ведь сам мне читал.

Макар. Читал...

Оксана. Может, и наш Петр там страдает. Вывезли его гитлеровцы, а потом...

Макар. Нет.

Оксана. Почему же среди расстрелянных не было нашего Петра?

Макар. Закопали где-нибудь в другом месте.

Оксана. А если бы Артем порасспросил в городе?

Макар. Скажут то же, что и мне сказали.

Оксана. Чует мое сердце... Артем смог бы концы пайти. Он офицер, ему больше скажут.

Входит Ольга.

Ольга. Здравствуйте.

Макар. Здравствуй, дочка.

Целуются.

Ольга (*целует мать*). Артем приехал?

Оксана. Приехал, приехал ночью.

Ольга. Я только пришла из больницы, Павел звонит из шахты, говорит, Артем приехал. Где же он?

Макар. Поехал в город.

Ольга. Зачем?

Макар. Дело есть. Скоро будет. Садись.

Ольга. Какой он теперь?

Оксана. Генерал, настоящий генерал.

Макар. Не генерал, а майор.

Оксана. Так это почти что генерал.

Макар. Еще не одну пару подметок истопчет, пока дойдет до генерала.

Оксана. Так они ж у него казенные...

Ольга. Мама, Артем будет генералом, будет. (*Обняла мать.*)

Макар. Когда еще будет, а ушел бы из армии на шахту, — сразу стал бы генералом.

Ольга. Здесь станешь! Вот Павел уже стал.

Макар. Извини, но Артем — не твой Павел. Потомственный шахтер.

Оксана. Поговаривают, Павел твой гулять стал?..

Макар. Тише, Оксана.

Оксана. Не могу я молчать. Почему Ольга в руки его не возьмет? Я бы ему задала! Попробовал бы ты так гулять, как ее Павел!

Макар. А что бы ты мне сделала?

Оксана. Взяла б за чуб и тянула через весь поселок. Вот так...

Макар. Стой, стой, последние вырвешь.

Оксана. Все вы такие.

Макар. Я ведь без тебя ни к кому в гости не ходил.

Оксана. Как не ходил? А первого мая где ты был?

Макар. Когда?

Оксана. Первого мая в тысяча девятьсот шестнадцатом году.

Макар. Сто тысяч раз тебе говорил: было у нас в лесу нелегальное собрание.

Оксана. А пришел ночью и выпивший.

Макар. По дороге зашел к Климу Гире.

Оксана. А почему меня не позвал?

Макар. Ты видишь, Ольга: умирать будет, и то вспомнит первое мая шестнадцатого года.

Оксана. И вспомню. Если тебя не держать в руках, ты и на том свете к Климу Гире зайдешь.

Макар. Не бойся, Клим давно в раю, а меня в ад отправят. Это ты с ним встретишься.

Оксана. Все вы такие! Смотри, дочка, за Павлом.

Ольга. Поздно смотреть.

Макар. Почему?

Ольга. Не выходит у меня с ним. Мама говорит правду. Павел не только пьет...

Макар. Так думаешь?

Ольга. Об этом все говорят.

Оксана. Что ты, доченька! Разве можно так к сердцу принимать! Люди языки чешут.

Ольга. Не успокаивайте. Я не маленькая. Знаю, в жизни все может случиться, но какая-то мера должна быть.

Макар. Говорить могут... Чего только нашему брату, мужчине, не припишут!

Оксана. Да ты б уж...

Ольга. Дело не только в этом. Павел за последний год так изменился, его раздражает каждое мое слово. Вот сегодня я сказала, что на его шахте увеличивается число несчастных случаев. У меня ведь в больнице все видно, как в зеркале. А он как налетел на меня: «Сидите в белых халатах в кабинетах, в забой бы вас погнать, на добычу...» Послушал бы, что шахтеры говорят о нем, когда я им оказываю помощь... Я не могу быть только женой, да еще такой, которая на все закрывает глаза.

Макар. Это так, но семья есть семья, за нее надо бороться. Ты ведь его любишь?

Ольга. Люблю.

Пауза.

Оксана. Ничего, дочка, он еще пожалеет, и очень пожалеет.

Слышен гудок.

Нужно ужин готовить, девушки сейчас придут. Неси дрова, старик.

Макар. Сейчас.

Оксана. Поужинай с нами, Ольга.

Ольга. Спасибо, мама.

Оксана. А после ужина поговорим. Хорошо, доченька?

Ольга. Хорошо.

Оксана ушла в дом.

Пить начал Павел.

Макар. Это пройдет. В наше время тоже бывало... Сорвется шахтер, гуляет, до последней нитки пропьет все, а потом берется за ум. *(Оглянулся, тихо.)* Было один раз такое и со мной в молодости. Было, Оля.

Ольга. А мама что?

Макар. Хотела бросить. Едва упросил. Два месяца варила из меня воду, а потом простила. Правда, взяла слово, и я его тридцать лет держу, но не ручаюсь, как будет дальше... *(Смеется.)*

Ольга. Куда тебе теперь!

Макар. А чего? Я б сказал, осень только еще насту-
пает. Вот нашу «Звезду» поднимем, вспомню молодость,
три дня гулять буду.

Ольга. Если Павел так будет хозяйничать, как сейчас, то ждать долго.

Макар. А я ему объявил войну.

Ольга. Как?

Макар. Ты нашу газету видела сегодня?

Ольга. Нет.

Макар. Прочитай.

Ольга. Что там?

Макар. Напечатали мою статейку. Писал я ее долго. Месяц ходил по шахте с часами, хронометраж делал. Выложил все.

Из кустов к крайнему окну крадется девочка, она прыгает на окно.

Анка!

А н к а . Что?

Ма к а р . Иди сюда.

А н к а . Чего тебе нужно?

Ма к а р . Где ты была?

А н к а . Какое тебе дело?

Ма к а р . Иди, что-то скажу.

А н к а . Говори.

Ма к а р . Иди.

А н к а . Не хочу. (*Исчезла в окне.*)

Ма к а р . Беда рыжему с ней. Пропадет девочка. Он на шахте, а она где только не бегает. И такое злющее растет. Всех мальчишек бьет. Нужно Кондрату жениться.

О л ь г а . А почему в самом деле Кондрат не женится?

Ма к а р . Тихий, слишком тихий. А на работе — огонь... Хороший шахтер.

О л ь г а . Таким был и в молодости. Тихий-тихий.

Ма к а р . Кажется, Кондрат ухаживал за тобой?

О л ь г а . Нет. Мы только дружили.

Голос Оксаны: «Макар, когда же ты дрова принесешь?»

Ма к а р . Иду, иду... (*Ушел в сад.*)

Через окно влезает Анка, в руках у нее шахтерская лампочка.

А н к а (*издали смотрит на Ольгу*). А я знаю, зачем вы сюда пришли.

О л ь г а . Скажи, если знаешь.

А н к а . Не скажу.

О л ь г а . Иди сюда.

А н к а . Не хочу.

О л ь г а . Боишься меня?

А н к а . Я боюсь? (*Подошла, села около Ольги.*) Меня все мальчишки боятся.

О л ь г а . А кто тебе лоб разбил?

А н к а . Никто, сама разбила.

О л ь г а . Как?

А н к а . В старую шахту лазила.

О л ь г а . Зачем?

А н к а . А вы мне скажите: если долбить все вниз и вниз, можно пробить дыру сквозь землю или нет?

О л ь г а . Нет.

А н к а . Учитель тоже говорит, что нет, а я знаю, как это сделать.

Ольга. Расскажи.

Анка. Не скажу.

Ольга. Почему?

Анка. Это военная тайна.

Ольга. Если так, не говори.

Анка. Как жаль, что война окончилась!

Ольга. Почему?

Анка. Я бы поступила в «Молодую гвардию». Что, не верите?

Ольга. Верю. Только не ходи в старую шахту, там завалить может.

Анка. Нет, не завалит.

Ольга. Куда это ты с лампой?

Анка. Тайна.

Ольга. И ты не боишься лазить в старую шахту?

Анка. А чего мне бояться? Где были наши партизаны, там и я могу быть. Я ничего не боюсь.

Ольга. А разве там были партизаны?

Анка. Были.

Ольга. А откуда ты знаешь?

Анка. Знаю. В шахте нашла пустые немецкие патроны.

Ольга. Ну и что из того?

Анка. В кого ж фашисты стреляли? Ясно, что в партизан.

Ольга. Может быть. А почему у тебя синяк под глазом?

Анка. Петька ударил. Он такой задавака. Думает, что если отец — инженер, то ему все можно.

Ольга. За что он тебя ударил?

Анка. Обозвал меня рыжей кошкой, а я ему дала сдачи.

Ольга. Как?

Анка. Не знаете, как?

Ольга. Нет.

Анка. Какая вы чудная.

Ольга. Почему?..

Анка. Разве вас никто не обижал?

Ольга. Было. Обижали.

Анка. И вы не давали сдачи?

Ольга. Не всегда.

Анка. И почему вы, взрослые, такие трусы?

Ольга. Что?

Анка. Редко один другому сдачу даете.

Ольга. А ты не трус?

Анка. Пусть только кто попробует...

Ольга. А вот Петька тебе синяк поставил!

Анка. А я ему нос разбила. Он и сейчас плачет.

Ольга. А ты плакала?

Анка. Я никогда не плачу.

Ольга. А что тебе отец скажет, когда увидит такой синяк?

Анка. Ничего. Он меня боится.

Ольга. Боится? А ты его любишь?

Анка. Я его не люблю.

Ольга. Почему? Ведь он у тебя такой красивый, хороший.

Анка. А вы откуда знаете?

Ольга. Я дружила с ним в молодости. Он добрый, сердечный.

Анка. Рыжий он. А я еще рыжее. Рыжие добрыми не могут быть.

Ольга. Почему?

Анка. Потому, что нас все дразнят. О нем говорят «рыжий Кондрат», а обо мне — «рыжая кошка Кондрата».

Ольга. Ну так что?..

Анка. Меня никто никогда не полюбит.

Ольга. Почему?

Анка. Всегда будут дразнить.

Ольга. Ошибаешься. Ты ведь красивая девочка.

Анка. Не врите! Я рыжая кошка, рыжая кошка!

Ольга. А учишься хорошо?

Анка. На «отлично». Только недавно директор хотел выгнать меня из школы.

Ольга. За что?

Анка. Это как мы с отцом вернулись с Кузбасса, пришла в наш класс новая учительница, такая накрашенная, здесь перманент, а здесь рога. Подошла ко мне, взяла за подбородок: «Скажи, девочка, что ты делала вчера дома?» А я ей: «Что ты делала, когда фашисты были?» А она: «Я страдала, как все люди, я так страдала». «Врешь, — крикнула я, — ты с немецким офицером гуляла под руку». И как начали мы кричать: «Вон, вон, вон!» Она удрала. Что потом было! Директор меня вызвал, кричал «выгоню», но комиссия разобрала, выгнали

ее и директора. Все же знали, что она с офицером гуляла и никогда учительницей не была.

Близко слышен свист.

Ольга. Кто это?

Анка. Мой начальник штаба, Вололька. *(Свистнула.)* Мы идем по следам наших... Но — это тайна... не скажу. *(Побежала в сад.)*

Идет Макар, несет дрова в дом.

Ольга. Отец, в старой шахте были партизаны?

Макар. Нет. Наши партизаны были на «Глубокой». В старой шахте ежеминутно может завалить. А что?

Ольга. Это я так.

Макар пошел в дом. Входит Кондрат. Он несет на плече телеграфный столб.

Кондрат. Ольга Макаровна, здравствуйте.

Ольга. Здравствуй, Кондрат. Что это ты тащишь?

Кондрат. Около нашей шахты меняют столбы телеграфные, я выпросил старый столб. Сарай хочу построить. Макар Иванович посоветовал: раз, говорит, кабанчика собираешься покупать, то сарай надо строить.

Ольга. Да положи его.

Кондрат. Сейчас. *(Отнес в сторону, кладет, возвращается.)* Огород у меня большой в этом году. Картошки много посадил.

Ольга. Садись, Кондрат.

Кондрат садится.

Кто тебе огород обрабатывает?

Кондрат. Сам.

Ольга. Как же ты живешь?

Кондрат. Неплохо.

Ольга. Сколько зарабатываешь?

Кондрат. Как когда. Этот месяц у нас неважный.

Ольга. А кто виноват?

Кондрат. Начальство.

Ольга. Но ведь вы план не выполняете.

Кондрат. А почему? Разве мы лентяи? Я за неделю могу месячный план рубать. Дали бы только развернуться. Я, Оля, могу рубать уголь, как на баяне играть.

Ольга. А ты когда-то хорошо играл. Как теперь?

Кондрат. Нет баяна. А как вы живете, Ольга Макаровна?

Ольга. Что это ты меня на «вы» называешь? Разве я для тебя не просто — Оля?

Кондрат. Я бы с радостью, но...

Ольга. А если с радостью, так и зови меня «Оля».

Кондрат. Ну, хорошо...

Ольга. Почему замолчал?

Кондрат. Разве я молчу?

Ольга. Выходит, я молчу?

Кондрат *(крикнул)*. Анка! Анка!

Ольга. Она куда-то побежала.

Кондрат. Вот бесенок, снова к ночи придет.

Ольга. Славная девочка у тебя. Учится хорошо?

Кондрат. Очень хорошо.

Ольга. А как ты с Павлом теперь?

Кондрат. Он прошлое забыл. А я хоть и не забыл, но не напоминаю.

Ольга. Неужели Павел ни разу не напомнил тебе о прошлом?..

Кондрат. Нет. Когда вы только приехали, я было разогнался к нему, но он так посмотрел на меня... Теперь только о делах говорим.

Ольга вытерла слезу.

Что с тобой, Оля?..

Ольга. Ничего, ничего... Эх, Кондрат! *(Сняла кепку с его головы.)* Такой же пожар на голове, как и когда-то был...

Кондрат. Рыжий, рыжий, как и был. Сколько лет прошло, у людей вылазят, а у меня держатся. Рыжим, видно, и помру.

Ольга. А помнишь, как ты мне письма носил от Павла?

Кондрат. А как же! Какой он был живой, веселый.

Ольга. Да. *(Пауза.)* Теперь отяжелел, на сердце жалуется.

Кондрат. Походил бы каждый день под землей, похудел бы, и сердце было бы здоровое. Телефон губит начальников, пухнут они от него. Павел сидит у теле-

фона, и инженер с него пример берет, редко когда вниз спустится.

Ольга. Скажи, Кондрат, куда ты исчез в день моей свадьбы?

Кондрат. А ты не забыла?

Ольга. А как же! Год не было тебя, потом мы уехали отсюда. И я лишь случайно узнала, что ты только через три года вернулся на шахту. Что случилось?..

Кондрат. Тогда, с твоей свадьбы, пошел я на станцию, сел в поезд, потом пересел в другой, а потом попал в Одессу. Поступил на пароход кочегаром. Думал никогда не возвращаться. За три года где только не бывал. Но... Бросаешь уголь в топку, и все кажется, что он из «Звезды» нашей. Потянуло в шахту. Отец твой правду говорит: тот, кто родился в Донбассе, где бы ни бродил, а вернется.

Ольга (тихо). Зачем ты это сделал?

Кондрат. Дело давнее.

Ольга. Ну...

Кондрат. Теперь сказать можно. Только ты, Оля, пойми меня... Может, не стоит...

Ольга. Говори, Кондрат.

Кондрат. Я, Оля... я любил тебя...

Ольга. Любил?

Кондрат. Да. Ты прости, дело давнее...

Ольга. Почему же ты даже не намекнул мне?..
(Пауза.)

Кондрат. Не мог, Оля. (Пауза.) Как быстро вечерет...

Ольга. Как оно в жизни бывает...

Долгая пауза. Слышен баян.

Кондрат. Парни идут, а наших барышень нет.

Входят Гаврила и Трофим, здороваются.

Садитесь, хлопцы, с нами.

Гаврила. Не помешаем вам?

Ольга. Нет, нет, пожалуйста.

Гаврила и Трофим садятся. Долгая пауза.

Трофим. А погода сегодня хорошая.

Гаврила. Думаю, что и завтра будет хорошая.

Трофим. Может, и будет.

Гаврила. Похоже на то.

Трофим. Пойдем, Гаврила.

Кондрат. Подождите, у девушек собрание, сейчас придут.

Гаврила. Если так, то подождем.

Трофим. Подождем.

Пауза.

Кондрат. Что это вы, ребята, сидите, словно женихи? Сыграли б.

Ольга. Сыграйте.

Трофим. Давай, Гаврила.

Гаврила. Какую вам — сердечную или веселую?

Ольга. Сердечную.

Гаврила. Тогда Трофим будет играть. *(Передает баян.)*

Ольга. Почему это так?

Гаврила. Он больше приспособлен к сердечной, а я — только к веселой. Начинай, Троша.

Трофим. Начинаю. *(Играет.)*

Через некоторое время входят девушки — Галя и Марфа.
Парни встали.

Марфа. Говорила я тебе, Галя, что будут ждать.

Галя. Здравствуй, Гаврила.

Марфа. Здорово, Троша. Это ты играл?

Трофим. Я.

Галя. Так и знала.

Гаврила. Давай баян.

Трофим. Обожди, Гаврила.

Гаврила. Давай, давай... *(Забирает баян.)*

Галя. Подождите, мы быстро переоденемся.

Марфа. В две минуты.

Девушки побежали в дом.

Кондрат. Хорошо играешь, а ну, дай-ка баян.

Гаврила передает баян.

(Наигрывает.) Ох, и баян! Продай, Гаврила.

Гаврила. Я ведь вам говорил, не продаю.

Учебн. 1941 сов. нече

Кондрат. Жаль. *(Тихо наигрывает.)*

Трофим. Как у вас на «Звезде» дела идут?

Кондрат. Не очень. А у вас на «Глубокой»?

Гаврила. Порядок. Мы сегодня с Трошей дали всем пить. Рубанули столько — за три смены не вывезут.

Кондрат *(наигрывает)*. У вас хозяин хороший.

Гаврила. Дисциплину любит. Ух, коли что, — держись!..

Трофим. А все-таки он душевный. Как ни кроет, а никогда не уничтожает, значит, как бы его сказать, говорит, как человек с человеком.

Входит Макар.

Макар. Здорово, ребята!

Гаврила и Трофим. Здравствуйте, Макар Иванович!

Макар. Садитесь.

Гаврила. Постойм.

Макар. Не забыл, Кондрат?

Кондрат *(наигрывает)*. Не забыл.

Входят Галя и Марфа.

Гаврила. Давайте баян.

Кондрат возвращает баян.

Галя. Пойдемте в сад.

Гаврила, Галя, Марфа и Трофим уходят в сад.

Оксана *(из окна)*. Оля, ужинать! Макар, иди!

Макар. Сейчас. Пойдем, Кондрат, с нами.

Кондрат. Спасибо.

Ольга. Пойдем. *(Взяла его под руку, ведет в дом.)*

Входит Павел. Его не замечают.

Павел *(когда Ольга и Кондрат скрылись в дверях, тихо)*. Макар Иванович!

Макар *(повернулся)*. Павел?

Павел. Я.

Макар. Заходи, там Ольга.

Павел. Видел. Кого-то она повела?

Макар. Кондрата.

Павел. Рыжий Кондрат?

Макар. Он. Ты когда-то дружил с ним.

Павел. Дружил. Тогда он был тихий-тихий...

Макар. Пойдем в дом, поужинаешь с нами.

Павел. Я не ужинать пришел. Газетку видели, Макар Иванович?

Макар. А... Видел и читал, Павел Сафронович.

Павел. Новый рабкор появился на «Звезде».

Макар. Почему новый?.. Старый рабкор. Еще когда ты под стол пешком ходил, он уже писал в «Правду».

Павел. И тогда о «Звезде» писал?

Макар. Писал, когда дела шли плохо.

Павел. И помогало?

Макар. Помогало. Начальника шахты сняли и судили.

Павел. Может, он и сейчас этого хочет?

Макар. Он хочет одного: чтобы наша большая техника использовалась до конца, чтобы «Звезда» первой светила над всем Донбассом. Кроме того, у него есть еще и личное желание.

Павел. Какое?

Макар. Он хочет еще пожить при коммунизме. И как бы ему ни мешали — доживет до тех дней, непременно доживет.

Павел. Где же он нашел такого дурака, который не хотел бы жить при коммунизме?

Макар. Искать не надо. Он здесь.

Павел. Выходит, я?

Макар. Люблю, когда человек догадлив.

Павел. Слушайте, Макар Иванович, хоть и тесть вы мне, но меру знайте, может терпение лопнуть.

Макар. С тобой, голубчик, не тесть говорит, а коммунист.

Павел. Воевать хочешь?

Макар. Хотел бы, да...

Павел. Что?

Макар. Ты уже созрел. Тебя раз хорошенько труснуть — и упадешь.

Павел. А ты уж и перезрел. Дунь на тебя — и рассыплешься.

Макар. Попробуй. Только когда начнешь дуть, то намажь губы салом, чтоб не потрескались. И еще одно скажу, по-шахтерски, в глаза: берись за ум, еще не поздно, а то выгонят тебя не только из шахты, но и из партии. И не спасут тебя ни эти ордена, ни какие бы то ни были прошлые заслуги.

Входит Ольга.

Ольга. Павел!

Павел молчит.

Отец!

Макар молчит.

Что случилось? Что с тобой?.. *(Положила руку на плечо Павла.)*

Павел отвел ее руку, уходит.

Павел!

Павел не обернулся.

Что случилось, отец?

Макар. Ступай, Ольга, за ним, сейчас ты ему нужна... Иди, дочка.

Ольга. Будь здоров, отец. *(Пошла.)*

Макар. Будь здорова, дочка.

Ольга ушла. Макар пошел в дом. Из сада выходит Галя, за ней — Гаврила.

Гаврила. Галя, Галя!..

Галя. Не хочу с тобой разговаривать.

Гаврила. Почему? Что ж я такого сказал?..

Галя. Не имеешь права насмехаться над нами. Что ты задзеешься?

Гаврила. Да разве я над тобой насмехаюсь? Я о вашей шахте...

Галя. Наша шахта — это мы все...

Входят Марфа и Трофим.

Гаврила. Скажи ей, Марфа...

Марфа *(перебивает)*. Скажу, скажу... Пойдем, Галя, домой.

Трофим. Девушки, что вы?.. Ну, Гаврила не так сказал...

Марфа. Не впервые слышим от него. Да и ты тоже нос дерешь. Подумаешь — передовые! Мы тоже будем передовыми.

Гаврила. Пойдем, Троша.

Трофим. Подожди, Гаврила, надо разобраться.

Галя. Нечего разбираться. Нам надоело слушать, как вы хвастаетесь своими заработками...

Гаврила. Переходите на нашу шахту, и вы будете хорошо зарабатывать.

Галя. Нас комсомол прислал сюда поднимать Донбасс, а не искать, где больше платят.

Трофим. Не горячись, Галя.

Гаврила. Мы добычу даем за себя и за вас, вы ж в хвосте плететесь и всю картину Донбасса портите.

Галя. Так помогите нам. Переходите на нашу шахту. Без вас на «Глубокой» ничего не случится, она идет впереди всех.

Марфа. Верно, переходите, тогда и картина будет другая.

Гаврила. А зачем нам переходить? Нашу шахту весь Союз знает, а у вас что на сегодняшний день? Дыра, а не шахта.

Галя. Дыра?!. Тогда идите к своим девушкам. *(Ушла в дом.)*

Марфа. Эх вы, задаваки!.. *(Тожe пошла в дом.)*

Гаврила. Вот и все.

Трофим. Что же теперь будет?

Гаврила. А я почему знаю?..

Трофим. А зачем ты начал насмехаться?

Гаврила. Не в этом дело.

Трофим. А в чем же?

Гаврила. Завидуют нам.

Трофим. Как сказала... «Задаваки!..»

Гаврила. Ну, и задаюсь, есть чем. За этот месяц у нее восемьсот, а у меня — пять тысяч.

Трофим. А что, если б мы перешли к ним и показали класс работы?.. А?..

Гаврила. Одурел ты. О нас в газетах пишут... Быть первыми на самой первой шахте и променять на что? Пойдем в гости к нашим девушкам.

Трофим. К кому?
Гаврила. К Марусе.
Трофим. Сказал! Лучше к Кате.
Гаврила. Тоже выдумал! Сидит, как квочка...
К Пелагее пойдем.
Трофим. К Пелагее? Да она такая врунья...
Гаврила. К кому же тогда?

Выходят Галя и Марфа. Из дома слышен голос Оксаны: «Куда вы, девушки?»

Галя. В кино идем.

Посмотрели на парней, отвернулись и быстро ушли на улицу.

Гаврила. Может, к Наде пойдем?
Трофим. У нее Николай, верно, сидит, зачем им мешать?.. Говорят, сегодня хорошая новая картина.
Гаврила. Новая! «Чапаев». Сто раз видел.
Трофим. Так, может, пойдем к девушкам в общежитие?
Гаврила. Да ну их! Пойдем, Трофим, смотреть «Чапаева» в сто первый раз.
Трофим. Вот это верно, Гаврила.

Гаврила растянул баян. Уходят, напевая. Входят Кондрат, Макар и Оксана.

Кондрат. Кажется, время спать. Спокойной ночи.
Макар. Спокойной ночи.

Кондрат ушел.

Оксана. Что Павел?
Макар. Злитя — значит, толк еще будет.

Входит Артем.

Оксана. Артем, где это ты так долго пропадал?
Артем. Дела задержали в городе.
Оксана. Иди, Артем, ужинать.
Артем. Спасибо, мама, я не голоден.
Оксана. Как тебе хорошо в этом мундире!
Артем. Ну?..
Оксана. Очень к лицу.

Макар. А все-таки не для того ты учился, стал горным инженером, чтобы в военном мундире ходить. Петр погиб. Кто нашу честь шахтерскую поддержит?

Артем. Отец, не в мундире дело. Я офицер, и офицерская честь такая же, как и шахтерская. Разве армия может сейчас обойтись без инженеров?

Макар. Не может — это правда. Что ж, иди своей дорогой.

Оксана. А я завтра иду на шахту.

Артем. Зачем?

Оксана. Собрала своих подруг, идем на помощь, берем шефство над общежитием и столовой.

Макар. Мои старые приятели — Орлов, Хмара, Зинченко — тоже решили выйти с понедельника на шахту. Увидишь мою гвардию — большая сила на «Звезду» идет.

Артем. Да разве их старые руки смогут что-нибудь серьезное сделать? Тебе давно пора отдыхать, а они ведь старше тебя.

Макар. Дело не в руках. Они пойдут как инструктора. Учить людей будут. Помогут навести порядок. Народ заслуженный. Дошло, товарищ инженер?

Артем. Дошло. А все-таки тебе, мама, не стоит идти на шахту.

Оксана. Отцу можно, а я что, старше его? На целых два года моложе. Я расскажу тем девушкам и парням, которые теперь пришли на Донбасс, как мы работали на англичанина, как жили и что теперь советская власть сделала для шахтера. Я им, сто чертей...

Макар. Но, но... Только не ругайся.

Оксана. Не перебивай, ксь правду говорю.

Макар. Иди, Оксана, я с Артемом хочу поговорить. Не трать порох, на шахте завтра об этом скажешь.

Оксана. Скажу, еще не так скажу! На шахте мне никто рта не закроет. (Уходит.)

Макар. Там был?

Артем. Был, отец.

Макар. Что сказали?

Артем. Первым гестаповцы посадили нашего Петра, а через день — весь комитет. Расстреляли их возле старой шахты, но среди расстрелянных Петра не было. Куда он исчез, никто не знает. Одно ясно — выдал их кто-то из местных. Но кто — неизвестно. Больше ничего не сказали.

Макар. Ничего?

А р т е м. Ничего.

М а к а р. Всех наградили посмертно, а нашего Петра — нет.

А р т е м. Если бы он был вместе со всеми...

М а к а р. Все равно, несправедливо. Его убили где-то в другом месте.

А р т е м. Взяли на расстрел Петра со всем комитетом.

М а к а р. Так что же это может быть?

А р т е м. Не знаю. Пройдет время — когда-нибудь выяснится.

М а к а р. Мучит меня: не знаю, как Петр стоял перед смертью.

А р т е м. Я верю, Петр...

М а к а р. И я верю, но иногда такое в голове начинает мерещиться... Скажи, сын, твердо решил в армии остаться?

А р т е м. Твердо. Вы ведь сами когда-то были в армии командиром и знаете, как можно полюбить военное дело.

М а к а р. Да. Скажу я тебе правду: я тоже когда-то думал навсегда остаться в Красной Армии.

А р т е м. Почему же не остался?

М а к а р. Почему? Партия сказала нам: «Вы, шахтеры, навеки хозяева своих шахт, поднимайте шахты, уголь нужен нам, как победа над белыми...» И я остался. Мы тогда впервые зажгли звезду над нашей шахтой. Видишь, вон она, наша звезда горит?

В глубине сцены зажглась звезда.

А р т е м. Вижу, отец... Вижу. (*Поцеловал его.*)

З а н а в е с.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Большая комната. На стенах — пейзажи Донбасса, портреты Ольги и Павла. Стулья и кресла в белых чехлах. Возле дивана — столик, на нем несколько пузырьков с лекарствами, графин, папиросы, пепельница, телефон. На диване лежит Павел. На столике у стены — макет шахты.

Павел (*говорит по телефону*). Лежу, Сергей Сергеевич, уже шестой день лежу. Так осточертело! Да что врачи, когда сердце сдало. Этот месяц для меня был просто сумасшедшим. А? Кисловодск? Еду. Путевку получил. Вечером еду... Да, читал сегодня, как же. опередил ты нас всех, опередил. От души поздравляю. Я вылез, вылез. Начинаю план давать... Спасибо. За тобой не угонишься... Что? Макар Иванович... Да, он со своими стариками из шахты не вылезит. Хлопот с ними много. Да, въедливые старики... Ольга не едет, у нее съезд врачей. Спасибо, передам. Будь здоров. (*Положил трубку.*)

Входит домработница Стеша.

Стеша. Пришел завстоловой Филипп Семенов. Спрашивает, можно ли войти.

Павел. Пусть войдет. Принеси воды, я лекарство приму.

С т е ш а. Хорошо. *(Взяла графин, вышла.)*

Входит Филипп Семенов, на лысине у него пластыри.
Вносит ящик.

Ф и л и п п. Как ваше драгоценнейшее, Павел Сафронович?

П а в е л. Что?

Ф и л и п п. Здоровьечко.

П а в е л. Ты ведь сегодня уже спрашивал меня. Что притащил?

Ф и л и п п. В дальний путь, в дорогу.

П а в е л. Что там?

Ф и л и п п. Что у нас можно достать? Трафарет, трафарет!..

П а в е л. А все-таки?

Ф и л и п п. Колбаса, семга, икорка. Трафарет! Весь город обыскал, а такой натуральной мелочи, как коньяк пять звездочек, нет.

П а в е л. На кой он мне черт! Я его терпеть не могу. И вообще мне запрещено.

Ф и л и п п. Сердце, сердце...

П а в е л. Ну, положи там, на всякий случай, литр водки. Может, кто-нибудь в дороге в купе зайдет...

Ф и л и п п. Есть, есть. Так хотел достать коньяк! Все-таки будете ехать в международном, а там всегда один, а то и два министра, три-четыре генерала... Слово за слово, не с водки же начинать записывать пульку с такими людьми.

П а в е л. Я с министрами встречался. Пьют водку так же, как и мы. Вот что, ты бы красного перцу...

Ф и л и п п. Только подумали, а мы — вот. *(Достает из ящика бутылку, в которой стручок красного перца.)*

Входит Стеша, ставит графин с водой. Вышла.

П а в е л *(взял бутылочку с лекарством)*. Нужно лекарство принять, налей в стопку воды.

Ф и л и п п *(взял стопку)*. Павел Сафронович... Павел Сафронович...

П а в е л. Что с тобой?

Ф и л и п п. Карайте, но не могу исполнить вашей просьбы. В такую святую посуду — лить простую воду. Разрешите?..

Павел. Врачи запретили. Нельзя.

Филипп (*прячет в ящик водку*). Сердце... сердце!.. (*Наливает воду.*) Жаль.

Павел (*принял лекарство*). Что нового?

Филипп. Вчера слушал по радио «Голос Америки». Серьезные дела творятся в мире, Павел Сафронович. И какие опасные! Мы здесь все «добыча, добыча!..», а как послушаешь...

Павел. А зачем ты их слушаешь? Врут, дураков ищут... Или, может, ты в дураки записался?

Филипп. Врут, очень врут. Но для кругозора послушать интересно. Что ни говорите, а живем мы — день ото дня не отличишь. Добыча, добыча... Трафарет!

Павел. Трафарет, говоришь?

Филипп. Трафарет.

Павел. А вчера, Семененко?

Филипп. Что?

Павел. Моя теща, Оксана Андреевна, говорят...

Филипп. Правда, правда.

Павел. Как это случилось?

Филипп. Зашел я в столовую — порядок, шахтеры обедают, только в углу ваша теща что-то громко говорит. Я подошел. А она: «Вот кто таким борщом кормит шахтеров». Я, помня, что Оксана Андреевна ваша теща, ответил ей вежливо: «Не нравится вам наш шахтерский борщ — готовьте дома». Ну, что здесь такого я сказал?

Павел (*сдерживая смех*). А она?

Филипп. Тарелкой меня по голове — раз, тарелка вдребезги. Видите? (*Показал на голову.*)

Павел. Ну, а шахтеры что?

Филипп. Не дали мне и слова сказать. Я — жертва наших трудностей. Жертва!

Павел. Трудности трудностями, а жалоб на тебя много. Почему у соседей прилично кормят? Почему ты сидишь? Поехал бы в колхоз — с неба продукты не упадут. Я тебя предупреждаю: душу вытрясу. Надоело мне жалобы слушать.

Филипп. Не волнуйтесь. Сердце... сердце берегите.

Павел. Ты бы хоть раз в шахту спустился и посмотрел, как работает шахтер.

Филипп. В лепешку расшибусь, все, что в моих силах, сделаю.

Павел. Предупреждаю в последний раз: еще одна жалоба — и выгоню.

Звонит телефон.

(Берет трубку.) Слушаю. Когда? А хотя бы и сейчас. Заходите. (Положил трубку.) Макар Иванович со своей гвардией. Надо пиджак надеть. (Встает, идет в другую комнату. Говорит оттуда.) Как с билетом на поезд?

Филипп. Будет, через час обещали выдать.

Вошел Павел.

Разрешите на вокзал?..

Павел. Сколько стоит билет?

Филипп. Сто двадцать.

Павел. Получай. (Дает деньги.) А это? (Показывает на ящик.)

Филипп. Пустяки. Не беспокойтесь. Это наше дело.

Павел. Как?

Филипп. Денежки вам на курорте понадобятся. Лечение, лечение... Куда ни повернешься — шашлычок, кахетинское... Не беспокойтесь. Проведу по столовой. Это уж мое дело. Трафарет!

Павел. Скажи, сколько все это стоит, чтобы я знал, за что мне благодарить тебя.

Филипп. Что вы, для вас я на все готов!.. Пустяки. Ящикек этот семьсот пятьдесят рублей. Не беспокойтесь — проведем...

Павел. Вот что. (Отсчитывает деньги.) Получай семьсот пятьдесят рублей и завтра сдавай дела. Понял?.. (Дал деньги.)

Филипп. Павел Сафронович, да вы... да я... я пошутил.

Павел. Убирайся, гад, прочь!..

Филипп выбежал. Входит Стеша.

Стеша. Рыжий Кондрат пришел.

Павел. Проси.

Стеша вышла. Входит Кондрат.

Кондрат. Здравствуйте, Павел Сафронович.

Павел. Здорово, Кондрат Карпович, садись. Отдыхаешь сегодня?

Кондрат. Отдыхаю.

Павел. Ну и костюм же у тебя. Да. Хорошо! Ты в нем просто как жених. Не влюбился ли?

Кондрат. Нет.

Павел. Что-то не верится.

Кондрат. Любить можно только раз, Павел Сафронович.

Павел. Ну, это неверно. Жена умерла, чего ж тебе ходить одному?

Кондрат. Я привык, давно один хожу... Какой красивый портрет!

Павел. Это Ольга месяц назад фотографировалась в Киеве. Что, постарела Оля, правда?..

Кондрат. Нет, такая же, как и была...

Павел. Ну, это у тебя, видно, зрение неважное... А знаешь, для чего я тебя вызвал?

Кондрат. Нет.

Павел. Вспомнил я, что ты когда-то неплохо играл на баяне и пел.

Кондрат. Был такой грех. *(Улыбнулся.)*

Павел. Принесли мне один баян. Продают. Я хочу, чтобы ты посмотрел, стоит ли его купить. *(Идет в другую комнату и выносит баян, подает Кондрату.)*

Кондрат осмотрел, пробует.

Как?

Кондрат. Хороший, очень хороший. Новый...

Павел. Стоит покупать?

Кондрат. Если бы мне такой случай подвернулся, купил бы сразу. Сколько просят?

Павел. Не в деньгах дело.

Кондрат. Повезло вам, повезло: такой инструмент случился. *(Играет.)* Как звучит!

Павел. Рад, что тебе нравится.

Кондрат. Может, не сторгуется, так...

Павел. Ты бы взял?

Кондрат. И глазом не моргнул бы.

Павел. Так бери.

Кондрат. Как?

Павел. Для тебя купил. Премия тебе за этот месяц. Хорошо уголь рубал. Дай руку.

Кондрат. Павел Сафронович, я...

Павел *(перебивает)*. Играй, говорить ничего не нужно. Вывез ты нас, вывез.

Кондрат. Это ж не я, а Макар Иванович, бригадир наш, так дело организовал.

Павел. Макару Ивановичу я вынес благодарность по приказу.

Кондрат. Спасибо, спасибо! Хочу тебе, Павел Сафронович, открыть одну свою мечту.

Павел. Какую?

Кондрат. Думаю выполнить свой пятилетний план за полтора года. Макар Иванович обещал так организовать работу в нашей бригаде, чтоб моя мечта сбылась.

Павел. Хочешь рекорд дать?

Кондрат. План хочу дать. Завтра на партийном собрании дам слово коммуниста.

Павел. Что ж, давай руку, это хорошее дело.

Кондрат. Не подведу, Павел Сафронович.

Павел. Верю. *(Пауза.)* Смотрю я на тебя, Кондрат, и вспоминаю нашу молодость. Помнишь, как мы коногами работали, а? В старых шахтах, без машин, шахтеры обушком долбят... А какие были шахтеры!.. Богатыри! Богатыри!.. Ваську Громова и его друга Зубцова помнишь?

Кондрат. Таких не забудешь.

Павел. Гуляют день, гуляют два, а потом как рванут, только успевай возить.

Кондрат. И лошадка же у вас была — Орлик...

Павел. Орлик, Орлик.

Кондрат. Летали же вы на ней!..

Павел. Бешено ездил. Это правда. Дни молодости.. Не забыл, Кондрат? *(Начинает петь.)*

Кондрат тихо играет и тоже поет.

Павел умолк, слушает, как Кондрат играет и поет песню про коногона.

Вот лошадь мчится по продольной,
По темной, узкой и сырой,
А коногона молодого
Предупреждает тормозной:
— Ах, тише, тише, ради бога!
Здесь ведь и так большой уклон.
На повороте путь разрушен,
С толчка забурился вагон.
И вдруг вагончик забурился,
Беднягу к нам он прижал.
И к коногону молодому
Друзей на помощь кто-то звал.

Через минуточку над вагоном
Уже стоял народ толпясь,
А коногону к шахтной клети
Несли с разбитой головой.
Прощай навеки, коренная,
Мне не увидиться с тобой.
Прощай, Маруся, ламповая,
И ты, товарищ стволовой.

Кондрат закончил песню. Большая пауза.

Кондрат. Что с тобой, Павел?

Павел. Сердце немного... нервы разошлись...

Кондрат. Беречься нужно.

Павел. Пройдет. *(Вынул из ящика бутылку, закуску, наливает Кондрату стопку водки.)* Бери, Кондрат. За нашу молодость!

Кондрат. А ты?

Павел. Нельзя мне, сердце. Ну, по такому случаю, пожалуй, немного. *(Берет стопку, наливает.)* Будь здоров, дружище!

Выпили, закусывают.

А ты знаешь, легче стало. Легче. Давай повторим. *(Наливает.)*

Кондрат. Твое здоровье.

Пьют.

Павел. Определенно легче.

Закуривают.

Эх, Кондрат, ты, дружище, представить не можешь, как бы я хотел быть сейчас на твоём месте. Бросить все, пойти в забой...

Кондрат. Что ты, Павел, столько учился!

Павел. Учился... Но как мы тогда учились! Окончить не дали, а теперь доучиваться поздно. Да и понял я: одной наукой не возьмешь. Есть у нас такие инженеры, нормально учились, а чего они стоят? Ни характера, ни силы. Поверишь, никто не знает... Бывает так... Трудно мне сейчас. Очень трудно. За всех работаю и отвечаю один за всех.

Кондрат. Самое тяжелое уже позади. Начали план давать, становимся на ноги.

Павел. Только начали, не успели вылезть, а сегодня уже сообщили — план нам увеличивается.

Кондрат. Увеличили?

Павел. И насколько увеличили! Вот почитай. (По-дает бумажку.)

Кондрат прочитал, улыбнулся.

Чего ты улыбаешься?

Кондрат. Не дают дремать, не дают. Вперед — и все.

Павел. А с кем вперед? С кем идти? Если бы у меня таких, как ты, хотя бы десяток был.

Кондрат. Так работать, как я, у нас могут почти все. Прости, Павел, нет у нас порядка. Штурмуем, шахту гробим.

Павел. А почему это так?

Кондрат. Тебе виднее.

Павел. Э, нет, начал, так говори прямо.

Кондрат. Нет хозяйской руки, администрация виновата.

Павел. Это значит — в первую очередь я?

Кондрат. Так выходит.

Павел. А шахтеры? Шахтеры святые? Ни в чем не виноваты?

Кондрат молчит.

Чего умолк?..

Кондрат. Думаю.

Павел. О чем же ты думаешь?

Кондрат. Думаю, на рабочих вину сваливает только тот, кто не руководит делом, как нужно.

Павел. Кем же на «Звезде» руководить? Разве у нас рабочие, шахтеры? Где ты их видел? Настоящих шахтеров по пальцам можно перечесть, а то все...

Кондрат. Что?

Павел. В Донбасс теперь понаехали только те, кто нигде не мог устроиться. Какая с них работа? А завербованные сельские девушки да парни только и думают, как бы домой возвратиться. Ты что, с неба упал?

Кондрат. Никогда на небо не забирался. Мое дело — под землей, но считаю: таких шахтеров, как сейчас, у нас еще никогда не было. На «Звезде» все грамотные, сельские девушки и парни по семь классов имеют... Нужно только организовать их как следует.

Павел. Грамотные, а добыча где? Чего молчишь? Я спрашиваю, где добыча, черт возьми! Молчишь?! (*Ударил кулаком по столу.*)

Кондрат. Не кричи, я не из пугливых.

Павел. Я не о тебе, ты не в счет. Пойми, надоело мне выговоры получать, надоело, к черту! Я теперь так на всех нажму, что масло потечет. Хватит разговоров, довольно! (*Пауза.*) Чего молчишь?

Кондрат. Думаю.

Павел. Ты не крути, отвечай.

Кондрат. Не поймешь.

Павел. Не пойму?

Кондрат. Да.

Павел. Шибко грамотными все вы стали для себя, а уголь пусть начальник шахты дает? Не выйдет!

Звонок телефона.

(*Повернулся, взял трубку.*) Ну... Да не спеши. Так. А где я тебе, из кармана лес возьму? Что?.. Да не болтай. Выкрутишься, выкрутишься...

Кондрат незаметно вышел.

Утром лес будет, обещали. Без паники. Я знать ничего не хочу. Кто виноват? Не твоего носа дело. (*Положил трубку, обернулся, увидел, что Кондрата нет, крикнул: «Стеша!»*)

Входит Стеша.

Стеша. Что, Павел Сафронович?

Павел. А Кондрат где?..

Стеша. Ушел.

Павел. Иди.

Стеша вышла.

Павел взял баян, наигрывает, бросил его на диван.

Входит Стеша.

Вернулся?

Стеша. Нет. Пришел Макар Иванович и с ним три деда. Поговорите с ними на кухне, а то они только из шахты вылезли...

Павел. Шахтеров принимать на кухне?! Зови их сюда! (*Открыл дверь.*) Прошу, входите, входите!

Стеша выходит. Входит Макар Иванович, с ним старые шахтеры Орлов, Зинченко, Хмара.

Шахтеры. Здорово, Павел Сафронович.

Павел. Здравствуйте. *(Подает руку.)*

Макар. Как здоровье?

Павел. Неважно. Садитесь.

Орлов. Мы только из шахты. Спешили, ведь вы едете.

Хмара. Мы постоим.

Макар. Ничего, ребята постоят.

Павел. Садись, шахтеры, садись, иначе разговаривать не буду.

Макар. Садись, ребята.

Все сели.

Павел. Курите. *(Угощает всех, закурили.)* Ну, Макар Иванович, начинай, я слушаю.

Макар встал.

Да сиди.

Макар. Мне так удобнее. *(Достает очки, записную книжку. Шахтеры делают то же.)* Мы задумали большое дело...

Павел. Выкладывайте, что еще за Америку открыли?

Макар. Америку открывать мы не собираемся. Да и стоит ли нынче Америку открывать?.. Разреши Никифору Петровичу Орлову дать слово.

Орлов *(посмотрел в книжечку)*. Меня послал Макар Иванович на шахту Чигари, чтобы я присмотрелся и в точности понял, как работает забойщик Евгений Никитович Пастухов. Приехал я к нему и говорю: «Евгений Никитич, слышали мы о вас и приняли решение познакомиться. Привет вам сердечный от всех шахтеров нашей «Звезды»... Привет также вашей жене...»

Макар. Вы, молодой человек, к делу ближе.

Орлов. Слушаю, Макар Иванович. Три дня я провел с Евгением Никитичем. Тридцать три года я проработал на шахтах, но такого не видал. Евгений Никитич использовал давление породы на пласт угля. Давление миллионов тонн. Природу Евгений Никитич заставил работать на пятилетку. За полтора года выполнил пятилетнее задание. Здесь у меня про метод Евгения Никитича исписана целая книжечка.

Макар. Садитесь, Никифор Петрович, садитесь. Иван Иванович Хмара.

Хмара. Я коротко. Макар Иванович послал меня к молодому забойщику Пантелею Дмитриевичу Рындину. Шахта номер девять имени Артема. Передал я ему привет от всех наших. Поначалу мы выпили, кажись, литр, хотя нет, нас было пятеро: Рындин, его ученики, люди молодые, веселые, грамотные, по-настоящему грамотные. О деле говорят так, что не только нам, старикам, но и многим инженерам у них поучиться можно.

Макар. Это неважно. Рассказывай, хлопче, о деле.

Хмара. Я коротко. Выпили мы прилично, даже хорошо, а на другой день пошел я с Пантелеем Дмитриевичем в шахту. В чем метод Рындина?

Павел. Я слышал о его методе.

Хмара. Тогда я коротко. Рындин за одну смену при мне сделал полный цикл по всей лаве и вырубал сто двадцать шесть тонн, при норме восемь и две десятых. Все у меня здесь описано.

Макар. Вот если бы все так работали, то мы бы через несколько лет в коммунизме были.

Павел. Коммунизм — это после нас, а нам бы план выдержать. Только вылезли. Удержаться — вот что главное сейчас.

Макар. Не согласен. Коммунизм — это дело нашего поколения, нашего. Ты не улыбайся. Мы — старики, а думаем жить еще не меньше пятнадцати, а то и двадцати лет. Так, Хмара?

Хмара. Обязательно проживем! А если некое «лекарство» станет подешевле, то я лично ручаюсь за двадцать пять. Нужно, чтобы все учились у наших знаменитых передовиков и не отставали от них.

Макар. Так вот, Павел, возмись за это твердой рукой, а мои ребята помогут.

Зинченко. Мы готовы не вылезать из шахты.

Павел. Что же вы предлагаете?

Макар. Надо учить молодежь.

Хмара. Чтобы все как один грамотно брали уголь.

Павел. Нам план, уголь давать надо. Что у меня, академия?

Макар. Нужно учить и работать.

Павел. Ну, если вы всё так понимаете, а я, сумасшедший, ни черта не смыслю, то, пожалуйста, садитесь на мое место и командуйте. Кто из вас желает? Прошу.

Макар. Ты, Павел, не обижайся.

Павел. Я ничего не смыслю...

Макар. Ты понимаешь, и хорошо понимаешь, но не делаешь того, что можешь сделать. А мы тебя заставим поворачиваться так, как нужно. Заставим.

Павел. Кто это — мы?

Макар. Коммунисты шахты.

Павел. Всё? Будьте здоровы.

Хмара. Сегодня на партбюро все выложим.

Макар. Подумай.

Павел. Подумаю.

Зинченко. У Тараса Шевченко есть хорошие слова: «Думи мої, думи мої, лихо мені з вами...»

Шахтеры ушли. Входит Стеша.

Стеша. Какие рубахи вам положить в дорогу?

Павел. Что? *(Сел за стол, просматривает бумаги, пишет.)*

Стеша. Какие рубахи положить? Скоро поезд.

Входит Ольга.

Хорошо, что вы пришли, Ольга Макаровна. Какие рубахи положить в дорогу?

Ольга. Идите, Стеша, я сама положу.

Стеша *(тихо Ольге)*. Видите *(показывает на стулья)*, шахтеры были...

Ольга. Ничего. Идите.

Стеша уходит.

Прости, Павел, никак не могла раньше вырваться.

Павел. Почему? У тебя ведь перерыв на съезде, кажется, с четырех, а сейчас уже шесть.

Ольга. Да, но группа хирургов захотела осмотреть мою поликлинику. Я им показывала. Ты едешь, тебя нужно в дорогу собрать. *(Открыла ящик, вынула рубахи.)* Вот, Стеша всегда забывает пуговицы пришить. *(Берет иголку, пуговицу.)* Сколько вопросов мне задали!

Никогда не имела такого экзамена. А потом... нет, не скажу... Вот, это для тебя принесла. *(Подает журнал.)*

Павел. Что это?

Ольга. Журнал поликлиники. Прочитай, что написал профессор Торченко. Если бы ты его видел! Сердитый дед. Вот здесь читай, как он оценивает нашу работу. *(Показала, снова взяла рубаху, пришивает пуговицу.)*

Павел молча читает.

Будет ли еще в моей жизни такой праздник? Ой, нет... *(Закрывает глаза.)*

Павел *(бросил на стол журнал)*. Хорошо написал профессор. Хорошо!.. Поздравляю, Оля. У меня скоро партбюро, а там и поезд. Собирай чемодан. Ольга, ты что, уснула? Чемодан собирай.

Ольга. Нет, я не сплю.

Павел. Чего ж глаза закрыла?..

Ольга. Так. Ты что-то сказал?

Павел. Что с тобой?..

Ольга. Я сейчас. Сейчас соберу тебе все в дорогу. Ты хочешь что-то сказать?

Павел. Не забудь положить мне ночные туфли.

Ольга. Хорошо, положу. Еще что?

Павел. Смотри сама, на месяц еду. Надеюсь, ты проводишь меня?..

Ольга. К сожалению, не могу. На вечернем заседании мой доклад стоит первым.

Павел. Скажи, чтобы перенесли на завтра.

Ольга. Это неудобно, да и нельзя.

Павел. Выходит... Ну, как знаешь. Просить не буду. Меня друзья проводят.

Ольга. А разве они с тобой не едут?

Павел. Кто?

Ольга. Твои друзья.

Павел. Нет.

Ольга. Жаль.

Павел. Почему?

Ольга. Ты так к ним привык, почти каждый вечер после работы с ними.

Павел. А с кем же мне быть? Что они, плохие люди?

Ольга. Я этого не говорю, но уж больно веселые.

Павел. Лучше с веселым потерять, чем со скучным найти.

Ольга (*укладывает вещи в чемодан*). Этот галстук тоже положить?

Павел. Положи.

Ольга. Я хотела бы, чтобы ты просмотрел мой доклад. Только две последние главы.

Павел. Я в медицине не разбираюсь.

Ольга. Там идет речь о твоей шахте.

Павел. О «Звезде»?..

Ольга. Да.

Павел. Ты что же, ее лечить собираешься? (*Улыбнулся.*)

Ольга. Прочитай, Павел, хотя бы вот эту главу.

Павел. Некогда мне, готовлюсь, у меня партбюро.

Ольга. Я тебя прошу.

Павел. Расскажи коротко, что там.

Ольга. Коротко... Ну, хорошо. (*Раскрыла доклад.*) Я показываю, что на шахте «Глубокой» почти нет несчастных случаев. Почему? Там высокая социалистическая культура труда уничтожила их. Процент травмированных на «Глубокой» очень низкий.

Павел. А что же о «Звезде» говоришь?

Ольга. Павел, мне трудно было найти другую такую шахту, как твоя. Ты пойми меня как следует. Перед наукой... надо быть честным.

Павел. Говори, говори...

Ольга. За этот год у тебя техника использовалась плохо. Рывки, штурмы дали такие цифры. Травматизм серьезный. Вот как идет кривая. Моя поликлиника зарегистрировала на протяжении года...

Павел. Для чего ты это делаешь?

Ольга. Для того, чтобы показать, что там, где механизмы работают как следует, исчезает самое большое зло в горном деле — травматизм, увечье, инвалидность. У тебя же, Павел...

Павел. Довольно. (*Ходит по комнате.*)

Ольга. Я с тобой, Павел, об этом не раз говорила. Я понимаю, тебе трудно, но... Если бы ты знал, что мне приходится выслушивать от рабочих по твоему адресу, когда я им оказываю помощь!

Павел. Ты знаешь, что значит сегодня дать уголь государству? Это бой, это фронт.

О л ь г а. Знаю.

П а в е л. А в бою все остаются целы?

О л ь г а. В шахте все должны быть целыми и здоровыми. За здоровье шахтеров отвечаешь ты.

П а в е л. На кой черт вы тогда нужны?

О л ь г а. Чтобы не только помогать тем, кто страдает от твоей беззаботности...

П а в е л. Что?

О л ь г а. И отсталости.

П а в е л. Ну, что ж, иди. Только ты думала над тем, как же нам дальше жить?

О л ь г а. Думала, и больше тебя.

П а в е л. Что же ты решила?

Ольга молчит.

Говори.

О л ь г а. Не спеши, я скажу... Все скажу.

П а в е л. Чего же ты от меня хочешь?

О л ь г а. Теперь только одного. Отвечай за здоровье рабочего в шахте. Ты не имеешь права закрывать на это глаза. *(Показала на свой доклад.)* Тебе никто этого не простит *(Надела плащ, берет журнал и доклад.)*

П а в е л. Идешь меня позорить, топтать в грязь.

О л ь г а. Моя профессиональная честь...

П а в е л. А моя честь — что для тебя?

О л ь г а. Я не могу молчать, не могу идти против своей совести. Не могу...

П а в е л. Что ж, иди. Твой отец сейчас на партбюро будет меня крыть, а ты — там. Здорово получается! Желаю вашей семейке успеха. Иди!

О л ь г а. Знаешь, Павел...

П а в е л. Что?

О л ь г а. Не надо нам жить вместе. Не надо, просто невозможно... *(Ушла.)*

П а в е л *(вслед)*. Ольга! Оля... *(Опустился в кресло.)*

Стук в дверь. Павел не отвечает. Входят Гаврила и Трофим.

Г а в р и л а. Простите, что мы к вам, Павел Сафронич, пришли на квартиру. Нам сказали, что вы дома и сегодня едете...

Т р о ф и м. Мы решили зайти.

Павел молчит.

Гаврила. Я — Гаврила Гаврилович Братченко, а это мой напарник — Трофим Александрович Голуб. Мы с шахты «Глубокой».

Павел. Что вам нужно?

Гаврила. Решили перейти на вашу шахту.

Павел. Кто?

Гаврила. Мы.

Павел. Что вы там натворили?.. Почему удираете с «Глубокой»?

Трофим. Ничего не натворили.

Гаврила. И удирать не в нашем характере.

Павел. Не врете. Вы думаете, я вас не знаю?

Гаврила. Нас весь Донбасс знает.

Павел. Говорите правду.

Трофим. Мы и говорим. Гаврила и я пришли в райком комсомола и попросили, чтобы нам помогли перейти на «Звезду».

Павел. Для чего?

Гаврила. Показать у вас класс работы.

Павел. И Сергей Сергеевич отпустил?

Гаврила. Не хотел сначала, но секретарь райкома уговорил.

Павел. А вы знаете, что сейчас на «Звезде» не сможете зарабатывать столько, сколько на «Глубокой»?..

Трофим. Это еще увидим.

Гаврила. Нас сейчас не деньги интересуют.

Павел. А что же?

Гаврила. Картина...

Павел. Какая картина?

Трофим. Шахта ваша отстает.

Гаврила. Нужно, чтобы она не портила всю картину Донбасса.

Павел. Вы что же, художниками стали?

Гаврила. Мы и есть художники своего дела.

Павел. Что ж, хорошо. Спускайтесь завтра в шахту, рисуйте.

Гаврила. Нарисуем!..

Трофим. Мы никогда не подведем, товарищ начальник.

Гаврила. Вот наше заявление. Пошли. Передайте привет Ольге Макаровне.

Ушли. Входит Стеша.

С т е ш а. Семененко билет на поезд передал.

Павел взял билет, разорвал его и бросил.

Что вы, Павел Сафронович?!

П а в е л. Никуда я не поеду, Стеша.

З а н а в е с.

КАРТИНА ВТОРАЯ

Место действия то же, что и в первом акте, только осень осыпала золотом сад. Из глубины сада слышна песня. Это поют Галя, Марфа, Гаврила и Трофим. С улицы входит Кондрат. Он усталый. Подошел к окну, тихо позвал: «Анка, Анка!..» Ему никто не отвечает. Кондрат подошел к веранде, сел на ступеньку. Из дома выходит Ольга. Увидела Кондрата, подошла, села около него.

О л ь г а. Нет Анки?..

К о н д р а т. Нет.

О л ь г а. Найдется. Не может быть, чтоб она...

К о н д р а т. Третий день ищу. Где ни ходил, всех переспросил — никто ее не видел.

О л ь г а. А в старой шахте был?

К о н д р а т. Был. Прошел немного, но дальше идти не смог, может завалить. Боюсь я, она все книги о всяких путешествиях читала. Не прыгнула ли в поезд?

О л ь г а. Если даже так, то поездит еще два-три дня и вернется.

К о н д р а т. А если нет?

О л ь г а. Не может быть, чтобы Анка навсегда тебя оставила. Ты даже похудел за эти дни. Пойдем, я приготовлю тебе чего-нибудь поесть.

К о н д р а т. Спасибо, Оля, не хочется.

О л ь г а. Нельзя так, пойдем...

К о н д р а т (встал). Макар Иванович дома?

О л ь г а. Нет, куда-то ушел.

К о н д р а т. Сегодня ночью нам нужно в Москву ехать, как мне теперь быть?

О л ь г а. Зачем вас министр вызывает?

К о н д р а т. В телеграмме сказано: выехать мне и Макару Ивановичу. И все.

О л ь г а. Поезжай спокойно, не беспокойся. Анку разыщем, возьмем к себе.

К он д р а т. По утрам заморозки уже начались...

О л ь г а. Да. А георгины еще держатся. Смотри, какие они пышные в этом году! *(Ломает несколько георгинов, идет в дом.)*

Входят Макар Иванович, Хмара, Орлов и Зинченко.

Макар *(издали)*. Кондрат!

Кондрат не отвечает.

Кондрат!

К он д р а т. Что, Макар Иванович?

Макар. Анку разыскал?

К он д р а т. Нет.

Макар. И где она бродит?

К он д р а т. Не знаю. *(Ушел.)*

Макар. Сядем здесь — в комнате душно. Надо посоветоваться перед отъездом.

Все садятся на ступенях веранды.

Зинченко. Интересно, как вам придется докладывать министру: при людях или одному?

Макар. Раз вызывают меня и Кондрата, то, видно, немало съедется таких, как мы.

Орлов. И трудно вам будет, Макар Иванович. Дадут минут десять, что тогда? Пока прокашляешься, пока разойдешься...

Хмара. А ему Кондрат своих десять отдаст, а за двадцать минут можно и накашляться и наговориться.

Макар. И за десять можно, коль есть что сказать, а если в голове туман, то и два часа не помогут.

Зинченко. Справедливо. Но столько у нас вопросов! Нужно хорошо использовать этот случай. Если добьетесь половины того, что мы вам подали...

Макар. Много понаписывали. *(Раскрывает папку.)* Меня мучает одно: для чего нас вызывают? В телеграмме — выехать на совещание, и все. А чего от нас ждут?

Зинченко. Послушать хотят, как работала наша «Звезда», как теперь работает и что нам нужно. Вот на последнее вы и налегайте.

Макар. Все это так, но представьте себе: вас всех вызвал наш министр на заседание. В зале полно народу. Съехались шахтеры, инженеры со всех концов Советского Союза. Министр встает. (*Встал.*) Что ж, товарищи, послушаем донбассовцев. Возражений нет? Нет. А ну, товарищ Орлов, вы на какой шахте работаете?

Орлов. На «Звезде», товарищ министр.

Макар. А как работает ваша шахта?

Орлов. План даем...

Макар. Это не доблесть, это ваш священный долг.

Зинченко. Мы начали уже понемногу сверх плана добычу давать.

Макар. Понемногу... Чем вы хвалитесь? У нас сотни шахт дают сверх плана и не понемногу. Вы слышали, что Пастухов, ваш донбассовец, выполнил за полтора года пятилетний план? Слыхали?..

Зинченко. Слыхали, товарищ министр.

Макар. А у вас что делается? Садитесь.

Хмара. У нас Кондрат Тополя по примеру Пастухова уже дает добычу за третий год пятилетки.

Макар. А не может ли вся «Звезда» идти так, как Пастухов и Тополя? Почему замолчали? Садитесь.

Зинченко (*встал*). Нет, товарищ министр, нет...

Макар. Отчего вы улыбаетесь, товарищ Зинченко? Вы толком скажите: почему не может?

Зинченко. Мы еще не подготовлены к такому темпу. Единицы могут, а вся шахта — нет.

Макар. А чем вам помочь, чтобы вы были подготовлены? (*Пауза.*) Не знаете? Садитесь, садитесь. Может, вы скажете, товарищ Хмара?

Хмара. Хотели б вас послушать. На то вы и министром назначены, чтобы не только спрашивать, но и давать дельные указания.

Шахтеры. Правильно, правильно...

Зинченко. Отчего вы улыбаетесь, товарищ министр? Вы толком скажите, что для этого нужно.

Входит Кондрат.

Макар. Попробую. Слышал я, что вы, старики, ездили по шахтам, к молодым шахтерам-передовикам, учиться у них, чтобы перенести их опыт на «Звезду». Было такое?

Х м а р а. Было.

Макар. Я обращаюсь ко всем и в первую очередь к вам, товарищи донбассовцы. Не пора ли вам создать опытные шахты?

Шахтеры. Как, как?

Макар. А вот так: чтобы не мы ездили учиться, а чтобы к нам ездили со всех сторон учиться самым передовым методам шахтерского труда.

Орлов аплодирует.

Я вижу, вы согласны, товарищи?

Х м а р а. Так нам министр не скажет.

Макар. Почему?

Х м а р а. Он будет крыть нас за добычу, и все.

Макар. Скажет, непременно скажет.

Входит Оксана, ведет за руку Анку. За ней — Ольга.

Оксана. Кондрат!

Кондрат. Анка, Анка!..

Анка (*бросилась к отцу.*) Папа, папа!..

Кондрат. Где вы ее нашли?

Оксана. В степи, около старой шахты, лежала без сознания.

Анка. Папа... папа...

Входят Галя, Марфа, Гаврила и Трофим.

Кондрат (*обнял Анку*). Где ты была, доченька? Кто одел тебя в эти лохмотья? (*Снял с Анки рваный пиджак, кинул на траву.*)

Ольга. Нужно сейчас же уложить ее в постель, потом все расскажет.

Анка. Нет... я скажу... а то снова засну. Может, не проснусь... Там, в старой шахте, глубоко-глубоко... лежит партизан... только одни кости... Около него лежал пиджак... Я взяла его... Заблудилась... Если бы мой начальник штаба, Володька, не был трусом, если бы он пошел со мной... Снова трещит... ой, как трещит кругом!.. Папа!.. (*Обняла Кондрата.*) Папа...

Ольга. Кондрат, носи ее к нам. (*Пошла в дом.*)

Кондрат уносит Анку в дом.

Макар поднял пиджак, осматривает его.

Х м а р а. Поищите, может что в карманах есть.

Макар. Посмотрим. Здесь под подкладкой что-то есть. (*Вытащил бумажку, надел очки, читает.*) «Пишу кровью. Нас сегодня повезут на расстрел. На допросе честь Родины, честь партии сберегли. Нас выследил и донес в гестапо Филипп Семененко. Прощайте, товарищи шахтеры. Петр Дубрава». Сын... сын...

Оксана (*тихо*). Петр, сыночек мой, сын...

Макар (*подошел к ней*). Не плачь, не плачь... Петр сохранил нашу честь...

Оксана. Сын..

Макар. Не плачь... Хмара, Гаврила, приведите сюда Филиппа Семененко. Не говорите ему ничего... Пусть посмотрит нам в глаза.

Гаврила. Доставим.

Ушли.

Макар. Пойдем, Оксана, домой, пойдем.

Ушли в дом.

Галья. Как же оно так случилось?

Орлов. Гестаповцы расстреляли подпольный комитет, но среди расстрелянных сына Макара Ивановича не было. Видно, когда везли, Петр Макарович спрыгнул с машины и добежал до шахты.

Зинченко (*осматривает пиджак*). Сильно по нему стреляли. Вот одна, две, три пули прошли.

Входит Кондрат.

Что там?

Кондрат. Плачут Оксана, Ольга. Макар Иванович тоже не выдержал.

Орлов. Может, пойти к ним?

Кондрат. Не надо, не надо... Пусть семья... Пойдемте ко мне.

Все идут к Кондрату. Входит Макар, берет пиджак, смотрит на него.

Большая пауза.

Макар (*тихо*). Сын, сынок... (*Закрыв лицо пиджаком*)

Занавес.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Декорация та же, что и в предыдущей картине. Оксана сидит на ступенях веранды, около нее лежат арбузы, она их вытирает. Входят Гаврила и Трофим.

Гаврила и Трофим. Здравствуйте, Оксана Андреевна.

Оксана. Здравствуйте, ребята.

Гаврила. Макар Иванович сегодня приезжает?

Оксана. Сегодня.

Трофим. Поездом?

Оксана. Поездом.

Гаврила. Московским, значит?

Оксана. Да. А девушки в саду спят, только с работы пришли.

Гаврила. И мы только вернулись. Переоделись и к вам.

Оксана. И вам спать надо.

Трофим. Не спится, Оксана Андреевна.

Оксана. И чего ж это вам не спится?

Гаврила. Это у нас *(вздыхнул)* чисто нервное. Всякие мысли сон гонят.

Оксана. Ага, вижу... Приходите, когда Макар придет, угощу арбузами.

Гаврила и Трофим. Спасибо.

Оксана ушла в дом.

Трофим. Пойдем, Гаврила. Девушки устали, пусть отдохнут.

Гаврила. Это верно. *(Подходит к саду.)*

Трофим. Куда же ты?

Гаврила. Спят девушки, ну, что ж, пусть отдыхают.

Трофим. Давай, Гаврила, тихо споем.

Гаврила. Что ж, споем. Бери баян.

Трофим *(играет, тихо начал петь)*.

Спят курганы темные,
Солнцем опаленные...

Гаврила *(подтягивает)*.

Вышел в степь донецкую
Парень молодой.

Из сада — голоса девушек, они поют: «Девушки пригожие песней парня встретили, руку дружбы подали, повели с собой». Гаврила и Трофим уходят в сад. Последний куплет поют вместе. Автомобильный гудок. Входит Павел.

Павел. Оля... Ольга!...

Входит Ольга.

Здравствуй, Ольга. Ко мне пришли два пакета на твое имя. *(Передает пакеты.)*

Ольга. Спасибо.

Павел. Я еду встречать Макара Ивановича. Может, кто из вас поедет?

Ольга. Нет, спасибо, мы его встретим дома.

Павел. Ольга, у меня осталось немного твоих книг. Сама зайдешь или их прислать тебе?

Ольга. Пришли, Павел.

Павел. Как ты живешь, Ольга?

Ольга. Работаю, начала писать диссертацию.

Павел. О чем пишешь?

Ольга. Травматизм в горном деле. Тема моего доклада на съезде.

Павел. И снова о «Звезде» вспоминаешь?

Ольга. Обязательно вспоминаю, только теперь в другом плане.

Павел. Это хорошо. Кончай быстрее, тогда, может быть, с меня снимут строгий выговор.

Ольга. И так снимут. Отец рассказывал, что у тебя на шахте хорошо дела пошли.

Павел. Ничего особенного не случилось.

Ольга. Как? У тебя за четыре месяца на шахте произошла целая революция.

Павел. Никакой революции. Сделали то, чего не делали раньше, начали работать, как положено.

Ольга. Ты так тогда и не поехал в отпуск?

Павел. Нет, готовился к экзаменам. Хочу закончить хоть теперь горный институт. А то пройдет еще несколько лет, и будет поздно. Как ты на это смотришь?

Ольга. Скажу откровенно: не думала, что ты решишься сесть за парту.

Павел. Почему?

Ольга. Ты всегда считал, что понимаешь больше, нежели кто другой в горном деле.

Павел. Я и теперь так думаю.

Ольга. Так зачем же ты едешь учиться?

Павел (улыбнулся). Чтоб и Макар Иванович меня признал.

Ольга. Только потому?..

Павел. Есть еще одна причина. Учеба молодость возвращает, не хочу стареть.

Ольга. Тебе еще далеко до старости.

Павел. Ты так думаешь?

Ольга. Уверена в этом. А потом, когда институт кончишь?

Павел. Снова на шахту, другой жизни у меня нет и быть не может. А какие у тебя планы?

Ольга. Диссертация.

Павел. Защитишь, а потом к старому профессору в Киев?

Ольга. У меня план — здесь организовать научно-исследовательский институт по травматизму.

Павел. А разрешат?

Ольга. Если заслужим, разрешат.

Павел. Большой план у тебя.

Ольга. Нелегкий. Много нужно сделать. Ну, про-

сти, я должна идти: спешу в поликлинику, там меня ждут.

Павел. Спешу, если ждут тебя. Так принести тебе книги или зайдешь за ними?

Ольга. Принеси.

Павел. Когда, Оля? Я сегодня уезжаю.

Ольга. Сегодня?.. Ну, пришли.

Ольга пошла в дом. Павел ушел. Входит Оксана, берет арбуз. Вбежала Анка. На ней — длинный фартук. Закрывает глаза руками, стонет, кричит: «У, черт!»

Оксана. Что с тобой, Анка?

Анка. У, бандит!

Оксана. Кто?

Анка. Я его терла, а он...

Оксана. Кого терла?

Анка. Хрен. Ой, как болит!

Оксана. Открывай смело, открывай глаза. Ну, вот так.

Анка. Папка очень хрен любит.

Оксана. Что это так горелым пахнет?

Анка. Ну?.. А, это у меня жаркое пригорело. Но ничего, папка даже любит, чтобы немножко с дымом было.

Оксана. Немножко! На весь двор слышно.

Анка. Ну? (*Нюхает воздух.*) Нет, нет, не очень слышно.

Оксана. Что же ты ему стряпаешь?

Анка. Борщ, потом хрен, потом жаркое, потом вареники. Только вареники у меня расклеились.

Оксана. Расклеились?

Анка. Да. Но ничего, я перемешала творог с тестом, попробовала, вкус тот же.

Оксана. Хотела тебе Оля помочь, — отказалась. Теперь небось жалеешь?

Анка. Нет. Папка должен знать, что у него уже есть хозяйка. Я и компот сварила и рубашку ему выстирала.

Оксана. Хорошо встречаешь отца. Ты действительно хозяйка.

Анка. Да, я хозяйка теперь настоящая. Что, не верите? Пойдем, я вам покажу, как я убрала квартиру, цветы поставила. Пойдем.

Оксана. Я верю, верю...

Анка. А вы как встречаете Макара Ивановича?

Оксана. На закуску будет селедочка, грибки, винегрет.

Анка. Ого, а потом?

Оксана. Борщ, рыба жареная, котлеты, арбузы.

Анка. А много их у вас?

Оксана. Не так уж и много. Гости будут.

Анка. Я тоже хотела купить арбуз, папка очень любит.

Оксана. Чего ж не купила?

Анка. Поздно в лавку пошла — разобрали.

Оксана. Надо было пораньше встать.

Анка. Одолжите мне один, я вам завтра отдам.

Оксана. Ишь ты, завтра! Не могу, гости у нас.

Анка. А поезд скоро придет?

Оксана. Скоро.

Анка. Хоть бы не опоздал.

Оксана. Не опоздает. Рада, что приезжает отец?

Анка. Очень.

Оксана. Ну, если рада, то бери вон тот.

Анка. Вот этот, маленький?

Оксана. Нет, вон тот, большой.

Анка. Спасибо! *(Схватила арбуз, обнимает и целует Оксану.)*

Оксана. Иди, Анка, у тебя горит что-то...

Анка. Ничего, мы любим с дымом. *(Убежала.)*

Входит Ольга.

Оксана. Куда ты, Оленька?

Ольга. На минутку в поликлинику, а потом к больному на квартиру.

Оксана. Не опоздай, поезд скоро придет.

Ольга. Не опоздаю.

Оксана. Ты что ж на вокзал не захотела поехать? Отцу приятно было б... Выходит из вагона, а на перроне — дочь, да еще с цветочками.

Ольга. Я ему здесь цветы поднесу.

Оксана. А может, не поехала потому, что Павел встречает?

Ольга. Не надо, мама, не надо об этом. Я же вас просила.

Оксана *(после паузы)*. Не спала ты и эту ночь.

Вижу, тяжело тебе, Оленька. Может, ты бы все-таки...

Ольга. Мама, я вас прошу... Ну вот, зачем вы...
(Уходит.)

Оксана идет в дом. Из сада выходят Галя и Гаврила, стали под яблоней.

Гаврила. Кажется, никого нет.

Галя. Нет.

Из сада слышен баян.

Гаврила. Слышишь, как Троша выводит? Только мы отошли, сразу в душу влазит. Ей веселая нужна, а он тоску разводит.

Галя. А ты не смейся, Гаврила. У Троши такое сердце...

Гаврила. Какое?

Галя. Нежное. Он весь такой ласковый, сердечный... такой...

Гаврила. Ясно.

Галя. Гаврила... Ты сердишься?

Гаврила. Нет.

Галя. Какой ты...

Гаврила. Что?

Галя. Хороший.

Гаврила. Нет. Я не ласковый, не сердечный, не нежный...

Галя. Выходит, я про Трофима и слова хорошего не могу сказать при тебе?

Гаврила. Говори, говори сколько хочешь, но мне ясно...

Галя. Что тебе ясно? Эх ты, богатырь мой!.. Обними меня.

Гаврила. Зачем?

Галя. Поцеловать хочу. Ну...

Гаврила взял на руки Галю.

Ой, ой, задушишь, задушишь!..

Гаврила. Если ты еще раз мне такое о Трофиме будешь говорить, задушу...

Галя. Не буду, не буду, пусти...

Гаврила целует Галю.

Пусти! (Вырвалась.) Ну, разве так можно? Ой, ребро сломал! Ой!..

Гаврила. А ну, которое? *(Идет к ней.)*

Галя. Нет, нет, целое.

Гаврила. Галя!

Галя. Что?

Гаврила. Когда же мы будем вместе?

Галя. Начал!..

Гаврила. Не могу я.

Галя. Скоро приезжает моя тетка из села — увидишь, какая у меня тетка.

Гаврила. А чего ее сюда несет?

Галя. Несет... За мной и за Марфой приезжает.

Гаврила. Как?

Галя. В этом месяце кончается наш договор на шахте.

Гаврила. И ты поедешь в село?

Галя. Посмотрю. Если тетка скажет ехать...

Гаврила. Считай свою тетку мертвой.

Галя. Как?

Гаврила. Я ее сотру в порошок, а тебя — под пиджак и унесу домой.

Галя. Но, но... Ты лучше мою тетку не трогай, она сильнее тебя.

Гаврила. Да я за тебя готов драться не только с твоими чертовыми тетками, но и с кем угодно. Целый полк разбросать могу.

Галя. Ну?

Гаврила. До смерти буду драться.

Галя. Будешь?

Гаврила. Буду. Знай, я не шучу.

Галя *(закрывает глаза, тихо)*. Обними меня, обними...

Гаврила *(подходит)*. Галя... *(Поднял ее.)*

В эту минуту входят Трофим и Марфа.

Трофим. Гаврила, Галя, пойдемте в кино.

Гаврила. Идите. *(Унес Галю в сад.)*

Марфа *(смотрит вслед)*. Вот какой...

Трофим. Может, и мы не пойдем?

Марфа. Не люблю долго сидеть на одном месте.

Трофим. Так пойдем?

Марфа. Нет. Останемся здесь... Видел, как он ее унес в сад?

Трофим. Здоровый Гаврила, потому и носит ее.

Марфа. Эх и парень!.. Сила. А характер какой!.. Тебе бы, Троша, хоть немного его силы, характера... *(Смотрит в сад, поет.)*

Трофим. Ясно.

Марфа *(повернулась)*. Что ты, Троша?

Трофим. Ясно.

Марфа. Ты будто сердишься?

Трофим. Нет.

Марфа. Не смотри так, не смотри...

Трофим. Что ж, у меня нет такой силы, ростом не вышел, нет у меня такого характера, как у Гаврилы, нет у меня...

Марфа. Гаврила — друг твой. Неужели о нем и слова тебе нельзя сказать?

Трофим. Можно. Я разве что?.. Гаврила — мой друг... Говори, что хочешь, говори, но мне все ясно...

Марфа. Да не смотри так, синеглазый мой! *(Обняла его.)* Троша...

Трофим. Ой, задушишь, задушишь!

Марфа. Задушу... У кого такие глаза, такое сердце... Троша мой! *(Целует его.)* Пойдем в сад. *(Взяла его за руку, и пошли в сад.)*

Слышно — остановилась машина. Голос Павла: «Возвращайтесь на вокзал за стариками, только быстро». Входят с чемоданами Мака́р, Кондра́т, с ними Павел.

Мака́р. Так что тебе понравилось в моем выступлении?

Павел. Идея очень большая. Я когда прочитал в газете...

Кондра́т *(перебивает)*. В газетах сократили. Речь Мака́ра Ивановича была на сорок минут.

Павел. В «Труде» широко подано.

Вбегает Анка.

Анка *(издали)*. Папка, папка!..

Кондра́т. Иду, Анка. *(Идет ей навстречу, целует.)*

Анка *(взяла чемодан)*. Как же ты похудел! Но ничего, я такой обед сготовила!.. На первое борщ, на второе... *(Уводит отца.)*

Мака́р. Поверишь, когда дали мне слово...

Входит Оксана.

Оксана. Павел, с кем это ты разговариваешь?

Макар. Ты что же, не узнаешь?

Оксана. Нет.

Павел. Макар Иванович. Не узнаете?

Оксана. Мой Макар, когда приезжает, сразу в дом идет. Знает, что жена его ждет.

Макар. Вот это правильно, признаю критику. *(Открывает чемодан, вынимает красивый большой платок. Подходит к Оксане.)* Как же ты, Оксанушка, без меня тут жила? *(Целует ее, набросил платок на плечи.)*

Оксана. Спасибо, Макар, спасибо. Но больше я тебя одного не пушу. Такие сны мне снились...

Макар. Ладно, ладно, вместе будем ездить.

Оксана. Павел, прошу отобедать у нас.

Павел. Спасибо.

Оксана ушла.

Макар. Пойдем, Павел.

Павел. Не могу, я еду сегодня. Надо собраться, скоро поезд, в восемь отходит.

Макар. Учиться?

Павел. Да.

Макар. Решил ехать?

Павел. Решил... Не хотел бы я так расставаться с вами, Макар Иванович. Вы понимаете, вспоминать неприятно. Но хочу вам сказать от всей души...

Макар. Не надо, Павел. Раз до сердца дошло, не надо. Одно запомни, простую штуку: жить у нас ого дня ко дню нельзя. Никак не выйдет. Если трудно, посмотри из будущего на сегодняшний день — тогда поймешь, почувствуешь. Тогда трудности — не трудности. Весело человек справляется с ними, потому — видит далеко. Берегись стены перед глазами.

Павел. Спасибо. Ну, что ж, пойду. Скажите Ольге, если она сможет, пусть придет на вокзал. Поезд отходит в восемь. Очень хочу ее увидеть перед отъездом. Не забудете?

Макар. Скажу, обязательно скажу.

Павел. Прощайте, Макар Иванович.

Макар. Будь здоров. *(Подал руку.)* Э, братец, да ты, я вижу...

Павел. Ничего, это так. *(Уходит.)*

Макар. Стой. *(Подошел, обнял Павла.)* Теперь иди.
Павел. Спасибо. *(Ушел.)*

Макар смотрит ему вслед. Из сада слышны баян и песня.
Входит Анка в новом платье.

Анка. Дедушка, дедушка...

Макар. Что?

Анка. Идет мне это платье?

Макар. Кто идет?

Анка. Платье.

Макар. А... к лицу тебе, к лицу.

Анка. Это папка мне привез, а еще папа шляпу себе купил.

Макар подает Анке пионерский галстук.

Какой день сегодня хороший! Не было еще такого в моей жизни.

Макар. Ну?

Анка. Дедушка, дедушка...

Макар. Что?

Анка. Какой ты... *(Обняла Макара, поцеловала и убежала в сад.)*

Входят Орлов, Зинченко, Хмара, в руках у них маленькие букетики цветов.

Хмара. Жждались тебя, Макар Иванович.

Зинченко. Жждались.

Орлов. Мы читали в газетах. Здорово вы, Макар Иванович...

Макар. Не так уж здорово.

Орлов. Мы подсчитали: речь министра была всего на тридцать пять строк больше вашей.

Макар. Подсчитали? *(Смеется.)*

Шахтеры. В точности.

Появляется Кондрат.

Макар. Спроси у Кондрата.

Орлов. Кондрат, почему о тебе только упомянули, что выступал, а больше ни слова?

Кондрат. Не получилось у меня. На трибуну вышел, и такое со мной приключилось: рот открыл, языком шевелю, а голоса нет. Как ни нажимаю, ни звука.

Зинченко. Ну?

Макар. Кашлял Кондрат долго, но министр его выручил.

Кондрат. Выручил... лучше не вспоминать.

Зинченко. Нет уж, рассказывай все начистоту.

Кондрат. Кашляю я, а министр спрашивает: «Что, простудились?»

Хмара. А ты думал?.. На таком ответственном собрании и не то может случиться.

Кондрат. Тогда он подошел ко мне, положил руку на плечо и говорит: «Расскажите просто о своей работе».

Зинченко. И ты?

Кондрат. Начал рассказывать, вот и все.

Макар раздает всем подарки. Кондрат ушел.

Макар. И будет теперь наша «Звезда» опытной шахтой.

Орлов. Утвердила Москва?

Макар. Да. В этом году начнем строить пятнадцать домов. Скоро приедут сюда ученые, инженеры, даже один академик.

Входит Ольга.

Ольга. С приездом... *(Целуется с отцом и здоровается со всеми.)* Как съездилось?

Макар. Хорошо, Оля, очень хорошо. Что ж, пообещаем здесь, под яблоней. Как, Оля?

Ольга. Верно.

Макар. Скажи матери.

Ольга. Сейчас. *(Идет в дом.)*

Макар. Оля! *(Подошел к ней, тихо.)* Павел хотел тебя видеть. Он был здесь, но не застал тебя.

Ольга. Когда едет?

Макар. Сегодня в восемь. Просил тебя на вокзал прийти, если у тебя будет время.

Ольга. Не смогу.

Макар. Не сможешь?..

Ольга. Не то сказала, отец. Я не пойду. Не надо. Нет... нет. *(Ушла.)*

Макар возвращается. Слышен женский голос: «Есть ли кто дома?» Входит тетка Гали и Марфы — Мария Николаевна Смерека. У нее на плечах два больших мешка.

Мария. Добрый день, товарищи шахтеры. Кто из вас будет Макар Иванович Дубрава?

Макар. Я. Здравствуйте.

М а р и я (*подошла, сбросила мешки*). Хоть и вспотела изрядно, но добралась. Я тетка Гали и Марфы. (*Подает руку.*) Звеньевая колхоза «Октябрь» Мария Николаевна Смерека.

М а к а р. Очень приятно нам видеть вас. Познакомьтесь, Мария Николаевна, это мои товарищи, шахтеры.

Все встали.

М а р и я. Что ж это вы все такие усатые? У нас парни вашего возраста бреются. (*Подает всем руку.*)

Х м а р а. Вероятно, у вас молодухи лютые.

М а р и я. Где там! Теперь мы все такие добрые, сладкие, как мед на спаса. А где ж Галя и Марфа? (*Крикнула.*) Галя, Марфа!

Голоса из сада: «Тетка, тетка приехала!..»

Услышали, а? Что значит — родной голос, сразу услышали.

Х м а р а. Да. Голосок у вас раскатистый.

М а р и я. А мы на поле привыкли.

Вбегают Галя, Марфа, за ними — Гаврила и Трофим.

Г а л я. Тетя, это вы?

М а р и я. Я, голубушка.

Целуются.

М а р ф а. Тетя!

М а р и я. Я, голубушка.

Целуются.

А это что за парни?

Г а л я. Это Гаврила. (*Берет его за руку.*) Познакомься.

М а р и я. Здоров, парень. (*Подает руку.*) Что ж это ты мне так руку жмешь, а ну, давай... Давай сильнее... А теперь я попробую... Ну, хватит. Путный парень!

Г а в р и л а. Хорошая тетка у тебя, Галя.

М а р ф а. А это Трофим. Только, тетя...

М а р и я. Не учи, сама вижу. (*Подала руку.*) А хорошенький какой!

М а р ф а. Тетя!..

М а к а р. Просим в комнаты. Устали в дороге?

М а р и я. Где там! В мягком ехала. Так спать было хорошо. (*Огляделась вокруг*) Несите, Галя, Марфа, под ту яблоню скатерть, тарелки, а я мешки вытрушу. Здесь колбаса, сало, поросенок жареный, поляницы, пирожки — всего понемногу, что у нас произрастает. Прошу всех попробовать колхозной еды, она у нас без этих, — как их... витамины, — без витаминов совсем, но мы не обижаемся. Прошу.

Х м а р а. А мы без них жить не можем. Где у вас витамин «пы» — поросенок?..

М а р и я. Здесь. Тащите мешки под яблоню.

Все идут под яблоню. Макар пошел в дом. Остались Гаврила и Трофим.

Т р о ф и м. А что, если эта тетка уговорит девушек вернуться домой?

Г а в р и л а. Не выйдет.

Т р о ф и м. А если уговорит?

Г а в р и л а. Пусть попробует. Я Галю под пиджак — и будьте здоровы, тетушка.

Т р о ф и м. А как же мне с Марфой быть?

Г а в р и л а. Да, у тебя это не выйдет.

Т р о ф и м. А что, если мы при всех заявим, что любим и хотим...

Входят Макар, Оксана и Ольга.

М а к а р. Жена моя.

М а р и я. Здравствуйте, Оксана Андреевна. Писали мне девчата о вас, как о матери родной. Спасибо вам.

О к с а н а. И мы их полюбили, как родных.

М а к а р. Знакомьтесь — дочь моя.

О л ь г а. Нам много о вас рассказывали Галя и Марфа.

М а р и я. Ругали тетку или нет?

О к с а н а. Нет.

М а р и я. Пусть только попробуют, я им наведу дисциплину!

Т р о ф и м. Слышал? Ясно.

Г а в р и л а. Еще не ясно.

М а к а р. Как урожай в этом году?

М а р и я. Хороший. Но не у всех одинаковый. В колхозе, как на шахте: если хорошо работаешь, то и добыча есть. Так, кажись, по-вашему?

Все идут к столу.

Макар. Кондрат, иди к нам. *(Марии.)* Выпьем за ваш приезд. За ваше здоровье, Мария Николаевна.

Мария. Спасибо. За ваше здоровье.

Орлов. Мария Николаевна, просим вас осмотреть нашу шахту.

Мария. Посмотрю, непременно посмотрю. Только сегодня же, а то завтра возвращаемся домой... Как там ждут тебя, Галя, и тебя, Марфа! Встретят всем колхозом.

Трофим. Гаврила...

Гаврила. А зачем им ехать в село?

Мария. Договор закончился, два года проработали. Как их там ждут!

Галя *(встала)*. Выпьем за наше родное село.

Входит Кондрат.

Мария. Выпьем.

Галя. Какое оно красивое! В садах беленькие хаты, а тополя, куда только глазом ни глянешь, сторожат дороги. Шумит камышами речка... А ночи, ночи... до восхода солнца выгребашь звезды веслом. Люблю я село. Люблю во всякую пору — даже когда тетка Мария сердито покрикивает: «Вставайте к машине, разоспались!..», а мы всего два часа как глаза закрыли.

Нелегко мне было, когда пришла на шахту. Трудно было. В первый день я под землей заплакала. Пролетели два года, теперь я машинист электровоза. Сама не заметила, как полюбила труд шахтера. Скажите всем, тетя Мария: нет в мире такого большого и почетного труда, как наш, шахтерский, труд. Поклонитесь от нас, тетя, родному селу, передайте всем, что мы... *(Остановилась от волнения.)*

Гаврила *(растянув баян, начинает песню)*.

Стоят терриконы, синеют просторы,
И солнце лучится из девичьих глаз.
В забои идут молодые шахтеры,
Трудом прославляя любимый Донбасс.

Шахтеры подхватывают песню:

В забои идут молодые шахтеры,
Трудом прославляя любимый Донбасс.

Мария (взволнованно). И ты, Марфа, так решила?

Марфа. И я, тетя Мария. (Обняла ее) Оставайтесь с нами. Не пожалеете. Жизнь шахтерская — что книга самая интересная, а может и больше. Оставайтесь, мы вас здесь еще замуж выдадим.

Хмара. Это верно, кавалеры у нас — орлы.

Шахтеры. Орлы! (Покручивают усы.)

Марфа. Оставайтесь!

Мария. Что ты!.. Я никогда село не оставлю. Не ждала, не ждала... Построила для вас новый дом, сад посадила, думала — на старости лет детей ваших буду качать на руках.

Галя (взяла Гаврилу за руку). Тетя, благословите нас, мы любим друг друга.

Мария (подошла). Если дашь слово, что деток мне привезешь в село...

Гаврила. Это можно.

Мария. Только смотри, Гаврила, за Галей: видишь, какая она у нас...

Гаврила. Не беспокойтесь, тетушка, благословляйте.

Мария целует Галю и Гаврилу.

Марфа. Троша, чего ты стоишь? (Взяла его за руку, ведет к Марии.) Благословите и нас, тетя.

Мария. А деток привезешь ко мне в село?

Марфа. Всех сдам, благословляйте.

Мария. Только смотри (пауза), смотри, Марфа, за ним: видишь, какой он сердечный!

Марфа. Не беспокойтесь.

Мария (целует Марфу и Трофима). Наливайте по полной, чтоб наша доля нас не чуралась.

Марфа. Макар Иванович, вы нам как отец родной. Скажите свое слово.

Макар. Скажу вам одно: любите друг друга, помните: семья — это большое счастье и радость. Но чтоб построить хорошую семью, мало одной только любви, нужна еще большая дружба.

Ольга. Если есть настоящая любовь — есть и дружба.

Макар. Нет, Оля. Видел я на своем веку не раз: и любят друг друга, а построить жизнь не могут. За семью бороться надо. Друг друга поддерживать. Если один

поскользнется, не дать ему упасть. Лови у самой земли, но не дай упасть. Вот я много лет прожил с Оксаной Андреевной, и в молодости она меня раз выручила. И очень выручила. Был случай...

Оксана. Не раз, а два.

Макар. Правильно, два. Признаю.

Ольга встала, идет.

Все. Куда вы, Ольга Макаровна?

Ольга. Мне надо, я скоро вернусь. (*Уходит.*)

Макар (*посмотрел на часы*). Половина восьмого. На станцию. Успеет. (*Всем.*) Она скоро вернется. Так вот, друзья мои, что мне хочется сказать. Посмотрите кругом — выросли здесь новые шахты, и яблони, и дома. Вам, молодым, предстоит сделать еще больше, чем сделали наши руки. От всей души желаю вам счастья.

Хмара разносит бокалы. Все поют «Терриканы».

Занавес.

КАЛИНОВАЯ РОЩА

Комедия в четырех действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Иван Петрович Романюк.
Надежда — его дочь.
Наталия Никитична Ковшик.
Василиса — ее дочь.
Карп Корнеевич Ветровой.
Сергей Павлович Батура.
Николай Александрович Верб.
Ага Александровна Шука.
Архип Герасимович Вакуленко.
Мартын Гаврилович Кандыба.
Максим Зоря.
Петр Мороз.
Василий Крым.
Екатерина Крылатая.
Ольга Косарь.
Оксана Давыдюк.
Пелагея Грудченко.
Варвара Пурхавка.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Новый, под черепицей, дом председателя колхоза Ивана Петровича Романюка. В саду возле дома сидят за столиком секретарь сельсовета Мартын Кандыба и заместитель председателя колхоза Архип Вакуленко.

К а н д ы б а (*играет на гитаре, тихо поет*).

Гляжу на тебя я, гляжу,
И грусть на душе у меня.
Душа моя хочет...

Подбирает рифму.

Душа моя хочет... кричать.

Нет!

Душа моя хочет... рыдать.

О!

Вакуленко. А куда вы поедете, Мартын Гаврилович?

К а н д ы б а. Поеду в столицу. (*Пост.*)

Гляжу на тебя я, гляжу,
И грусть на душе у меня.

Ва ку лен ко. А откуда вы знаете, что у вас талант?

Ка н ды ба. У меня сто двадцать писем из редакций газет и журналов.

Ва ку лен ко. И что там пишут?

Ка н ды ба. Все пишут, что у меня талант, но не хватает поэтической культуры. А где ее здесь взять, где? Я могу на любое слово стих или песню сложить.

Ва ку лен ко. Неужели на любое слово можете сложить песню?

Ка н ды ба. А вот загадайте слово.

Ва ку лен ко. Ну, скажем, «свинья».

Ка н ды ба. «Свинья»... Для песни это слово тяжело, вато, но... *(Берет аккорд.)*

Входит Василиса.

Ва си ли са. Добрый день.

Ка н ды ба и Ва ку лен ко. Добрый день, Василиса.

Ва си ли са. Что это за новые порядки наш председатель заводит?

Ва ку лен ко. Как новые?

Ва си ли са. В воскресенье, да еще в такую рань, вызывает.

Ка н ды ба. Видно, что-то случилось.

Ва си ли са. Да что может случиться?

Ка н ды ба. Директива, может, какая из района или из области.

Ва си ли са. А где же председатель?

Ва ку лен ко. Встает.

Через окно слышно. как стонет Романюк.

Ва си ли са. Уж не заболел ли Иван Петрович?

Ка н ды ба. Похоже на то.

Ва ку лен ко. Как стонет, бедняга!

Из дома через открытое окно доносится голос Романюка: «Надя!.. Надежда!..»

Го лос На де ж ды. Что, отец?

Го лос Ро ма н ю ка. Ой, голова разрывается... Дай мне, доченька, пирамидону, да запить его чем-нибудь...

Ва си ли са. Лекарство просит. Это его что-то крепко взяло... Не воспаление ли легких?

Ва ку лен ко. Тише...

Г о л о с Р о м а н ю к а. Пойди в погреб, принеси жбан квасу побольше.

В а к у л е н к о. Ясно.

В а с и л и с а. Что?

В а к у л е н к о. На квас потянуло. Будет жить.

Из дому выходит Надежда. В руках у нее жбан.

Н а д е ж д а. Доброе утро.

В с е. Доброе утро.

Н а д е ж д а. Отец сейчас выйдет.

В а с и л и с а. Заболел Иван Петрович?

Н а д е ж д а. Да.

В а с и л и с а. А доктор был?

К а н д ы б а. Какая температура?

Н а д е ж д а. Ему не доктор нужен. Была бы мать жива, она бы ему сегодня температуру измерила...
(Ушла.)

В а к у л е н к о. И сердитая дочь у нашего председателя!

В а с и л и с а. Хорошая она.

В а к у л е н к о. А что в ней хорошего? Учительница, а на родного отца при людях критику наводит, как малограмотная.

В а с и л и с а. Мартын Гаврилович, сложите песню, как один председатель взял себе дьячка в заместители, чтобы тот ему пел «многая лета».

В а к у л е н к о. Я дьячком не был.

В а с и л и с а. И чего вы отзываетесь? Я не о вас говорю.

Из дому выходит Иван Петрович Романюк. Он в новом костюме, на пиджаке ордена «Отечественной войны», «Знак почета» и три медали. На голове фетровая шляпа.

Подходит. Все садятся.

Р о м а н ю к. Не вижу председателя сельсовета.

К а н д ы б а. Я пригласил, как вы велели.

В а с и л и с а. Мать скоро будет.

Р о м а н ю к (Василисе). А ты чего без ордена? Непорядок! Правительство дало тебе орден, чтобы он всегда на твоей груди сиял, а не на костюме в шкафу висел. Непорядок!.. Садитесь. (Все сели.) Я вызвал вас, чтобы...

Входит Надежда, ставит перед отцом жбан с квасом и уходит
в дом.

Простите, приму пирамидон. Сильно голова трещит. (*Открывает коробочку, берет таблетку.*) Одну принять или, может, сразу две?

К а н д ы б а. Вам и три не повредят.

В а к у л е н к о. Нельзя. Он очень на сердце действует. Одну...

Р о м а н ю к. Так у меня ж не сердце болит, а голова. Приму три. (*Принимает три таблетки и выпивает жбан квасу.*) Вчера вечером приехало к нам одно важное лицо, и говорил я с ним часов пять. И на очень высоком уровне. Видно, оттого и голова болит.

К а н д ы б а. Кто ж это приехал?

Р о м а н ю к. А ну, угадайте, какая столичная птица к нам залетела?

В а к у л е н к о. Уполномоченный ЦК?

Р о м а н ю к. Уполномоченные ездят, когда дела плохо идут, а у нас все в порядке. Уже третий год стоим твердо на ногах.

В а с и л и с а. Время бы и двинуться.

Р о м а н ю к. Куда?

В а с и л и с а. На первую линию.

Р о м а н ю к. А разве ты не на первой линии? Твое звено вся область знает.

В а с и л и с а. Я не о себе. Всем колхозом нужно выйти на линию передовых.

В а к у л е н к о. Душа всегда хочет в рай, да грехи не пускают.

В а с и л и с а. Тогда нужно исповедаться.

В а к у л е н к о. А кто же у нас грехи отпустит, когда нет попа?

В а с и л и с а. Созывайте собрание колхоза,— мы вас так исповедуем, что лишь бы выдержали.

В а к у л е н к о. Слышали, Иван Петрович?

Р о м а н ю к. Слышу.

В а к у л е н к о. Так чего же вы молчите?

Р о м а н ю к. А ты на ус наматывай, когда Василиса говорит, и подтянись.

В а к у л е н к о. Это не она говорит,— это работа Карпа Ветрового. Я говорил вам, он на острове сложа руки не сидит, всех настраивает против меня. Снова хочет на мое место стать, а может, и на место председателя колхоза.

В а с и л и с а. И вредный же вы, товарищ Вакуленко!

Вакуленко. Слышали, Иван Петрович, слышали?..
Романюк. Что я тебе, глухой или мне позакладывало? Молчи!..

Вакуленко. Простите, но я требую...

Романюк. Молчи! Я вас вызвал не для дискуссии.

Кандыба. Кто же приехал?

Романюк. Сказал же я — угадайте. Что, у вас хвантазии нет?

Василиса. Из министерства сельского хозяйства?

Романюк. Бери выше.

Кандыба. Из Совета Министров?

Романюк. Бери ниже.

Василиса. А может, митрополит?

Романюк. А чего ему сюда ехать, когда у нас, слава богу, церкви нет.

Василиса. И клуба нет. Хоть бы построили, а то зима придет...

Кандыба. Подождите, Василиса, кто же приехал?

Романюк. Вижу, нет в ваших головах хвантазии, не угадаете.

Кандыба. У меня-то столько фантазии, что голова пухнет.

Вакуленко. Так кто же?

Романюк. Приехал писатель, лауреат.

Вакуленко. Проездом?

Романюк. Нет. Тут будет жить. На все лето к нам, а может, и на больше. Прямо из Киева.

Василиса. С женой приехал?

Романюк. Не женат.

Василиса. А мне этой ночью снилось... Стою на краю села и вижу — идет человек, подходит ко мне, спрашивает: «Какое это село?», а я ответить не могу, гляжу ему в глаза, а они такие глубокие, такие глубокие, будто озера...

Романюк. В очках?

Василиса. Нет.

Романюк. Так это ж не он.

Кандыба. Как его фамилия?

Романюк. Сергей Павлович Батура.

Кандыба. Знаменитый писатель!

Василиса. Это его книга про матросов под Севастополем?

К а н д ы б а. Его.

В а с и л и с а. Хорошая книга! В моем звене все прочитали.

Р о м а н ю к. Выходит, все прочитали, только я один (*кашлянул*) не дочитал. Никак не соберусь поменять очки,— глаза болят.

В а к у л е н к о. Да, это событие...

Р о м а н ю к (*Кандыбе*). Мартын, ты, как секретарь сельсовета, после завтрака покажешь ему наше село. Ты, Василиса, тоже пойдешь. Проведите по главной улице, сверните возле Матрены Бабенковой направо...

К а н д ы б а. А зачем сворачивать? Прямо поведу.

Р о м а н ю к. Не надо прямо, слушай, что тебе говорят. Там же мостик разрушенный перед правлением колхоза. Да и само правление очень облупилось, нужно срочно побелить. Я дал команду — сегодня побелят, а завтра примем его в правлении.

В а к у л е н к о. А мостик?

Р о м а н ю к. На мостик чуть свет выйдут люди, чтобы видно было, как заботимся о дорогах. (*Кандыбе*.) Ты человек хорошо грамотный, начитанный, сам шкрябаешь песни,— смотри, голубчик, чтобы все было культурно.

К а н д ы б а. Не беспокойтесь. Вот счастье! Наконец-то я прочту свои сочинения настоящему писателю.

Р о м а н ю к. Я тебя, голубчик, хочу категорическим путем предупредить. Писатель приехал сюда работать, ему тишина нужна, понял? тишина! А от твоих песен собаки воют.

К а н д ы б а. Иван Петрович, я протестую. У меня есть ответы из редакций...

Р о м а н ю к. Знаю, не горячись. Может, я и преувеличил, а только ты ко всякому свежему человеку как смола липнешь, а не все могут твой талант выдержать.

К а н д ы б а. Хорошо, я не буду ему читать. Я только передам одну тетрадь, и вы увидите, кто такой Мартын Кандыба. (*Уходит*.)

Р о м а н ю к. Куда ты? (*Кандыба не отвечает*.) Обиделся.

В а к у л е н к о. Придет. Это он за своими сочинениями побежал.

В а с и л и с а. А где же гость?

Романюк. Пошел купаться. Приехал с другом, художником. Тот, правда, еще не лауреат, но, наверное, скоро будет.

Вакуленко. А про что он будет писать?

Романюк. Про нас, чтобы все знали, какие мы есть. А друг его будет портреты рисовать, чтобы все видели, какие у нас люди.

Вакуленко. Не по душе мне все это. Здесь что-то есть...

Романюк. Что?

Вакуленко. Почему именно про нас? Что мы — передовые?

Романюк. Да ведь и не отсталые. Не все же о Дубковецком, шполянцах да о Макаре Посмитном писать! И так они позанимали все центральные президиумы да все газеты своими портретами. Они, конечно, передовые, но мы, средние колхозы, есть основная сила. Пусть немного подвинутся.

Василиса. Надо и нам подвинуться. У них вон сколько героев, а у нас их нет.

Романюк. Потому они и герои, что мы не герои, а кабы мы стали героями, то тогда это слово не имело бы такого значения.

Василиса. А почему же вы неделю хворали, когда в прошлом году в соседнем колхозе председателю дали орден Ленина, а вам всего «Знак почета»?

Романюк. Потому, что была проявлена ко мне высшая несправедливость. Все знают, что секретарь райкома нас недолюбливает...

Вакуленко. А ежели секретарь их сюда направил, чтобы лауреат нас описал, да еще в комедии?

Романюк. В комедии?.. (*Встал. Встал и Вакуленко.*) Не может этого быть!

Вакуленко. А кто его знает! И как начнут над нами смеяться по всей Украине, а может, и до Москвы докатится, да начнут на наши портреты смотреть и пальцами тыкать: вот он, Иван Петрович Романюк, во всей красе... (*Смотрит на Василису.*) Или вот...

Василиса. Вакуленко, который без рюмки и дня прожить не может.

Романюк. Тише, Василиса! Не может этого быть! Он человек почтенный, сурьезный, а не какой-нибудь со-

чинитель комедий. Садитесь. Я их вчера долго прощупывал...

Вакуленко. Оно и видно.

Романюк. Лауреат сразу подвыпил и говорит: «Я счастлив, что смогу на весь Союз прославить ваш колхоз». Прославить хочет! А художник, правда, молчал, но пил тоже хорошо. Потом только язык у него развязался. Встал и этак торжественно заявляет: «Прославим, Иван Петрович, чтобы не только теперь, а и потомки знали о вас». А я ему: «Дело не во мне,— прославляйте всех колхозников...» Надо помочь гостям, чтобы встречались не с какими-нибудь брехунами, а с людьми достойными.

Из сада выходят писатель Сергей Павлович Батура и художник Николай Александрович Верба. Голова у Вербы повязана мокрым полотенцем.

Романюк. Вот они.

Вакуленко. Видно, и им лекарство с квасом принять надо.

Романюк. Тише.

Батура и Верба подошли.

Батура. Доброе утро.

Романюк. Знакомьтесь. Это — мой заместитель Архип Герасимович Вакуленко, а это — Василиса Дмитриевна Ковшик, звеньевая, награжденная орденом Ленина.

Батура и Верба. Очень приятно. (*Здороваются.*)

Василиса (*Вербе*). Это вы — писатель?

Верба. Нет. (*Показывает.*) Сергей Павлович Батура.

Батура. А друг мой — художник, Николай Александрович Верба.

Василиса. Садитесь.

Батура. Благодарю.

Все садятся.

Романюк. Я уже рассказывал им о вашем приезде. Для нас большой праздник...

Батура. Что вы, Иван Петрович, это для нас праздник. Здесь такая чудесная природа! Не село, а сплошной сад. А какая речка!.. Боюсь, мой друг останется у вас навсегда.

Вакуленко. Навсегда?!

Верб а. Я решил построить в хорошем селе мастерскую и по-настоящему взяться за работу.

Романюк. Простите, какую мастерскую?

Верб а. Чтобы писать. Для рисования. Обыкновенный дом, только одна комната должна быть большая и светлая.

Романюк. Если вам наше село по душе, то к осени будет у вас мастерская. В колхозном саду построим. У нас двадцать гектаров, пойдите посмотрите, как он сейчас цветет. Такая картина, ну, просто как на фотографии.

Верб а. Спасибо. Посмотрю непременно.

Слышно, поют девушки.

Какие у вас красивые люди! Берегом шли девушки — это, вероятно, они поют.

Все слушают песню.

Одна в одну — стройные, смуглолицые... Таких девушек я еще не видел.

Василиса. Вот услышала бы ваша жена, как вы наших девушек расхваливаете...

Верб а. У меня нет жены.

Вакуленко (*Батуре*). Простите, можно вас спросить?

Батура. Пожалуйста.

Вакуленко. Мы очень рады, что вы посетили нас, но скажите, пожалуйста, почему вы именно к нам приехали?

Батура. Я хочу собрать материал для книги.

Вакуленко. А все-таки, простите, почему же именно к нам?

Батура. Не понимаю вашего вопроса.

Вакуленко. Есть же колхозы, где много героев, а у нас их еще нет.

Батура. Так будут.

Романюк. Безусловно, будут!

Вакуленко. Когда еще будут, а им теперь писать нужно... (*Батуре*.) Почему бы вам в самом деле не поехать к Дубковецкому? Такую о нем книгу написали бы!

Батура. Я был у Дубковецкого.

Романюк (*удивленно*). Были?

Б а т у р а. Да.

В а к у л е н к о. И неужели вам у него не понравилось?

Б а т у р а. Очень понравилось, но я хочу знать, почему вы, простите, не такие...

В а к у л е н к о. Ага...

Б а т у р а. Что вам мешает?

В а к у л е н к о. А вы думаете, все такими могут быть?

Б а т у р а. Об этом я хочу вас спросить, — как вы думаете?

Р о м а н ю к. Когда-нибудь и мы будем генералами, а пока что в сиржантах пребываем, а без них армии нет... (Смеется.)

Из дому выходит Надежда.

Н а д е ж д а. Понравилась вам наша речка?

Б а т у р а. Очень хорошая! Вода теплая, прозрачная.

В е р б а. А на лугу трава — как шелк.

Б а т у р а. Мы видели, дети наливали в бочку воду. Куда они ее возят?

Р о м а н ю к. Это ее команда. (Показывает на Надежду.) Пристали ко мне — дай лошадь и бочку на все лето. Пришлось закрепить.

Н а д е ж д а. Я вам покажу, какие мы клены и дубы посадили. Теперь их поливают школьники. Это мой кружок — «Юные друзья природы».

В е р б а. «Юные друзья». Какая хорошая и благородная тема. Непременно напишу их.

Б а т у р а. Не забудь того паренька, который вел лошадь. Кепка съехала на ухо, идет гордый, в мокрых трусах, кнутиком стегает... Его первым планом возьми.

В е р б а. Обязательно, и среди них Надежду Иванову.

В а с и л и с а. Только Надю нарисуйте в военной форме — уж очень к ней идет.

Б а т у р а. Вы были в армии?

Н а д е ж д а. Три года, так что институт пришлось заканчивать после войны.

Б а т у р а. На каком фронте?

Н а д е ж д а. Я на фронте, к сожалению, не была. Работала в тылу — в госпитале среди тяжело раненных.

Б а т у р а. Я думаю, нам на фронте было легче, чем вам.

На де ж да. Не знаю...

Пауза.

Б а т у р а. Невыразимая тишина у вас... Покой, величественный покой...

На де ж да. Разве покой может быть величественным?

Р о м а н ю к. А почему не может быть? Они лучше тебя понимают, что может быть, а чего не может быть. Приглашай к завтраку дорогих гостей.

На де ж да. Отец, писатели и художники так рано не едят. Правда?

Б а т у р а. Правда.

В а к у л е н к о. Это почему?

На де ж да. Они сначала встречаются с музами, а потом завтракают.

В е р б а. Я вечером встретился... (*Поправляет полотенце на голове.*)

В а с и л и с а. Зачем это вы мокрым полотенцем голову повязали?

В е р б а. Болит.

Р о м а н ю к. Может, пираминдону примете?

В е р б а. Нет, спасибо.

В а с и л и с а. А может, квасу холодного?.. (*Взяла жбан.*) Я принесу вам.

В е р б а. С большим удовольствием.

Василиса уходит.

Б а т у р а. А рыбы много в реке. Так и выбрасывается.

В а к у л е н к о. Есть. Сомки попадаются хорошие, так килограммов на пять, восемь... Бывают и больше.

Р о м а н ю к. Любите на поплавок посмотреть?

Б а т у р а. Люблю. Это лучший отдых нервам.

На де ж да. Никогда бы не сказала, что вы нервный.

В е р б а. Ого! Когда Сергей Павлович пишет и что-нибудь не выходит — не подходит: убить может.

На де ж да. Неужели?

Б а т у р а. Не верьте ему.

В е р б а. Я немного преувеличиваю. Может, и не

убьет, но контузию от него получить можно. Швыряет что под руку попадет.

Романюк. Все война наделала. У нас вот тоже есть один матрос контуженный. Такой нервный — просто житья от него нет!

Надежда (резко). Отец!

Романюк. Да не сердись, дочка. Человек он заслуженный, при орденах, но надо людям правду сказать. С кем ни встретится — сразу спорить, и как что не по нем — выругает. Нужно предупредить, чтобы гости наши знали, а то случайно встретятся на речке, а он такой — не посмотрит, простой ты человек или заслуженный лауреат...

Надежда. Отец, я прошу тебя...

Романюк. Да я против него ничего не имею.

Вакуленко. Он не совсем нормальный.

Надежда. Неправда.

Вакуленко. Тогда скажите, Надежда Ивановна, почему он так против течения идет? Почему?

Надежда. Где течение? У нас вода стоячая. Кому вы очки втираете?

Романюк. Надя, что с тобой? Представляешь интеллигенцию нашего села, а так невежливо разговариваешь с руководством.

Вакуленко. Не обижайтесь, Надежда Ивановна, матрос наш все-таки чудной.

Надежда. Я не обижаюсь. А одно знаю — далеко вам до него, товарищ Вакуленко.

Вакуленко. А мы и не равняемся, — такого чуба, как у него, на весь район не найдешь.

Надежда. А такой лысины, как у вас, во всей области не встретишь.

Романюк. А и верно, ты хотя бы с затылка одалживал и наперед зачесывал. Я видел, в Киеве так делают.

Верба. А что делает матрос в колхозе?

Вакуленко. Был заместителем председателя, но пошел против порядка, который мы устанавливаем. Пришлось ему сдать мне этот пост. Ему все не нравится. И наши нормы выработки и то, что бригадиры у нас не ту власть имеют. Матрос за постоянную производственную бригаду, а мы уже вперед двигаемся. В центр ставим звено.

Б а т у р а. Не понимаю. У нас была и есть основная форма организации труда — постоянная производственная бригада.

Р о м а н ю к. Я вам расскажу. Я и Вакуленко во время войны были в Курской области. Мы там увидели, что куряне пошли дальше нас. У них производственная бригада только для формы. Все держится на звеньях, которые имеют свой инвентарь, свою рабочую силу...

В а к у л е н к о. И подчиняются председателю или его заместителю.

Б а т у р а. И что же, у них большие урожаи?

Р о м а н ю к. Нет. Урожаи средние, а больше плохонькие, но организация труда очень передовая.

Б а т у р а. Как же это — передовая организация, а урожаи плохонькие?

Р о м а н ю к. Потому что они тогда еще ее не освоили. Секретарь ихнего райкома мне сказал: как освоим, так всем наложим...

Б а т у р а. И что ж теперь?

Р о м а н ю к. Не слышал, но, видно, скоро наложат. Секретарь их сказал: как только у нас экс... эксперимент выйдет, тогда во всем Союзе о нас заговорят...

Б а т у р а. И вы решили так работать, как они?

Р о м а н ю к. Не совсем, но понемногу применяем их опыт... Когда же у них тот эксперимент полностью выйдет, тогда и мы двинем за ними.

Б а т у р а. А где я могу встретить матроса?

В а к у л е н к о. На берегу. Он теперь командует бригадой рыбаков. Старые моряки у него, разрисованных много встретите.

В е р б а. Как разрисованных?

Р о м а н ю к. На руках, на груди в молодости понакалывали себе барышень, теперь постарели, а барышень смыть нельзя, так они их и в могилу заберут.

Входит Василиса, ставит на стол жбан с квасом и два стакана.

В а с и л и с а. Прошу. *(Наливает и подает Вербе и Батуре.)*

В е р б а. Благодарю.

Верба и Батура пьют. Входит Мартын Кандыба, в руках у него большой пакет.

К а н д ы б а. Позвольте отрекомендоваться — секретарь сельсовета, инвалид Отечественной войны, местный поэт-песенник Мартын Гаврилович Кандыба. Весь к вашим услугам.

Б а т у р а. Сердечно благодарим. Батура. (*Подает руку.*)

В е р б а. Очень рады с вами познакомиться. Верба. (*Подает руку.*)

К а н д ы б а. Я счастлив, что могу передать вам...

Р о м а н ю к (*перебивает*). Постой, Мартын...

К а н д ы б а. Прошу не перебивать. (*Батуре и Вербе.*) Я счастлив, что могу передать вам...

Р о м а н ю к. Ну что ты за человек!

К а н д ы б а. Я прошу меня не зажимать... (*Батуре и Вербе.*) Я счастлив передать вам самый искренний привет от председателя нашего сельсовета Наталии Никитичны Ковшик. Ее задержали дела, и она, к сожалению, не сможет прийти.

Б а т у р а. Передайте ей от нас искреннюю благодарность за привет и попросите, чтобы не беспокоилась, — мы сами зайдем к Наталии Никитичне, как только она сможет нас принять.

Р о м а н ю к. Прости, Мартын, я думал, что ты этот узел виршей хочешь...

К а н д ы б а. Прежде всего, это не узел, а во-вторых, я вас великодушно прощаю. (*Батуре.*) Я счастлив, счастлив, что имею честь так близко стоять возле великого писателя. Перечитал все написанное вами. Я лично не пишу прозой, но очень люблю читать прозаические произведения. Скажу от всего сердца: ваша книга о моряках — непревзойденный шедевр.

Б а т у р а. Что вы! Обыкновенная книга, и в ней есть и схематические образы и неглубокие места.

Н а д е ж д а. Вы шутите?

Б а т у р а. Нет.

Н а д е ж д а. Позвольте читателю сказать вам правду?

Б а т у р а. Прошу.

Н а д е ж д а. В вашей книге командир получился действительно схематичным, даже сухим и нудноватым...

В е р б а. Держитесь, Сергей Павлович.

Н а д е ж д а. Но друг командира, матрос Горовой, это такой большой человек, что я в него просто влюбилась.

В е р б а. Жаль, что не в командира.

На де ж да. Почему?

В е р б а. Командир — это сам автор.

На де ж да. Неужели?

Б а т у р а. К вашим услугам, сухой и нудный...

На де ж да. Простите, я об образе.

Б а т у р а. Ничего, ничего.

На де ж да. Но вашего героя-матроса я представляла себе внешне таким, как вы.

Б а т у р а. Благодарю.

На де ж да. И вам спас жизнь матрос Горовой?

Б а т у р а. Мне.

На де ж да. Расскажите.

Б а т у р а. Я написал точно, как было.

На де ж да. Да... Ваша книга раскрывает такую красоту души простого человека, что, если бы я встретила его, за него отдала бы все самое дорогое.

Б а т у р а. А вы действительно словно в живого влюбились...

В а с и л и с а. А разве он погиб?

Б а т у р а. Погиб...

На де ж да. Как хорошо вы закончили книгу: «Где ты, друг мой?.. Друг верный...»

Пауза.

В а с и л и с а. А мне, уж простите меня, не нравится конец. Нужно, чтобы вы встретились с матросом. Допишите немножко — и нам будет легче.

Б а т у р а. Нельзя.

В а с и л и с а. Почему?

Большая пауза.

Б а т у р а. Я никогда не встречу его...

К а н д ы б а (*Батуре*). Позвольте вас на одну минуту.

Б а т у р а. Пожалуйста.

Батура и Кандыба уходят в сад.

Р о м а н ю к. Не выдержал, аспид...

В а с и л и с а. Распаковывает... Еще петь начнет.

В е р б а. Кто?

В а с и л и с а. Наш Кандыба.

На де ж да (*тихо*). Друг мой... Друг верный...

Романюк. Я вот думаю, где вам лучше будет жить. Может, так: Сергей Павлович у нас?.. Комната есть свободная. Как, Надя?

Надежда. Что ж, если согласится...

Романюк. Согласится. *(Вербе.)* А вас, если разрешите, к товарищу Вакуленко.

Василиса. Выдумали! У него ж дети...

Верба. Прошу вас, если можно, в такой дом, где нет детей. Мне тишина нужна.

Василиса. Тогда ясно. К нам пойдете. Полдома вам, а на другой половине — я и мать. Больше у нас никого нет.

Романюк. Им же тишина нужна, а твоя мать...

Василиса. Что? Моя мать с утра до вечера на работе, характер у нее кроткий, тихий. *(Вербе.)* Согласны?

Верба. С радостью. Но, может быть, ваша мать не согласится...

Василиса. Как? Да вы влюбитесь в нее, когда увидите. Скажите, Иван Петрович, есть еще в нашем селе такой души женщина?

Романюк. Нет. Верно, на всем свете такой нет.

С улицы доносятся голоса, кто-то плачет, а потом на всю улицу женский голос: «Не плачьте. Говорю, не плачьте. Идите в сельсовет и ждите, а я его сейчас за уши притяну. Я ему на нос печать поставлю!»

Верба. Что это?

Василиса. Моя матушка с кем-то разговаривает.

Романюк. Редкой души женщина...

Быстро входит председатель сельсовета Наталия Ковшик.
В руках у нее большой брезентовый портфель.

Ковшик. Где мой секретарь? Где мой бюрократ? *(Увидела в саду Кандыбу.)* Иди сюда, чернильная твоя душа... Иди сюда... Быстрее!

Василиса. Мама!

Ковшик. Молчи!

Входит Кандыба, за ним Батура, в руках у него тетради.

Ковшик *(Кандыбе)*. Иди быстрее, а то меня на куски разорвет.

Василиса *(Романюку)*. Скажите ей...

Романюк *(махнул безнадежно рукой и простонал)*. О господи!

Ковши к. Отвечай мне, кто такие Евдокия Мироненко и Мария Береза? Отвечай!

Кандыба. Как «кто»?

Ковши к. Где их мужья лежат?.. На поле боя погбли, как герои... А ты где был? В камышах прятался, пока тебя не освободила Красная Армия!

Кандыба. Позвольте, у меня... *(Показывает на медаль.)*

Ковши к. Что ты мне медаль показываешь? Сколько ты был в армии? Пять месяцев! Даже до Берлина не дошел, по дороге вывихнул ногу и — в госпиталь. А их мужья четыре года воевали.

Кандыба. Я протестую. Я могу всем показать рану. *(Поднимает штанину.)*

Ковши к. Опусти штанину! Как же ты смеешь так относиться к заслуженным матерям, заячья твоя душа! *(Подняла портфель.)* Куда ты их документы на пенсию заслал?

Кандыба. Я послал на перерегистрацию.

Ковши к. Когда?

Кандыба. Четыре месяца тому назад.

Ковши к. Врешь, вот они! *(Вынула из портфеля бумаги.)* Я их в твоём шкафу среди старых газет и всякого хлама нашла. Смотри, мыши начали грызть! Четыре месяца плачут бабы, пенсии не получают, а ты им брешешь, что ответа нет. Какой же ты есть секретарь советской власти?

Кандыба. Как же это получилось?..

Ковши к. Еще меня же и спрашиваешь! На портфель, иди сейчас же в сельсовет, я там с тобой поговорю. Иди, бюрократ, писатель, аспид!..

Кандыба. Простите. *(Побежал.)*

Ковши к. *(сняла косынку с головы, подошла к столу.)* День добрый!

Верб а. Добрый день!

Ковши к. *(Романюку.)* Что это ты, кум, нахохлился?

Романю к. Нездоровится.

Васили с а. Познакомьтесь, мама, это товарищ Верб а, художник.

Ковши к. Очень рада. *(Подала руку.)*

Подходит Б а т у р а.

В а с и л и с а. Знакомьтесь, мама, это писатель...

К о в ш и к. Как писатель? Кандыба сказал, что лауреат приехал.

В а с и л и с а. Писатель-лауреат, товарищ Батура.

К о в ш и к. Рада и вам. Простите, что я Кандыбу писателем обозвала, он из-за своих виршей все официальные бумаги теряет.

Б а т у р а. Ничего. Я просто счастлив, что с вами познакомился. У вас такой темперамент...

Р о м а н ю к (*тихо Вакуленко*). «Счастлив» — ловко высмеял.

В а к у л е н к о. Что-то не похоже.

Б а т у р а. Садитесь, пожалуйста.

К о в ш и к. Спасибо, садитесь вы. Отдыхать приехали к нам?

Б а т у р а. Нет. Хочу собрать материал для книги.

К о в ш и к. Для книги? Это хорошо. Опишите, пожалуйста, моего кума. Если хотите — я вам о нем такое расскажу...

Р о м а н ю к. А я о тебе, кума.

К о в ш и к. Начинай, я не боюсь.

Р о м а н ю к. И я не боюсь. Проси, Надя, гостей завтракать.

Н а д е ж д а. И вправду пора. Прошу всех в дом.

К о в ш и к. Спасибо. Мне надо идти. Будьте здоровы, приходите, если будет время, в сельсовет.

Б а т у р а. Непременно зайдем.

В а с и л и с а. Мама, товарищ Верба согласился у нас жить. Он картины будет рисовать.

Р о м а н ю к. Не будет он у вас жить.

К о в ш и к. Это почему? Что, у меня дом хуже твоего или пироги не румяные?

Р о м а н ю к. Им нужна тишина, покой, а не ярмарка.

К о в ш и к. Ярмарка? Приходите, товарищ художник, от души приму. Вы не думайте, это я так с бюрократами да с теми... вот снова забыла. Как оно, то слово, кум?

Р о м а н ю к. Какое?

К о в ш и к. Которым тебя обозвал наш матрос на районном активе?

Р о м а н ю к. Не помню.

К о в ш и к. О, вспомнила — оппортунист... с оппортунистами.

Романюк. Знаешь, Наталия, я тебя привлеку к партийной ответственности. Это был закрытый актив и о таких делах не говорят частным лицам.

Надежда. Отец!

Василиса. Мама, прошу вас, идите.

Ковшик. Иду. *(Подходит к Романюку.)* А ты не сердись, я же кума твоя, а куму любить нужно. *(Подмигнула и ушла.)*

Вакуленко *(Василисе)*. И когда твоя мать угомонится?

Василиса. Наверное, никогда.

Надежда. Прошу.

Все идут в дом, последними — Василиса и Верба.

Василиса. Переселите к нам или раздумали?

Верба. Перееду, с большой радостью.

Василиса. Мать у меня тихая, кроткая...

Верба. Я напишу ее портрет. *(Посмотрел на Василису.)* И ваш. *(Входят в дом.)*

Из глубины сада выходит матрос Карп Ветровой. Он в бескозырке, на плечи накинут бушлат. В одной руке держит весло, в другой — большой букет водяных лилий. Остановился под деревом, слушает. Из дому слышны веселые голоса, звон тарелок. Выходит Надежда с кружкой и полотенцем, за ней Батура с ведром в руках. Ветровой стал за деревом. Надежда зачерпнула воды, Батура протянул к ней руки.

Надежда. Подождите, я вам часы сниму. *(Снимает часы с его руки, потом сливает ему на руки воду.)* Вы даже представить себе не можете, как я рада, что вижу вас.

Батура. И я счастлив, что приехал к вам. Здесь все ново для меня.

В окне появляется Романюк.

Романюк. Надя, а где же хрен?

Надежда. Сейчас, отец, забыла. *(Подала полотенце Батуре, убежала в дом.)*

Батура вытирает руки. Из-за дерева выходит Ветровой. Батура заметил его. Смотрят друг на друга. Батура сделал несколько шагов вперед, остановился. Пауза.

Ветровой *(тихо)*. Сергей Павлович...

Батура. Не может быть... Друг мой... друг... *(Бросился к нему, обнял, целует, припал головой к его груди.)* Карп, друг мой... друг верный...

Ветровой. Серега... Серега... Успокойся, Сергей Павлович, прошу тебя...

Батура (*вытирает слезы*). А я думал... Карп, прости...

Ветровой. Погиб?

Батура. Да. Я искал тебя, ответили — без вести пропал.

Ветровой. Живу. Правда, весь в заплатах, но живу...

Батура. Почему не написал мне?

Ветровой. Думал написать, но ты, Сергей Павлович, стал знаменитым человеком, можно сказать, на весь Советский Союз, решил не отнимать у тебя времени.

Батура. Солдатскую дружбу забыл?

Ветровой. Нет, я не забыл, но напоминать о ней не хотел.

Батура. Эх ты, орел сизокрылый!.. Вот ведь счастье!.. (*Смотрит на него.*)

Ветровой. И я счастлив. Приходи. Дом мой недалеко — над самой рекой. Я теперь живу на острове, в шалаше. А сейчас иди, тебя там ждут.

Батура. Не отпущу, пойдем со мной.

Ветровой. Нет. С хозяином этого дома у меня свои счета. Туда я не пойду. Приходи вечером или завтра...

Слышен голос Надежды: «Сергей Павлович!»

Иди, дружище, Надя зовет. Передай ей эти лилии, она просила...

Показал — на траве лежат лилии. Ушел садом. Батура смотрит ему вслед. Где-то далеко зазвенела песня.

Батура (*тихо*). Карп... Карп...

Упало полотенце на лилии. Батура быстро пошел за Ветровым. Снова долетела песня. Из дому слышен звон рюмок и голос Вербы. «За Калиновую Рощу». Вышла Надежда, увидела лилии, смотрит в сад.

Занавес.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

На острове На берегу, под столетней вербой,—шалаш. Сушатся развешенные сети, вентери... За шалашом—высокий камыш. На граве сидят рыбаки: Максим Зоря, Петр Мороз и Василий Крым. Они в белых рубахах, брезентовых штанах, а на ногах высокие резиновые сапоги. На голове у каждого — старая бескозырка. Полуголые руки покрыты татуировкой: якоря, пробитые стрелой сердца, голуби, а у Крыма сквозь раскрытую рубаху видна вытатуированная девушка.

Зоря (*запевает*):

Наверх вы, товарищи,
Все по местам.
Последний аврал наступает.

Мороз и Крым (*подтягивают*):

Врагу не сдается
Наш гордый «Варяг»,
Пощады никто не желает.

Зоря. Петька!

Мороз. Что, Максим Порфирьевич?

Зоря. У контрабандиста табак есть?

Крым. Есть, Максим Порфирьевич. (*Достает.*)

Зоря. Закурим.

Рыбаки вынули трубки, закуривают.

Кры м. И что это наш капитан такой мрачный?
Зоря. Мрачный...

Пауза.

Мороз. Мрачный...

Пауза.

Кры м. Очень мрачный...

Зоря. Не тарахти.

Кры м. Есть.

Пауза.

Зоря. Задумчивый...

Мороз. Задумчивый...

Кры м. И очень задумчивый...

Зоря. Ты опять?

Кры м. Есть не тарахтеть.

Пауза.

Зоря. Жаль...

Мороз. Жаль...

Кры м. *(открыл рот, но не выдержал взгляда Максима Зори, безнадежно махнул рукой и тихо сказал).*
Есть.

Зоря. Довольно языки чесать. За работу!

Рыбаки чинят сеть.

(Запевает):

Задумав дідочок,

Задумав жениться.

Ой, сів, думав-думав,

Задумав жениться.

} 2 раза.

Що старої не хочеться,

Молода не піде.

Ой, сів, думав-думав,

Молода не піде.

} 2 раза.

Входят Карп Ветровой и Сергей Батура. Остановились, слушают песню. Зоря их заметил, тихо: «Встать!» Рыбаки встали. Ветровой и Батура подходят к ним.

Батура. Добрый день!

Рыбаки. День добрый!

Зоря. Где вы причалили?

Ветровой. На косе.

Б а т у р а. Я хотел обойти остров. Ну и камыш у вас! Как бамбуковый лес.

З о р я. Высокий.

В е т р о в о й. Заканчиваете?

З о р я. Заканчиваем.

Ветровой начинает осматривать сеть, за ним неотступно следит Зоря.

Б а т у р а (*посмотрел на небо*). А гусей сколько!

М о р о з. С поля на лиман летят.

Б а т у р а. А там что?

М о р о з. Где?

Б а т у р а (*показывает*). Вон, высоко-высоко.

М о р о з (*посмотрел*). Не вижу... Крым, посмотри.

К р ы м (*поднял голову вверх*). То лебеди.

З о р я. Не бреши. Они в эту пору не идут. То белые цапли.

Б а т у р а. А лебеди здесь садятся?

М о р о з. Живут осенью долго. Там, за ериками, на озерах собираются гуси — тысячи их! — и лебеди, а уток — как мошкары.

В е т р о в о й. А это что?

З о р я. Где?

В е т р о в о й (*поднял сеть*). Вот.

З о р я. Пропустил...

В е т р о в о й. Кто?

Зоря смотрит на Крыма, тот подходит.

К р ы м. И как это я не заметил?..

З о р я. Мелешь языком... Тарахтишь.

В е т р о в о й. Кто казан чистит сегодня?

М о р о з. Я.

В е т р о в о й. Передай ему.

М о р о з. С превеликим удовольствием.

В е т р о в о й (*Крыму*). Неделю будешь чистить.

К р ы м. Есть, чистить.

В е т р о в о й. Я пойду лодку перегоню, а Сергей Павлович с вами будет говорить. На все его вопросы дадите ответ.

З о р я. Хорошо.

В е т р о в о й. Только ты, Крым, смотри, не того... Ясно?

К р ы м. Ясно.

Б а т у р а. Что?

Ветровой. У него язык, как мельница, никому слова не даст сказать. (*Уходит.*)

Батура сел, сели рыбаки. Батура смотрит на них, рыбаки молчат.
Батура кашлянул, кашлянули рыбаки.

Б а т у р а. Жарко. Как вы думаете, дождь будет?

З о р я. Будет.

М о р о з. Будет.

К р ы м. Будет под вечер...

Зоря посмотрел на него. Крым махнул рукой

Б а т у р а. Хорошо припекает. (*Вынимает платок, вытирает со лба пот.*)

Пауза.

З о р я. Если у вас, товарищ писатель, больше нет вопросов, то мы поедем вентери трусить.

Б а т у р а. Я хотел спросить вас, где вы служили, на каких кораблях.

З о р я. Мы служили на миноносце «Звонком», а когда в гражданскую войну, под Новороссийском, по приказу товарища Ленина корабли потопили, тогда мы пошли в пехоту драться за советскую власть. Мы — это Мороз и я.

Б а т у р а (*Крыму*). А вы?

К р ы м. Я в торговом флоте пребывал.

М о р о з. Он у грека-контрабандиста служил.

Б а т у р а. Где?

К р ы м. В Одессе. На шхуне «Стрела». Какая была шхуна! Ее все знали. К нам когда-то тоже приходил писатель, его фамилия, кажется, Куприян. Точно, Куприян.

Б а т у р а. Может быть, Куприн?

К р ы м. Может. Придет, все расспрашивает нас, а потом всю ночь обязательно угощает. А пили мы тогда с ним больше «Бордо» красное и закусывали мидиями...

З о р я. Крым!..

К р ы м. Есть.

М о р о з. Ты лучше скажи, сколько раз в турецкой тюрьме сидел.

К р ы м. Трижды в турецкой и в одесской дважды, но недолго. Грек сразу выручал. Один только раз, видно, плохо подмазал, и нас канонерка потопила в турецких водах.

Мороз. Сколько лет прошло, а в нем и сейчас просыпается контрабандист.

Крым. Не ожидал такого от вас. За все годы советской власти я только раз попробовал, и то очень неудачно. Посадили меня в чрезвычайку, там просветили, и с того времени веду честную жизнь... Я теперь ударник.

Мороз. Попробовал бы ты не быть ударником в нашей бригаде... С борта сбросили бы.

Зоря. Работает он хорошо, только больно часто грекову шхуну вспоминает.

Крым. Вспоминаю... потому что она очень хороший ход имела. В турецких водах один раз за нами гнался...

Зоря (*перебивает*). Подожди. Скажите, товарищ писатель, вы давно с нашим бригадиром познакомились?

Батура. Во время войны.

Мороз. Так это о вас Карп Корнеевич рассказывал?

Батура. А что рассказывал Карп Корнеевич?

Зоря. Что вы были хорошим командиром.

Батура. А... больше ничего не говорил?

Зоря. А что может быть больше, чем когда солдат командира хвалит? Любит он вас, очень любит.

Мороз. Не забывает.

Крым. Разве забудешь боевого друга? Вот когда нашу шхуну потопила турецкая канонерка и очутился я в чужих водах...

Зоря. Крым! Еще слово — и ты сейчас очутишься в наших водах.

Крым. Есть.

Входит Ветровой.

Ветровой. Ну как, поговорили?

Батура. Поговорили.

Ветровой. Вынимайте вентери и готовьте наживу, бросим на ночь переметы.

Зоря. Есть. По лодкам!

Рыбаки взяли весла. Зоря запекает, Мороз и Крым подтягивают. Уходят.

Ветровой. Может быть, отдохнешь в шалаше?

Батура. Нет. Я не устал. Посидим здесь.

Садятся на опрокинутую лодку.

Ветровой (*вынимает папирсы*). Кури.

Батура взял. Закурили.

Б а т у р а. Сегодня месяц, как я приехал к вам.

В е т р о в о й. Неужели?

Б а т у р а. Месяц, друг мой, а будто один день.

В е т р о в о й. Это хорошо.

Б а т у р а. Написал в Киев, чтобы не ждали меня до поздней осени.

В е т р о в о й. А может, и перезимуешь у нас? Вода замерзнет. В камышах такая охота...

Б а т у р а. А что ж, может, и так. Писать здесь лучше. Никто не будет мешать. (*Обнял Ветрового.*) Разве думали мы, когда лежали, обливаясь кровью, что будем сидеть вот так и смотреть на солнце в воде...

В е т р о в о й. Я думал...

Б а т у р а. А я нет.

В е т р о в о й. Почему?

Б а т у р а. Когда ты встал и с гранатами пошел на танк...

В е т р о в о й (*перебивает*). Не нужно вспоминать...
Серега, ты Наде ничего обо мне не говорил?

Б а т у р а. Нет, а что?

В е т р о в о й. Вчера была здесь.

Б а т у р а. Она мне говорила.

В е т р о в о й. Говорила?

Б а т у р а. Да.

Пауза.

В е т р о в о й. Допытывается, когда я с тобой познакомился.

Б а т у р а. Не понимаю, почему ты не хочешь, чтобы она все знала?

В е т р о в о й. Не хочу.

Б а т у р а. Карп, скажи.

В е т р о в о й. Ты написал обо мне много такого, чего не было.

Б а т у р а. Но главное...

В е т р о в о й (*перебивает*). Я еще раз тебя прошу — ни слова Наде и никому. Можешь это сделать для меня?

Б а т у р а. Хорошо.

Пауза.

Карп, ты любишь ее?

Ветровой молчит. Пауза.

А Надежда?

Ветровой. Не знаю.

Батура. Говорил с ней?

Ветровой. Нет.

Батура. Почему?

Ветровой. Странно...

Батура. Что?

Ветровой. Писатель ты, глубоко видишь, а такой простой вещи не понимаешь. Разве я ей пара?

Батура. Ты думаешь?

Ветровой. Семнадцать лет между нами. Это не шутка. Она красивая, а я на болотного черта стал похож...

Пауза.

Батура. Еще что?

Ветровой. Она сильная, веселая, звонкая, а я...

Батура. Ну?

Ветровой. Весь сшитый... Да и еще есть причина.
(Посмотрел на Батуру.)

Батура. Какая?

Ветровой. Обо всем сразу не переговоришь...

Батура. Что сшитый — это не беда, лишь бы рубцы были хорошие, а они у тебя, видно, крепкие — гнал лодку так, что моторка за тобой не поспела бы... А все остальное никакого значения не имеет, если есть любовь.

Ветровой. Если есть... А если нет?

Батура. Так спроси. Неужели, Карп, ты боишься?

Пауза.

Ветровой. Разве об этом спрашивают, Серега?

Пауза.

Батура. Да... Не спрашивают...

Ветровой. Как тебе живется у Романюка?

Батура. Приняли меня, как родные.

Ветровой. Да... Я вчера ждал тебя, как условился, весь вечер... Что-то помешало?

Батура. Прости, Карп, никак не мог. Я учителям доклад о литературе читал, а потом столько мне вопросов задали. До часу ночи беседа затянулась.

Ветровой. Хорошо, что сегодня встретились. Ночевать будешь здесь?

Б а т у р а. Здесь, Карп. Здесь, друг мой. Закинем сети...

В е т р о в о й. Закинем и сети и переметы. А сейчас давай уху сварим.

Б а т у р а. А рыба где?

В е т р о в о й. Есть линочки, окуни, сомки, караси — со вчерашнего дня ждут тебя. А здесь у меня припасы. *(Выносит из шалаша ящик, достает оттуда.)* Вот перчик, лук, старое сало...

Б а т у р а. А сало зачем?

В е т р о в о й. Без старого сала нет ухи... Два литра.

Б а т у р а. Ого!

В е т р о в о й. На свежем воздухе и не заметишь, как пойдет... Да и бригада моя непьющая. *(Смеется.)*

Б а т у р а. Не пьют?

В е т р о в о й *(начинает чистить картошку)*. Вчера целую ночь терзали меня: «Что же, друг не приехал, а водка стоит, еще градусы поудирают». Насилу от них отбился.

Б а т у р а. Я так сидеть не буду, давай и мне работу.

В е т р о в о й. Возьми казан и принеси воды.

Б а т у р а. Есть, капитан! *(Побежал за водой.)*

Слышен голос Батуры: «А вода теплая, я буду купаться».

В е т р о в о й. Подожди, Серега. Здесь купаться нельзя.

Входит Б а т у р а.

Б а т у р а. Почему?

В е т р о в о й. Погибнешь.

Б а т у р а. Что?

В е т р о в о й. Быстрина.

Б а т у р а. Я плаваю хорошо.

В е т р о в о й. Там водоворот большой, крутит так, что никто не выплывет. Поедем ниже, на спокойные места.

Б а т у р а. Жаль.

В е т р о в о й. Садись. Как тебе наш колхоз нравится?

Б а т у р а. Все есть для того, чтобы передовым стать.

В е т р о в о й. Все есть, да только председатель наш этого не видит.

Б а т у р а. Странно. Романюк — очень интересная, я сказал бы, колоритная фигура. У него большой природный ум.

Ветровой. На одном природном уме теперь далеко не уедешь. Ты был на полях?

Батура. Был.

Ветровой. Ну, и что?

Батура. Сорняков много.

Ветровой. Пропалывают?

Батура. Мало.

Ветровой. А вот на усадьбах сорняков нет.

Батура. А почему так?

Ветровой. Знают, что обработка решает урожай.

Батура вынул блокнот, записывает.

(Улыбнулся.) Счетовод мне сказал, что ты ему целую ревизию учинил. Все книги пересмотрел.

Батура. Меня интересовало, как у вас дела с трудоднями.

Ветровой. Ну, и что ты увидел?

Батура. Все-таки у вас работают неплохо. У каждого столько трудодней...

Ветровой. Трудодней много, за это нужно прославить Романиюка.

Батура. Ты смеешься или вправду?

Ветровой. Вправду. За это его и любят. Только спроси у Романиюка, почему трудодней у каждого много, а на полях сорняки, а на фермах свиньи вроде гончих...

Батура. Действительно, что-то не вяжется.

Ветровой. А знаешь, почему?

Батура. Скажи.

Ветровой. Наш председатель на передовую линию не хочет идти. Ползет, но не встает.

Батура. А почему?

Ветровой. Привык смотреть на тех, кто от нас отстал, а не на тех, кто далеко впереди нас. Гордится тем, что он передовой среди отсталых.

Батура. Интересно! А как же ваш райком партии на это смотрит?

Ветровой. Критикуют Романиюка, а он кается. Проходит время — критикуют его еще больше, он еще хуже кается... Так оно и идет.

Батура. А почему ваша парторганизация молчит?

Ветровой. Не молчит, но и не взялась как следует. Приходи завтра на партсобрание, увидишь, как мы

будем по душам говорить с нашим председателем. (Смеется.)

Б а т у р а. Приду. Скажи, Карп, а почему ты командуешь рыбаками, а не настоящим делом занимаешься?

В е т р о в о й. Но-но, ты поосторожней, моя бригада теперь сто тысяч рублей в год дает колхозу.

Б а т у р а. Прости, я не знал. И все-таки не здесь твое место.

В е т р о в о й. Промах у меня вышел.

Б а т у р а. Какой?

В е т р о в о й. Как вернулся из армии, выбрали меня в правление и заместителем председателя назначили. Я сам разработал план, чтобы резко повернуть колхоз, поднять трудовую дисциплину, увеличить нормы выработки. Чтобы не отдельные звенья, а все бригады были передовыми, а бригады — настоящими коммандирами, чтоб председатель колхоза был капитаном крейсера, а не флотилии деревянных челнов, потому что веслом к коммунизму не догребешь. Начал войну с председателем, но большинство меня не поддержало.

Б а т у р а. Почему?

В е т р о в о й. Никого не подготовил, не посоветовался с активом, думал, сам все смогу: прочитаю план на собрании, и все проголосуют за. А вышла осечка. Это была моя первая ошибка, а за ней вторая — я разгорячился на собрании и сказал: не принимает мой план, тогда снимите меня с заместителя председателя. Романюк за это ухватился и назначил меня бригадиром рыбаков.

Б а т у р а. И ты сдался?

В е т р о в о й. Моряки не сдаются. (Усмехнулся.) Там у меня в шалаше целая библиотека — читаю, учусь, провожу беседы в звеньях как агитатор. Ездил к шполянцам, чтобы понять, как там руководители всех людей подняли. Одним словом, подковываюсь на все четыре. Теперь я не один. (Батура записывает.) Ты что записываешь?

Б а т у р а. Твои мысли.

В е т р о в о й. Ты лучше мысли Романюка попробуй записать.

Б а т у р а. После твоей характеристики Романюк для меня ясен.

В е т р о в о й. Ой, не спеши. Попробуй загляни в его душу. Девятнадцать лет председательствует, люди ему доверяют, воевал хорошо, до Берлина дошел и, когда

нужно будет, уверяю — сапер Романюк наведет мосты через любые воды. Такие люди нам дороги.

Батура. А все-таки, если он не хочет идти к лучшему, нужно снять.

Ветровой. К хорошему и он и все хотят идти...

Батура. Не понимаю тебя.

Ветровой. Только его хорошее — узкое, маленькое и, пока оно станет широким, большим, нужно много времени. А такие, как шполянцы, — да и не они одни, — поверили в свою силу и взяли быка за рога.

Батура. Прости, я тебя опять не понимаю. То ты говоришь так, словно его сегодня снимать надо, а с другой стороны...

Ветровой (*смеется*). А я нарочно говорю со всех сторон — хочу себя на тебе проверить. Ты человек знаменитый, высокой культуры, все меня спрашиваешь, а я хочу и тебя послушать. Что посоветуешь?

Батура. Политик же ты, Карп, настоящий политик...

Ветровой (*встал*). И почему ты так любишь все преувеличивать? В книге расписал меня так — ну просто в рай! И здесь говоришь...

Батура. Карп, говорят, бывает уничижение паче гордости.

Ветровой (*резко*). Какой же я, к бесу, политик, когда мы до сего времени барахтаемся!.. Дубовецкий — это настоящий политик, а нам заработать нужно, чтобы достойными его учениками назвали. Понял?

Батура. Понял...

Ветровой. Запиши в свою книжечку.

Батура (*прячет блокнот*). Я и так не забуду.

Далеко на реке запела девушка.

Кажется, кто-то поет?

Ветровой (*смотрит*). Не видно.

Батура. Хороший голос.

Ветровой. Да, хороший... Это Надя поет. (*Садится.*)

Батура. Надежда? К тебе в гости едет.

Ветровой. Не уславливались.

Батура. Тем лучше, сама едет. Видишь?.. Эх ты, водяной! Мы ее ухой угостим. Беги, встречай.

Ветровой. А может, ты встретишь?

Батура. Я тебя просто бить буду. Вставай. Живо! *(Поднял его.)*

Ветровой. И сила же у тебя.

Батура. А ты думал? Она не знает, что я здесь. Спрячусь в камыш, разыграем ее.

Ветровой. Не надо.

Батура. Давай, давай. *(Схватил пиджак, побежал в камыш.)*

Ветровой вытер руки, поправил бескозырку. Подходит к берегу.

Голос Надежды. Можно причалить?

Ветровой. Просим. *(Ушел.)*

И сейчас же возвращается с Надеждой. На ней спортивная куртка, на голове соломенная шляпа. Ветровой несет корзинку, поставил ее возле лодки.

Садитесь, Надежда Ивановна. Устали?

Надежда и Ветровой садятся.

Надежда. Нет. Я бы целый день плыла. Люблю грести. Не дышишь, а пьешь воздух... *(Сняла шляпу.)* Что вы готовите?

Ветровой. Уху собираюсь варить.

Надежда. А я знала, что вы меня ухой встретите. Угадайте, что привезла.

Ветровой. Не знаю.

Надежда. Достала вино, которое вы любите. *(Вынимает из корзинки, подает.)*

Ветровой. Спасибо. А я для вас такую уху сделаю, что на всех реках и даже на Черном море ни один рыбак не сварит.

Надежда. Отец просил передать вам привет.

Ветровой. Неужели? Что это с ним случилось?

Надежда. Все меняется, мой хороший Карп Корнеевич.

Ветровой. Как вы сказали?

Надежда. Все меняется, и все идет к лучшему. К лучшему, Карп Корнеевич... Ой, я просто опьянела на воде... А у вас солома в чубе. *(Сняла с него бескозырку, вынула из чуба солому, надела бескозырку себе на голову.)* К лицу мне бескозырка?

Ветровой *(смотрит на Надежду)*. Вам все к лицу.

Надежда. Спасибо. *(Надела на Ветрового бескозырку. Ветровой хочет поправить.)* Не поправляйте. *(Долго смотрит на него.)* Карп Корнеевич... да улыбнитесь...

Ветровой *(улыбнулся)*. Раз или два?

Надежда. Сто, тысячу... Я хочу, чтобы сегодня все улыбалось. Посмотрите, как смеется река, небо, солнце, этот остров и даже камыш.

Ветровой. Буду стараться.

Надежда. Дорогой Карп Корнеевич, скажите, почему вы со всеми шутите, веселый, а со мной так сдержанны?

Ветровой. Вам кажется.

Надежда. Нет. Скажите прямо. Иногда я так на вас сержусь...

Ветровой. За что?

Надежда. Я всегда подхожу к вам с открытым сердцем, а вы редко когда только чуть-чуть открываете свою душу. Так нельзя. Неужели вы не чувствуете, что я ваш друг?..

Ветровой. Чувствую, потому и сдерживаю себя...

Надежда. Зачем?

Ветровой. А разве вы не понимаете?

Надежда. Нет...

Ветровой. Жаль!

Надежда. Ну вот, вы снова стали угрюмым... Милый, славный друг мой... *(Встала.)* Что это возле солнца кружит?

Ветровой *(встал)*. Где?

Надежда *(положила руку на его плечо)*. Вон. *(Показывает.)*

Ветровой. То орел так высоко поднялся.

Надежда и Ветровой смотрят вверх.

Надежда. Орел... *(Перевела взгляд на Ветрового.)* Не сердитесь на меня, я не то ответила вам... Скажите, вы здесь один?

Ветровой. Один.

Надежда. А я думала...

Ветровой. Что?

Надежда. Что ваши рыбаки здесь...

Ветровой. Они скоро будут. Вентери вынимают. *(Надежда осматривается. Ветровой следит за ней.)* Вы будто кого-то ждете?

Надежда. А кого мне ждать?

Ветровой. Простите, мне показалось... Что это у вас? *(Показал на корзинку.)*

Надежда. Там одеяло, полотенце, мыло... Приехала на всю ночь рыбачить. Свое обещание, наконец, исполнила.

Ветровой. На всю ночь?

Надежда. Вы вроде недовольны? Так просили меня, обещали показать...

Ветровой. Я очень доволен. Я просто счастлив, Надежда Ивановна. Все вам покажу, как обещал. И сети будете тянуть и вентери ставить... Все, все, что прикажете... *(Крикнул.)* Сергей Павлович, Сергей Павлович!

Надежда. Сергей Павлович здесь?

Ветровой. Он тоже исполнил свое обещание, приехал рыбачить... Все покажу вам...

Входит Батура.

Батура. Ну что ты, Карп, не дал разыграть...

Ветровой. Кого?

Батура. Надежду.

Надежда. Вот какой вы! Не думала...

Батура. Какой?

Надежда. Мальчик. Так только мои ученики делают.

Ветровой. Простите, я пойду рыбу чистить.

Батура. И мы тебе поможем.

Надежда. Нет, Карп Корнеевич никому не разрешает готовить уху. Такой здесь порядок. Садитесь и ждите, пока не сварится.

Ветровой. Верно. Я скоро. Сейчас вернусь. *(Ушел.)*

Пауза.

Надежда. Чудной Карп, но хороший. Я люблю его.

Батура. Любите?

Надежда. Люблю, как хорошего, честного товарища. Жаль, что с отцом на ножах, но я, кажется, все сделала, чтобы их помирить.

Батура. Давно дружите?

Надежда. Два года. А сдружили меня с ним вы.

Батура. Как?

Надежда. Только прочитала вашу книгу, а Карп через месяц вернулся из армии. Я пригласила его в школу, устроила встречу с детьми и учителями. Удивительно, человек он умный, а вашу книгу...

Батура. Что? Говорите прямо.

Надежда. Не любит. Только вы ему...

Батура. Ни слова. Уверяю.

Надежда. Он говорит, что ваш матрос выдуманный, таких не бывает...

Батура. Так говорит?

Надежда. Вы на него не обижайтесь. У вашего матроса широкая душа, отвага, сила, у него светлый ум, народный юмор... А какая внешность! Вот я вижу его лицо, глаза. Как хорошо вы описали!

Батура. С внешностью я погрешил — не следовало делать его таким красивым.

Надежда. Не согласна. Человек большой душевной красоты должен быть таким же и внешне. Карп хороший, милый, но...

Батура. Что?

Надежда. Странно, моряк он, а романтики в нем нет...

Батура. Вы ошибаетесь.

Надежда. Но я люблю его и таким.

Входит Ветровой с казаном в руках.

Ветровой. Готово. Теперь разложим огонь.

Надежда. И будем его поддерживать до утра.

Батура. Как? Разве вы...

Надежда. На всю ночь приехала рыбачить с вами.

Ветровой. И куда моя команда пропала? (*Отошел, смотрит вдаль.*)

Надежда (*к Батуре*). Почему вы умолкли?

Батура. Я... Я думаю, как хорошо вы сделали, что приехали... Как хорошо!

Надежда. Правда?

Батура. Правда.

Подходит Ветровой.

Надежда. Пойдемте собирать хворост. (*Взяла Батуру за руку.*) Да вставайте...

Б а т у р а. Идите, я сейчас.
На де ж да. Жду. (*Убежала.*)

Батура подходит к Ветровому.

Б а т у р а. Карп!
В е т р о в о й. Слушаю.

Б а т у р а. Я должен покинуть вас.

В е т р о в о й. Почему?

Б а т у р а. Я забыл, что мне сегодня (*посмотрел на часы*) в шесть будут звонить из Киева. Понимаешь, для меня очень важный разговор.

В е т р о в о й. Понимаю.

Б а т у р а. Прости, но, к сожалению...

В е т р о в о й. Нет, ты не поедешь.

Б а т у р а. Карп, поверь...

В е т р о в о й. Я верю, верю в друга, а он... он не подведет... Иди собирай хворост. (*Слышно — поют рыбаки.*) Вот и моя команда возвращается. Скоро за уху сядем.

Г о л о с Н а д е ж д ы. Сергей Павлович!

В е т р о в о й. Чего же стоишь, Серега? Мне подачек не нужно. Это было бы не по-товарищески и обида навеки. Иди, Надя ждет. (*Пошел на берег.*)

Стоит Батура, смотрит ему вслед. Песня все ближе. Входит Надежда, в руках у нее хворост.

На де ж да (*бросила хворост*). Какой он колючий! Кровь выступила. (*Поднесла руку ко рту.*)

З а н а в е с.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

В саду дом. На первом плане — цветник. Среди цветов — узенькие дорожки, посыпанные песком. В центре — столик, накрытый вышитой скатертью. Возле столика стоит высокий подрамник с натянутым холстом. Возле деревьев расставлены эскизы.

Верб а держит в руках краски, кисть, смотрит на холст, кладет мазки, отходит, снова кладет. Он в хорошем настроении. И по тому, как он напевает без слов, мы чувствуем, когда удачный кладет мазок, а когда нет.

Входит Наталия Ковши к. Верб а ее не замечает. Ковши к смотрит на эскиз.

Ковши к. Трактор хорошо нарисовали, а тракториста на нем узнать не могу.

Верб а. Это незаконченная работа. (*Подошел.*)

Ковши к (*смотрит на другой эскиз*). Как хорошо вы нашего бригадира нарисовали!

Верб а. Нравится вам?

Ковши к. Как живой... И хорошо, что среди пшеницы стоит. Только что это?

Верб а. Это васильки. Я их специально нарисовал среди золотой пшеницы. Синие васильки, красиво, правда?

Ковши к. Нет, некрасиво.

Верб а. Почему? Разве я их плохо нарисовал?

Ковши к. Нарисовали хорошо, но не там, где нужно. Пшеница должна быть чистая, без бурьяна.

В е р б а. Васильки — не бурьян.

К о в ш и к. В руках васильки — это цветы, а среди пшеницы они — бурьян. Если можно, лучше выполите их.

В е р б а. Хорошо, я их выполю.

К о в ш и к. Вы только усы бригадиру немного пригладьте.

В е р б а. А у него они такие, как у моржа.

К о в ш и к. Это верно, но если бы вы знали, как он переживает из-за них! Все время подкручивает. Не виноват человек, что у него такая щетина уродилась под носом. Пригладьте. Сделайте ему приятное, хороший он человек.

В е р б а. Хорошо, сделаю. Посмотрите, как я нарисовал звеньевую Анну Корж.

К о в ш и к. Хорошо.

В е р б а. И красивая же она! Прекрасный образ колхозницы.

К о в ш и к. Только подпишите — колхозница, которая больше спит, нежели работает.

В е р б а. Разве?

К о в ш и к. Да.

В е р б а. А я спрашивал Вакуленко, и он ее так хвалил...

К о в ш и к. А рядом с ней Вакуленко нарисуйте, — один другого стоит.

В е р б а. Жаль, что так вышло.

К о в ш и к. Ничего, людей у нас много хороших.

В е р б а. Я так жду уборку хлебов, хочу большое полотно написать — «Колхозный урожай».

К о в ш и к. Хорошая мысль, но разве так можно?

В е р б а. Что, дорогая Наталия Никитична?

К о в ш и к. Целый день стоите. Уже вечереет. Бросайте работу.

В е р б а. Сейчас. Я сегодня в таком творческом настроении, что оторваться не могу.

К о в ш и к. Это я от вас слышу каждый день.

В е р б а. А знаете, почему?

К о в ш и к. Нет.

В е р б а. Скоро скажу.

К о в ш и к. А почему не сейчас? (*Подошла, смотрит на портрет.*)

В е р б а. Просто боюсь...

Ковшик (*улыбнулась, смотрит на Вербу*). Можете не говорить. Кабы она в жизни такой была...

Верба. Василиса лучше... Только никак не могу уловить выражение ее глаз. Она их всегда немножко щурит. Правда?

Ковшик. Когда я ее на руках носила, так она не щурила, а сейчас кому и как щурит — не знаю.

Верба. Не замечали?

Ковшик. Не приглядывалась. Позвольте вас спросить. Почему вы, Николай Александрович, когда Василиса на работе, рисуете на берегу, в поле, тут, а когда она приходит, то больше в комнате?..

Верба. Василиса приходит усталой, и в комнате ей легче позировать — свободней себя чувствует. А что, Наталия Никитична?

Ковшик. Это я так спросила, для общего образования, потому впервые вижу, как художники творят.

Верба (*смутился*). Творим, как можем.

Ковшик. И долго вы еще будете рисовать Василису?

Верба. О, еще долго! Я хочу ее портрет послать на Всесоюзную выставку, а вы понимаете, каксе это ответственное дело. Я должен показать прекрасную душу передовой колхозницы, всю ее красоту, ум, веру в свой труд, благородный порыв...

Ковшик (*перебивает*). Понимаю. Вы лучше все это ей скажите, а то она всю ночь не спала и на работу пошла печальная.

Верба. Может быть, заболела?

Ковшик. Нет. Говорила, что вы телеграмму вчера получили. Может, у вас что случилось и она переживает?

Верба. Ничего особенного. Сестра прислала телеграмму, что выезжает ко мне на два-три дня.

Ковшик. А когда приедет?

Верба. Не разберу. Она у меня немного бестолковая. Никогда точно не напишет. Жаль, что я не смог сказать Василисе. От Сергея вернулся поздно, а она ушла на работу, когда я еще спал.

Ковшик. Скоро придет, скажете. У меня к вам есть один серьезный вопрос и, как говорится, по девичьей линии.

Верба (*встревоженно*). Прошу, прошу...

Ковшик. Только вы мне скажите прямо...

В е р б а. Скажу, все скажу.

К о в ш и к. Садитесь.

В е р б а (*встревожен еще больше*). Ничего, я постою.

К о в ш и к. Садитесь, садитесь. (*Верба сел.*) Вы что-то побледнели, не солнцем ли напекло?

В е р б а. Нет, нет. А... а может быть... да, солнце... Солнце, оно влияет.

К о в ш и к. Берегитесь... Шляпу надевайте. Дело такое... У нас так заведено — весною или летом молодые влюбляются, а осенью...

В е р б а. Женятся... У нас тоже так. Вы не думайте, Наталия Никитична... И у нас так... а некоторые и не ждут осени...

К о в ш и к. Так и у нас, а только большинство осенью.

В е р б а. Что ж, и осенью можно... Чего ж... пора прекрасная...

К о в ш и к. И я так думаю.

В е р б а. Наталия Никитична... Я как раз и собирался вам сказать...

К о в ш и к (*перебывает*). Вы меня простите, я еще не досказала.

В е р б а. Извините.

К о в ш и к. Так вот, приходит осень, и молодые люди идут в сельсовет, в загс расписываться...

В е р б а. Я понимаю вас... Каждый честный человек должен так сделать.

К о в ш и к. Верно. И вот, когда они приходят, так что же мы им даем в такую торжественную и, можно сказать, незабываемую в жизни минуту? Вы поняли?

В е р б а. Нет, нет. Теперь я вас что-то не понимаю...

К о в ш и к. Мы даем свидетельство о браке. Но какое? Маленькую квитанцию, такую же, какую выдаем за поставку свиней, кожи, кур, уток... А это документ, в котором записано про любовь и скреплена государством семья... Вот я и прошу вас — не нарисовали бы вы нам большие брачные свидетельства, ну, хоть пятьдесят штук? Этого нам на два года хватит. И чтобы на них были цветы и, может, голубки. Как?

В е р б а. Можно и цветы и голубков... (*Вынул платок, вытирает со лба пот.*)

К о в ш и к. В середине — место для записи и для небольшой фотографии — невеста, жених и их родители или

родственники. А можно и без родственников. Не все родственники бывают приятными. Правда?

В е р б а. Можно и без родственников.

К о в ш и к. А над всем союзный государственный герб, чтобы крепче было, и от него — две красные ленточки, а на них золотом написать хотя бы и так: «Крепкая семья — крепкое государство».

В е р б а. А... а для чего?

К о в ш и к. Чтобы каждый читал и знал — разрушаешь семью, сучий сын, — подрываешь и государство. Выходит, таких надо бить.

В е р б а. Нужно бить, обязательно...

К о в ш и к. Только у меня на это денег по смете нет, но я вам за это...

В е р б а. Что вы, Наталия Никитична!.. Да я вам не пятьдесят, а пятьсот штук таких свидетельств нарисую.

К о в ш и к. И цветы будут?

В е р б а. И голубки, и соколы, и колоски...

К о в ш и к. Соколов не надо, эта птица сюда не подходит, а вот колоски — это хорошо... Что ж *(встала)*, спасибо вам от всех влюбленных. *(Протянула руку.)*

В е р б а *(взял ее руку)*. Наталия Никитична... Позвольте, как матери... *(Целует ей руку.)*

К о в ш и к *(взволнованно)*. Что вы... Что это вы?

В е р б а. Я скоро, скоро вам все скажу...

Входит Василиса.

В а с и л и с а. Мама, к тебе Иван Петрович пришел.

К о в ш и к. Иду. Когда же начнете?

В е р б а. Хотя бы и сейчас. Только нужно еще раз обсудить.

К о в ш и к. А вы с Василисой посоветуйтесь, а то у меня скоро партсобрание. *(Ушла.)*

В а с и л и с а. Вы телеграмму вчера получили. Что-нибудь случилось?

В е р б а. Нет. Сестра приезжает завтра или послезавтра.

В а с и л и с а. Сестра... А как ее имя?

В е р б а. Гафийка.

В а с и л и с а. Почему вы мне неправду говорите?

В е р б а. Как? Что ты, Василиса...

В а с и л и с а. Там в телеграмме не так сказано. Я случайно вчера прочла, вы ее забыли здесь на столе.

В е р б а. Как же там сказано? Погоди (*ищет*), куда я ее девал? Вот несчастье!

В а с и л и с а. Не ищите, я помню, там так: «...еду к тебе. Целую. Агá».

В е р б а. Агá, Агá!.. Ага!.. (*Начинает громко смеяться.*)

В а с и л и с а. Почему вы смеетесь?

В е р б а. Это она себе выдумала Агу, а ее настоящее имя Агафия, Гафийка.

В а с и л и с а. Сколько ей лет?

В е р б а. Она всем говорит, что тридцать три, а на самом деле добрых сорок.

В а с и л и с а. Красивая?

В е р б а. Да.

В а с и л и с а. А зачем она Гафийку на Агу поменяла?

В е р б а. Сестра вышла замуж за талантливого инженера, он начальник одного комбината, и решила, что Гафийка ей уже не подходит. Теперь она Ага Щука. Это фамилия ее мужа.

В а с и л и с а. А я всю ночь не спала из-за этой Аги...

В е р б а. Я вижу, у тебя глаза красные.

В а с и л и с а. Садись возле меня.

В е р б а. С радостью. (*Смотрят друг на друга.*) О, опять глаза шурит (*Обнимает ее, целует.*)

В а с и л и с а. Довольно, а то сюда сейчас придут.

В е р б а. Никак не могу уловить выражения твоих глаз. Только начинаю вглядываться, а ты их сперва шуришь, а потом закрываешь.

В а с и л и с а (*строго*). И я не могу разглядеть, какие у тебя глаза, ты то же самое делаешь.

В е р б а. Василиса, я хочу поговорить с Наталией Никитичной сегодня.

В а с и л и с а. Нет, нет... Не нужно... Еще успеешь.

В е р б а. Зачем откладывать? Я об этом даже мужу сестры написал, просил, чтобы он выслал костюм и кое-какие вещи...

В а с и л и с а. Потому сестра и едет сюда?

В е р б а. Возможно. Правда, я предупредил, чтобы он не говорил ей ничего, но, видно, не удержался. Чудак! Какой чудак!..

В а с и л и с а. Боишься ее?

В е р б а. Нет... Как тебе сказать...

Василиса. А если я ей не понравлюсь?

Верба. Милая моя, славная, да если она хоть слово плохое о тебе скажет, я ее утоплю... Не беспокойся, приедет, а на следующий день я ей куплю билет и — будь здорова, сестричка! Позволь поговорить...

Василиса. Надо подождать. Боюсь я, Николай, люблю тебя и боюсь...

Верба. Ты опять о том же... А может, ты...

Василиса. Верю, верю тебе (обняла его), но боюсь, мой голубь ясный...

Слышны голоса.

Верба. Сюда идут. Помоги мне, Василиса.

Василиса и Верба берут портрет, краски, кисти и идут в дом. Входят Наталия Ковшик и Романюк, подходят к столу, садятся.

Романюк. И зачем ты писателя пригласила? У нас же закрытое собрание.

Ковшик. Он член партии. Напросился, отказать не могла.

Романюк. Ты же знаешь, что он книгу о нас составляет.

Ковшик. Знаю. Лучше пусть выведет нас такими, какие мы есть, а то как начнет выдумывать — хуже будет.

Романюк. Я не против, чтобы он здесь был, только не сегодня. Мы же собираемся поговорить по душам...

Ковшик. Писатель и должен о душе писать.

Романюк. Я все-таки категорическим путем против.

Ковшик. Тогда выступи.

Романюк. Ты что, смеешься? Человек у меня живет, о нас пишет, прославлять нас хочет, а я буду выступать против. Нет, нет у вас патриотизма к своему колхозу, к своему селу. Вы как те... как они, к дьяволу, называются, что в городах объявились, — кос... космополиты... Вот...

Ковшик. Какой же ты патриот? Что ты сделал для села?

Романюк. Мало сделал? После войны людей из землянок в новые дома вывел, все хозяйство на ноги поставил и аж до среднего уровня довел. Кто еще столько, как я, положил труда за идею? Да я из-за нее скоро

инвалидом стану. У меня печенка... о... колет... Только разволнуюсь и колет... Ой, вижу я, что недолго мне осталось. Помру скоро... категорическим путем помру...

Ковшик. Подожди, у нас кладбище и до сих пор не огорожено, ни одного дерева не посажено. Давай, кум, приведем его в порядок, помоги, год тебя прошу. А то и в самом деле дашь дуба, что я тогда буду делать? Стыдно будет председателя колхоза на такое запущенное кладбище нести, да еще без музыки. Оркестра нет. Нас не уважаешь, так хоть себя пожалей, кум...

Романюк. Ладно, кума. Куплю оркестр, куплю. И, когда ты дуба дашь, прикажу козачка играть. Танцевать буду от твоего дома до самого кладбища...

Ковшик. Вот видишь, как нам оркестр нужен! Так купишь или опять подведешь?

Романюк. Куплю. Даю слово.

Входят Ветровой, Батура, Вакуленко и Крылатая.

Ковшик. Садитесь.

Романюк (*Крылатой*). Товарищ секретарь, когда начнете собрание?

Крылатая. Скоро, подождем секретаря райкома.

Вакуленко. Приедет?

Крылатая. Я звонила ему. Обещал.

Романюк. Что ж, это хорошо. Надо бы ужин приготовить, собрание затянется.

Вакуленко. Так я сейчас организую. (*Встал.*)

Крылатая. Садись, садись, без тебя обойдется.

Романюк (*Батуре*). Да, Сергей Павлович, вас Надя ждет. Вы обещали поехать с ней за грибами.

Батура. Я предупредил, что не смогу.

Романюк. Ага... А если наскучит слушать наши дела, то лошади готовы, и Надя сказала, что будет ждать вас.

Ветровой. Раз условились, нужно ехать...

Батура. Я хочу здесь побыть.

Романюк. Воля ваша... Эх, дела!..

Крылатая. Чего так тяжело вздыхаешь?

Романюк. Я сегодня объездил все наши поля и окончательно убедился— попали мы в очень неприятную хвазу. Дожди прошли большие, и сорняки растут, будто их каждую ночь черти сеют. Разволновался я, что даже

печенка заболела. Только на свекле легче стало. Там чисто.

Ветровой. Потому что Василиса со своим звеном каждый день на поле солнце встречает.

Романюк. Подгянем всех, не об этом я хочу сейчас говорить.

Крылатая. А я думаю, с этого надо начинать. Дни идут. Послушайте, Иван Петрович, что на пленуме ЦК сказал секретарь. *(Раскрыла книжечку, читает.)* «Уход за посевами — важнейшее условие увеличения валового сбора всех сельскохозяйственных культур. Это должно быть теперь нашей основной работой».

Ковшик. Ты читал этот доклад?

Крылатая подает Романюку книжечку.

Романюк *(взял книжечку, смотрит)*. Начал, да не дочитал — нет времени читать, с утра до ночи крутишься в колхозе, как муха в кипятке. Да еще и очки у меня довоенные, — верно, уже не подходят. Глаза болят.

Ковшик. Купи новые.

Романюк. Пробовал, да никак не подберу. К старым уши привыкли, а новые очень натирают, вот здесь болит. *(Показывает.)* А вы что-то записываете, Сергей Павлович?

Батура. Так, отдельные слова... У вас очень образные выражения.

Романюк. Образные?.. Может быть. Мы как думаем, так и говорим.

Ветровой. Не всегда.

Романюк. На реплики не отвечаю. Чтобы было ясно товарищу писателю, почему мы попали в такую неприятную хвазу, я вспомню прошлый год. Я еще тогда категорическим путем настаивал — не можем мы сеять столько кукурузы, подсолнуха, хлопка, проса... Меня тогда на активе райпарткома Карп Корнеевич обозвал оппортунистом. А что вышло? Весной нам подбросили еще и чумизу. Вот и попробуй справиться!

Ветровой. Назвал и буду называть, пока вы не научитесь по-большевистски расставлять рабочую силу и требовать от каждого...

Романюк. Призовите его к порядку, а то я в ответ могу такое сказать...

Ковшик. Скажите, обязательно скажите...

Вакуленко. Мы же не для ругани здесь собрались.

Ковшик. А что же, целоваться, когда под угрозой урожай? Не только ругать,— бить нужно.

Романюк. Кого?

Ветровой. Созывайте, Иван Петрович, общее собрание колхоза и начинайте бить лентяев и тех, кто их покрывает. А если не хотите ссориться с ними, то подставляйте свою спину и тогда не обижайтесь — ударим так, что на весь район волна пойдет. Другого выхода нет.

Романюк. Не пугай, я пуганый.

Батура. Разрешите вопрос, Иван Петрович. Я познакомился с колхозной бухгалтерией. Трудодней у каждого колхозника порядочно...

Романюк. У нас лодырей нет, все на работу выходят.

Ветровой. Выходят, но вы спросите, как работают? Там, где один справиться может, крутятся пятеро.

Романюк. Почему пять? Скажите — двадцать пять, будет цифра круглее. Эх, жаль, что не умею я сочинять, я бы вас, Карп Корнеевич, так показал!.. Ух! В самую что ни на есть комедию всунул...

Батура. Простите, так вот почему у вас трудодней много, а колхоз, как вы говорите, попал в неприятную фазу?

Романюк. Вы видели, какое у нас теперь сложное хозяйство? Это вам не пшеничку сеять. Столько культур, и какие! У нас даже кунжут растет.

Батура. Что это — кунжут?

Романюк. О, слышали? Даже товарищ писатель, великой культуры человек, и то не знает, что такое кунжут. А вы требуете, чтобы в моей голове все вмещалось. (Батуре.) Кунжут — культура пропащная, около нее хорошо работать нужно, а дает она ценное семя, которое идет в кондитерские изделия, халву из него делают, а в медицине всякие мази для женщин.

Батура. Благодарю вас.

Романюк. Пожалуйста.

Батура. И все-таки мне не ясно, в чем ваши трудности. Село большое, людей много...

Ковшик. Вакуленко, не спи.

Вакуленко. Правильно... А?

Романюк. Об этом долго рассказывать. Я вам дома подробно...

Ветровой. Дело простое. Вы видели, две молодухи везли бочку воды для трактористов?.. Каждая из них может выпить после обеда такую бочку, а за эту работу получают трудодни полностью. В этом корень.

Крылатая. Введите такие нормы, как в нашем звене, тогда не только сорняков не будет на полях, а урожай устроим.

Романюк. У вас же самые высокие нормы. Вы знаете, Сергей Павлович, таких звеньев во всем районе мало. Разве я могу всех равнять по ним? И на заводах есть передовые и есть отсталые. Правда?

Батура. Правда.

Романюк. Вы человек культурный, скажите, могу я в такую хвантазию входить?

Батура. А вы среднее возьмите.

Крылатая (*Батуре*). Простите, но в этом вы не понимаете... Нужно всем дать нашу норму, а мы свою завра удвоим. Такое среднее дайте.

Романюк. Как удвоите?

Крылатая. Василиса нашла способ. Увидите.

Романюк. Не могут все так работать, как вы.

Крылатая. А почему у Дубковецкого, Посмитного все могут? Разве наши люди не такие же, разве наша земля не такая, разве у нашего председателя нет головы?.. Кажется, есть.

Романюк. Что вы мне всё Дубковецкого и Посмитного под нос тычете? У меня от них уже насморк хронический. Я девятнадцать лет председательствую. (*Батуре*.) Если уж записываете, то для точности пишите двадцать. В этом году юбилей. Разве я не хочу таким быть, как Дубковецкий, и во всех центральных президиумах сидеть, и с членами правительства на портретах сниматься? Не могу я каждому колхознику вложить в голову свой мозг. Не доросли наши.

Ветровой. Это верно, чтобы вложить, нужно самому много иметь, а что у вас есть? Дальше своего района нос не показываете, а люди ездят учиться, перенимают опыт.

Романюк. У меня нет времени на экскурсии ездить. Вы лучше скажите, почему из нашего села четверо на агрономов выучились, а где они? Двое в области бумаги

переписывают, а двое в столице пристроились. Почему нет такого указа — выучился, возвращайся в свое село и отработай хотя бы пять лет за пампушки, какими тебя здесь кормили?

Ветровой. Напишите об этом, Сергей Павлович. Это правда.

Романюк. Не на кого опереться...

Ковшик. А зачем ты Карпа Корнеевича сплавил рыбку ловить, а на его место Вакуленко взял?

Вакуленко (*проснулся*). Верно, справедливо... А?

Романюк. Двух председателей в колхозе быть не может. Люди избрали меня.

Ветровой. Давайте ближе к делу. Когда собрание созываете?

Романюк. Собрания не будет.

Ковшик. Как? Весной ты не созывал, потому что сев...

Романюк. После уборки. Теперь не время демократию разводить. Сегодня объявлю — каждого, кто к первому обработает гектар пропашных, премирую поросянком.

Вакуленко. Вот это мысль! Все прополют, и беды знать не будем.

Ковшик. Из своего сарая?

Романюк. С фермы, а из осеннего опороса пополним.

Ковшик. А кто же разрешит?

Романюк. Я хозяин. Я отвечаю за урожай, спрашивать никого не буду.

Ковшик. Не заносись, Иван. Ферму разрушишь, и урожая не будет.

Романюк. Будет, как я говорю.

Крылатая. Нет, не будет!

Романюк. А я говорю — будет!

Крылатая. Сейчас приедет секретарь райкома. Я уверена, он нас поддержит. Нужно людей поднять, а не раздавать поросят, потакать лодырям.

Наталия Ковшик уходит в дом.

Ветровой. Я поеду в обком. (*Встал.*)

Романюк. Чего?

Ветровой. Расскажу, как мы перед вами кланяемся, уговариваем, как нас в районе все мирят, и попрошу

разрешения устроить вам, Иван Петрович, юбилей, чтобы вас поблагодарили и попросились с вами.

Романюк (*Батуре*). Видели, Сергей Павлович, какую я помощь имею от бюро нашей партийной организации? Запишите в точности, чтобы все прочитали. Я работаю, день и ночь работаю... Все люди довольны, а им все мало, мало и мало...

Ветровой. Нам всегда будет мало, на то мы коммунисты.

Романюк. А разве я не состою в партии?

Ветровой. Состоите.

Романюк. Так кто же я такой?

Ветровой. Состоящий в партии.

Романюк. Выходит, и я коммунист.

Ветровой. Как раз и не выходит.

Романюк. Как не выходит? Отвечай мне, в какой я партии состою?

Ветровой. Вы состоите в Коммунистической партии, но вы не настоящий коммунист.

Романюк. А какой же, по-твоему, настоящий коммунист?

Ветровой (*спокойно*). Тот, кто навсегда в своей душе распрощался с мужиком...

Романюк. А чего мне с ним прощаться, что я — из графов?

Ветровой. Кто борется за то, чтобы у нас культура труда и культура жизни не отличалась от промышленных рабочих и от интеллигенции...

Романюк. Ну, что ты плетешь? Да в такую хвантиазу даже писатели не залетают. Правда, Сергей Павлович?

Ветровой (*резко*). Десятки колхозов уже так живут. Раз они могут, выходит — все могут.

Романюк (*Батуре*). Сейчас снова начнет говорить о Дубковецком, Посмитном... Вот увидите...

Ветровой. Буду каждый день, каждую минуту, потому что им и нам государство дает лучшие машины, потому что им и нам служит передовая наука, потому что для них и для нас один ЦК и одни указания партии, одна программа, которую они выполняют, а мы ковыляем, как старые клячи. На крейсере сидим, а веслами гребем. Да разве так можно?

Романюк. Тише едешь, дальше будешь. Пойдемте, Сергей Павлович, пока секретарь райкома придет, я вам дунжут покажу. Интересное растение.

Крылатая. Подожди, в другой раз покажешь...

Вбегает Пурхавка.

Пурхавка. Секретарь райкома приехал...

Крылатая. Пошли. Начнем собрание.

Все выходят. Входит Крым, в руках у него чемодан и зонтик. За ним идет Ага Шук а. Она одета претенциозно. На руках большие браслеты, на пальцах кольца, на шее несколько ниток бус, в ушах большие серьги, на голове высокая шляпа.

Крым. Сюда, мадам. Это их цветник, а это дом. Художник здесь живет. Позвольте в дом...

Ага. Нет, нет. Я здесь приведу себя в порядок. Поставьте чемодан. *(Крым поставил чемодан.)* Мерси.

Крым. Пурле франсе, мадам?

Ага. Нет, не говорю, только читаю...

Крым. Шпик англишь, мадам?

Ага. Откуда вы иностранные языки знаете?

Крым. О мадам! Я моряк, бывший боцман со шхуны «Стрела». Я Черное и Средиземное моря знаю как свои пять пальцев. Во всех больших портах мира бывал.

Ага. Вы были во многих странах?! Какой вы счастливый — много видели.

Крым. Во всех странах, где был подходящий товар.

Ага *(вынула из кармана плаща деньги, подает)*. Пожалуйста, за ваш труд.

Крым. Что вы, не нужно!.. *(Протянул руку, берет деньги.)* Не нужно... Я смотрю на вас, мадам, и вспоминаю испанский порт Кадикс. Только там я встречал таких женщин, как вы. Клянусь головой акулы.

Ага. Неужели я похожа на испанку?

Крым. Как шхуна на крейсер, мадам... В вас есть что-то такое... *(Поднял одну руку вверх, а другую протянул вперед, напевает.)* Тру-ля-ля, тру-ля-ля, тру-ля-ля, тру-ля-ля...

Ага. Спасибо за комплимент. Будьте здоровы.

Крым. Адью, мадам. Три румба правый борт. *(Уходит напевая.)* Тру-ля-ля, тру-ля-ля, тру-ля-ля, тру-ля-ля...

Ага садится возле столика, снимает туфель, вытряхивает песок.

Из дому выходит Наталия Ковшик.

А г а. У вас такой песок...

К о в ш и к. Добрый день!

А г а. Добрый день! (*Постукивает туфлей по столу.*) Будьте любезны, подайте мне чемодан.

Наталия Ковшик ставит на столик.

Благодарю. (*Надевает туфлю.*)

К о в ш и к. Вы, верно, сестра Николая Александровича?

А г а. Да. Позовите его.

К о в ш и к. Он пошел на берег, скоро вернется. Позвольте познакомиться.

А г а. Ага Александровна Щука.

К о в ш и к. А я Наталия Никитична Ковшик.

А г а. Наталия... У меня домашняя работница Наталия и, знаете, на вас похожа. Тоже из села, малограмотная, но симпатичная, очень симпатичная.

К о в ш и к. И хорошо вам служит?

А г а. Старается.

К о в ш и к. Старается... Может, в дом зайдете?

А г а. Нет, я здесь подожду Колю. Так душно. Можно у вас воды попросить?

К о в ш и к. А может, молока холодного?

А г а. Нет, нет. Молоко мне категорически запретил мой врач.

К о в ш и к. Вам воды принесет моя дочь, а меня простите — я должна идти.

А г а. Пожалуйста.

Ковшик уходит. Ага достала из чемодана большую сумку, раскрыла, поставила зеркало на чемодан и начала пудриться, красить губы и поправлять прическу. Из дому выходит Василиса, в руке у нее на блюдечке стакан с водой. Она остановилась, удивленно смотрит на Агу, которая, не замечая ее, выкручивается перед зеркалом. Когда Ага закончила туалет, Василиса подходит.

В а с и л и с а. Здравствуйте.

Ага кизнула головой, смотрит на нее.

Прошу вас. (*Подает воду.*)

А г а. Спасибо. (*Пьет, рассматривая Василису.*) Садись, милочка...

В а с и л и с а. Мое имя не Милочка, а Василиса, а отчество Дмитриевна. (*Садится.*)

А г а. Так это вы Василиса?

В а с и л и с а. Я Василиса, а что?

А г а. Ничего...

В а с и л и с а. А вы Агá...

А г а. Я не Агá, а Ага... Ага Александровна.

В а с и л и с а. Как вам ехалось?

А г а. Очень плохо. Представляешь, моя милочка...

В а с и л и с а. Василиса.

А г а. Василиса.

В а с и л и с а. Дмитриевна.

А г а. Дмитриевна... Международного вагона на этой линии нет, только мягкий. В купе напротив меня сидел какой-то неприятный тип, все время смотрел на меня и икал. Я так разнервничалась... *(Взяла стакан, сделала глоток и икнула. Василиса улыбнулась.)* Простите, это у меня от волнения.

В а с и л и с а. Может, и он был взволнован?

А г а. Нет! Просто некультурный хам.

В а с и л и с а. Может быть, перекусите, пока придет Николай Александрович?

А г а. В это время я не ем. Мой врач категорически запретил.

В а с и л и с а. По вас не видно, что вы больны.

А г а. Ах, моя милочка...

В а с и л и с а. Василиса.

А г а. Демьяновна.

В а с и л и с а. Дмитриевна.

А г а. Дмитриевна... У меня очень плохое состояние здоровья. Мой муж, Кондрат Варфоломеевич, созвал выдающихся профессоров, но наша медицина еще так бессильна, так бессильна...

В а с и л и с а. Разве?

А г а. Факт! Ничего у меня не нашли, а я очень больна. *(Взяла стакан, посмотрели на Василису и поставила стакан на стол.)*

В а с и л и с а. У нас отдохнете. Село наше, как сад, а речка...

А г а. Я люблю село, очень люблю. Я ведь родилась на селе, но это было так давно, так давно...

В а с и л и с а. Неужели вам так много лет?

А г а. Годы здесь ни при чем. Культурный человек, когда чтонибудь приятное вспоминает, всегда говорит: «Это было так давно», чтобы подчеркнуть настроение.

В а с и л и с а. Агá...

А г а. Не Агá, а Ага.

В а с и л и с а. Простите, я помню... Ага Александровна, поживите у нас.

А г а. К сожалению, не могу. Мой врач требует, чтобы я жила в это время месяц в Сочи, а потом месяц в Кисловодске.

В а с и л и с а. Два месяца на курорте?

А г а. Два месяца. Это так утомляет! Кондрат Варфоломеевич просто не узнает меня после курорта. Я возвращаюсь такая изнуренная, такая изнуренная... (*Выпила воды и снова икнула.*) Этот хам в вагоне меня просто заразил каким-то икальным вирусом.

В а с и л и с а. А может, вы что-нибудь съели?

А г а. Ничего особенного. Что я съела?.. Котлетку, бутерброд с икрой, два бутерброда с ветчиной и цыпленка... Я на строгой диете.

В а с и л и с а. Видно по вас.

А г а. Что видно?

В а с и л и с а. Что вы очень утомлены.

А г а. Да, утомлена. В Сочи отдохну. Забираю Колю и прямо в Сочи.

В а с и л и с а. И Николай Александрович...

А г а. Да. Коле нечего терять здесь время. Он портретист. Кого он здесь будет рисовать? Ну, сами скажите.

В а с и л и с а. Разве у нас нет людей? Разве нельзя их хорошо нарисовать?

А г а. Люди везде есть, а в Сочи в это время отдыхают известные генералы, народные артисты. А для художника главное не то, как рисуешь,— это формализм, а то, кого рисуешь,— это реализм. Это вопрос очень серьезный. Он к ответственной выставке готовится. Понимаете?

В а с и л и с а. А если Николай Александрович не поедет с вами?

А г а. Поедет. У него есть обязательства интимного порядка. В Сочи его ждет Людмила Аполлоновна, дочь нашего приятеля. Он начал ее портрет, но не закончил. Только между нами — она безумно любит его.

В а с и л и с а. А он?

А г а. Ужасно!.. Это будет блестящая пара: талантливый художник и необыкновенная балерина. Свадьбу

отложили на осень — теперь в городе никого нет, все на дачах...

Входит В е р б а.

В е р б а. Кого я вижу! Моя сестричка дорогая...

А г а. Ну, как ты здесь живешь, мой мальчик? *(Обнимает его, целует.)*

В е р б а. Хорошо. А как ты, моя щучка?

А г а. Благодарю. Я тебе письмо от Людочки привезла...

В е р б а. Из Сочи прислала?

А г а. Она там так скучает!..

В е р б а *(улыбнулся)*. Скучает... Бедная, вероятно, еще не успела...

Василиса уходит.

В е р б а. Василиса... Василиса!..

Василиса не обернулась.

Что случилось?

А г а. Не знаю.

В е р б а. Василиса! *(Быстро пошел за ней.)*

А г а. Коля, Коля! *(Села, потом встала, осмотрелась, вынула из чемодана огромный бутерброд, ест.)*

Вбегает В е р б а, стал перед ней.

Хочешь бутербродик, мой мальчик?

В е р б а. Что ты ей сказала? Прекрати жевать!.. Отвечай!

Входит Наталия Ковшик, стала, смотрит. Ее не замечают.

А г а. Успокойся. Я сказала, что мы едем в Сочи, что тебя ждет Людочка... Она, кроме письма, четыре телеграммы прислала. Вот они... *(Открывает чемодан.)*

В е р б а *(взмахнул рукой, полетел чемодан, из него высыпались вещи, среди которых кольцо колбасы, две жареные курицы)*. Вон отсюда, вон сейчас же, не то я тебя утоплю в болоте! Слышишь, утоплю в болоте... *(Ушел.)*

Ага всхлипывает. Подходит Наталия Ковшик.

К о в ш и к. Не плачьте.

А г а. Утопить хочет...

К о в ш и к. Не волнуйтесь, не утопит. У нас нет

болота, а в реке не позволим,— там вода чистая, скотина пьет... (*Сложила руки на груди.*) Собирайте чемодан и идите за мной.

Ага, плача, подошла к чемодану, собирает вещи. Наталия Ковшик, улыбаясь, смотрит на нее.

Занавес.

КАРТИНА ВТОРАЯ

Декорация та же, что и в предыдущей картине. Утро. Возле столика сидит Верб а. Он посмотрел на часы, встал. Входит Б а т у р а.

В е р б а. Прости, Сергей, что я так рано послал за тобой. У меня большие неприятности. Я на краю пропасти...

Б а т у р а. Мы, кажется, еще не поздоровались? Доброе утро, Николай Александрович.

В е р б а. Утро доброе, а дела мои — как темная ночь...

Б а т у р а. Нельзя ли без романтических фраз? Они для меня, как муха в кофе, а я еще не завтракал.

В е р б а. Не шути, Сергей. Здесь дело моей чести.

Б а т у р а. Пропал завтрак! Что ж, я к вашим услугам. Готов быть секундантом.

В е р б а. Сергей!... (*Пауза.*) Помоги или уходи.

Б а т у р а. Прости, друг... Что с тобой? Говори.

В е р б а. Приплыла!..

Б а т у р а. Кто?

В е р б а. Шука...

Б а т у р а. А... Ага Александровна. Вслед за телеграммой появилась. Какая энергия! Милая дама. Ну и послал тебе бог сестричку! Одна или с балериной?

В е р б а. Одна.

Б а т у р а. Тогда полбеда. Поручи мне, старому спиннингисту. Я ее так подсеку, что она сегодня же очутится в вагоне.

В е р б а. Сегодня она уезжает.

Б а т у р а. Так, так... Уже состоялась лирическая беседа между братцем и сестрицей?

В е р б а. Да.

Б а т у р а. Выходит, все в порядке.

В е р б а. Она такое обо мне наговорила, что Василиса перестала со мной разговаривать и даже...

Б а т у р а. Что?

В е р б а. Попросила оставить их дом. Ну, что мне делать? В прошлом году вдову на добрый центнер мне сватала, а весной балерину на меня натравила. И я, дурак, не разобрался, начал ее писать...

Б а т у р а. Скромную, тихую, талантливую Людочку. Кажется, так ты говорил?

В е р б а. Идиот!

Б а т у р а. Благодарю.

В е р б а. Не ты, а я.

Б а т у р а. Люблю самокритику. Я тебя предупреждал — смотри, шука тигра привела.

В е р б а. Топить, топить нужно их...

Б а т у р а. Выплывет. Эта порода удивительно живучая. Я не раз думал, как могут умные работяги, достойные уважения мужчины носить на своей шее добровольно такое ярмо и даже гордиться этим...

В е р б а. Василиса сказала при матери: «Очень прошу вас оставить наш дом».

Б а т у р а. Добрая душа у нее. Я бы твои вещи еще вчера выбросил на улицу.

В е р б а. Что?

Б а т у р а. Получил телеграмму? Нужно было поехать на вокзал, нанять двух сильных парней, приветствовать ее, а потом «вместе взяли» и через окно в вагон.

В е р б а. Дурак!

Б а т у р а. Кто?

В е р б а. Я.

Б а т у р а. Трудно возразить.

В е р б а. Придется вещи перенести к тебе.

Б а т у р а. Не следи. Я верю в Василису. Она умная, любит тебя и поймет. Ну, подними голову... У меня куда худшие дела... (Пауза.) Оставляю Калиновую Рошу.

В е р б а. Как?

Б а т у р а. Так, решил. Нужно.

В е р б а. У тебя такие широкие планы были. Хотел написать роман...

Б а т у р а. Роман я напишу, непременно напишу, но, чтобы не стать героем собственного произведения, да

еще в слишком неприглядном свете, я должен как можно скорее отсюда уехать.

В е р б а. Понимаю. Бежишь от того, что искал годы... (*Батура молчит.*) А если ты больше не встретишь?..

Б а т у р а. И все-таки не могу я вырвать из своей души чувства дружбы, солдатской дружбы, которое согрело мое слово... Я написал о нем книгу, в нее поверили. Сколько писем я получил! Сколько молодых читателей хотят быть такими, как мой моряк!.. Если же я изменю этой дружбе, кто знает, не упадет ли мое слово, как этот пожелтевший лист... (*Поднял лист.*) Думаю, что так и будет... (*Встал, прошелся, смотрит на лист, выпустил из рук.*)

В е р б а. А если она его не любит?

Б а т у р а. Любит, но еще не осознала до конца свою любовь.

В е р б а. Разве так бывает?

Б а т у р а. Бывает любовь с первого взгляда, она вспыхивает, как искра, и часто скоро гаснет. Но есть более сложный путь, когда человек осознает любовь через мучительные сомнения, идет не прямой дорогой, и такая любовь высекает пламя... Я случайно попал на их дорогу... Надо сойти...

В е р б а (*подходит к нему*). Сергей!.. (*Протянул ему руку.*)

Б а т у р а (*крепко пожал его руку*). Пойдем ко мне, Николай.

Верба и Батура идут, навстречу им выходит Кандыба, у него в руках тетрадь.

К а н д ы б а. Какой счастливый случай!

Б а т у р а. Необычайный.

К а н д ы б а. Доброе утро.

Б а т у р а. Доброе утро.

К а н д ы б а. Никак не думал, что здесь вас встречу, глубокоуважаемый Сергей Павлович. Какой счастливый случай!

Б а т у р а. Иди, Николай, я сейчас догоню тебя.

Верба уходит.

К а н д ы б а. Я сегодня солнце встречал над рекой. Представьте — туман, словно гигантские крылья...

Б а т у р а (*перебивает*). Давайте. (*Протянул руку.*)

К а н д ы б а. Позвольте прочитать...

Б а т у р а. Давайте. Я вам двадцатый раз говорю — на слух не воспринимаю стихи.

К а н д ы б а. Прошу. (*Подает.*) Когда разрешите прийти к вам?

Б а т у р а. Когда представится «счастливый случай». А он к вам приходит часто... (*Улыбнулся, молча перелистывает тетрадь.*) Опять то же...

К а н д ы б а. Плохо?..

Б а т у р а. Нет, но приблизительно... Послушайте, Мартын Гаврилович, у вас огромная энергия, а вы ее даром тратите.

К а н д ы б а. Позвольте вопрос — почему?

Б а т у р а. Не будете вы поэтом. Стихи пишут все, а настоящих поэтов не так много.

К а н д ы б а. Вы советуете мне бросить писать? Ваш холодный приговор осуждает меня на смерть.

Б а т у р а. Наоборот, я хочу, чтобы вы писали, ведь вас все равно ничто не остановит. Даже если бы вам руки и ноги связали, вы будете носом писать. Правда?

К а н д ы б а. Святая правда.

Б а т у р а. Дайте мне слово, что выполните мой совет и просьбу.

К а н д ы б а. Как перед родным отцом и матерью...

Б а т у р а. Верю, верю. Слушайте внимательно. У вас в селе есть один необычайной красоты человек, душевной красоты. И вы его очень хорошо знаете.

К а н д ы б а. Кто?

Б а т у р а. А ну, подумайте.

К а н д ы б а. Убейте, не вспомню.

Б а т у р а. Живите. Я помогу вам, — Наталия Никитична Ковшик.

К а н д ы б а (*отступил*). Что?

Б а т у р а. Не хлопайте глазами и слушайте. Заведите себе дневник и записывайте, как она каждый день принимает людей, с чем к ней приходят и что она им отвечает. Только точно. Ничего не выдумывайте — это самое главное. Точность! Можете это сделать?

Пауза.

К а н д ы б а. Так это же ерунда!

Б а т у р а. Ваши стихи, простите, ерунда, а это — чистое золото. Каждый месяц присылайте мне, я отредактирую ваши записки, и, гарантирую, они будут изданы с моим предисловием.

К а н д ы б а. Вы напишете предисловие?

Б а т у р а. Напишу, даю слово. Не буду скрывать, и мне вы поможете еще глубже почувствовать душу Наталии Никитичны. За это вам всегда буду благодарен. Итак, издаем дневник Мартына Кандыбы.

К а н д ы б а. Позвольте, позвольте вас обнять.

Б а т у р а. Что ж, обнимемся, коллега. (*Обнял Кандыбу, смотрит на него.*) В добрый путь, друг мой! (*Почеловал, ушел.*)

Кандыба смотрит ему вслед, потом переводит взгляд на свою тетрадь, перелистывает страницы, что-то тихо шепчет, вздыхает, прячет тетрадь в карман и уходит с гордо поднятой головой.

Входит Василиса. Она в костюме, на груди орден Ленина, с ней ее подруги по звену — Екатерина Крылатая, Ольга Косарь, Оксана Давыдюк, Пелагея Грудченко, Варвара Пурхавка. У каждой — орден Трудового Красного Знамени. У них в руках книги и тетради.

В а с и л и с а. Садитесь, я сейчас приду. (*Ушла в дом.*)

К р ы л а т а я. И сердитая сегодня наша звеньевая!

К о с а р ь. Такой Василису я еще не видела. Как огонь.

П у р х а в к а. Почему она свою злость на мне срыгает?

Д а в ы д ю к. Потому что опять не выучила...

П у р х а в к а. Я о Мичурине хорошо ответила.

К р ы л а т а я. А о севооборотах не сказала.

П у р х а в к а. Такие вечера теперь, что мне ну никак севообороты товарища Вильямса в голову не идут.

Д а в ы д ю к. Бедная наша Пурхавка!

К о с а р ь. Может, Варвара Алексеевна, заболела?

К р ы л а т а я. Разве не видно?

Д а в ы д ю к. Какой же болезнью?

К р ы л а т а я. Той, о которой в песне поется. (*Запевает, ей подтягивают Грудченко, Давыдюк и Косарь.*)

Ніхто ж не винен, тільки я,
Тільки я, тільки я,
Що полюбила Мартина,
Мартина, Мартина.

Личко біленьке, хоч малюй,
Хоч малюй, хоч малюй,
Губки рум'яні, хоч цілуй,
Хоч цілуй, хоч цілуй.

Очі чорненькі, хоч дивись,
Хоч дивись, хоч дивись,—
Хлопець до серця, хоч тулись,
Хоч тулись, хоч тулись.

Из дому выходит Василиса.

В а с и л и с а. Звонил агроном из МТС, прочитает нам лекцию в субботу в восемь часов вечера.

П у р х а в к а. В субботу, да еще так поздно! Раньше десяти и не кончит...

К р ы л а т а я. Один вечер Кандыба без тебя на речке посидит.

В а с и л и с а. Товарищ Пурхавка, ты почему спала вчера на поле?

П у р х а в к а. У меня голова болела.

В а с и л и с а. Неделю ходишь на работе сонная. В кружке не учишься. Тебе ведь только восемнадцать лет! Может, исключим Пурхавку из звена? С нас пример берут, а какой можно с нее пример взять?

Пурхавка в слезы.

Не плачь, а скажи, почему на работе спишь?

П у р х а в к а. Это все Мартын Кандыба. Он мне в лодке до утра стихи читает... (Плачет.)

В а с и л и с а. Какие стихи?

П у р х а в к а. Про... про любовь...

Все рассмеялись.

В а с и л и с а. Стихи-то хоть хорошие?

П у р х а в к а. Чьи?

В а с и л и с а. Кандыбы.

П у р х а в к а. Плохие.

В а с и л и с а. Так зачем же слушаешь?

П у р х а в к а. Он не только свои читает, а Лермонтова и Леси Украинки...

В а с и л и с а. А... Лермонтова, Леси... Это смягчает твою вину, но...

Пурхавка (*перебивает*). Даю слово, больше не буду слушать.

Василиса. Слушай, только не до утра, а хотя бы до одиннадцати...

Пурхавка. Хорошо.

Василиса. Вы, Екатерина Ивановна, будете выступать в конце собрания?

Крылатая. Первой возьму слово.

Василиса. А вы, Ольга Анисимовна?

Косарь. И я выступлю.

Василиса. А Оксана Сергеевна?

Давыдюк. Я не умею говорить. Больше двух слов не свяжу.

Василиса. А больше и не нужно. Скажите только — этот лентяй, этот пьяница Вакуленко родственникам трудодни приписывает.

Косарь. Так можно.

Василиса. А я навалюсь на председателя. Пока не оборву ему весь чуб, не сойду с трибуны. (*Смеется.*)

Крылатая. Боюсь, после моего выступления у него и волос на голове не останется. Вот, целую тетрадь исписала. Я на цифрах покажу, как кто работает. Карпа Корнеевича надо поддержать.

Василиса. Вот бы его председателем колхоза поставить!

Грудченко. Так он ведь неженатый.

Крылатая. Ну так что?

Грудченко. Ничего, но я считаю — председатель обязательно должен быть женатый, иначе упадет дисциплина.

Крылатая. Не упадет. У него крепкий характер. А ты, Пелагея Ивановна, выступишь?

Грудченко. Если настроение будет, выступлю.

Крылатая. Какое ж тебе настроение нужно?

Грудченко. Василиса, скажи, художник надолго приехал?

Василиса. Не знаю.

Грудченко. Женат он?

Василиса. Нет, а что?

Грудченко. Сегодня встретил меня, говорит — разрешите портрет с вас нарисовать. Удивительный человек!

Крылатая. Почему? Он за тем сюда и приехал, чтобы нас рисовать.

Пурхавка. И ты согласилась?

Грудченко. Нет.

Пурхавка. Почему?

Грудченко. Я ему сказала — приходите вечером, а он говорит — вечером не могу рисовать, только утром. А какое же утром рисование, когда на работу спешишь?.. Из дому выходит Ага Щука с чемоданом и зонтиком в руках.

Крылатая. Кто это?

Василиса. Сестра художника. Вчера приехала, а сегодня уезжает.

Ага подходит.

Ага. Доброе утро.

Все. Доброе утро.

Василиса. Садитесь, Ага Александровна. Сейчас за вами подъедут.

Ага. Мерси. (*Садится, Василисе.*) А я не знала, что у вас орден, да еще и Ленина...

Василиса. Не только у меня орден. Знакомьтесь, это мои подружки по звену.

Ага. Очень приятно. Ага Александровна Щука. (*Все знакомятся. Ага смотрит — у всех на груди ордена.*) Как легко получать на селе ордена, а в городе теперь очень трудно.

Крылатая. Разве? А вы где работаете?

Ага. Я? Нигде.

Крылатая. А делаете что?

Ага. Я? Ничего. Муж мой работает.

Крылатая. У вас, верно, маленькие дети?

Ага. Нет. У меня нет детей.

Крылатая. Нет? А позвольте спросить, что же вы — лежите целый день или как?

Ага. Наоборот, я очень много хожу.

Крылатая. Не пойму...

Ага. Работает мой муж. Он хорошо зарабатывает. Что здесь непонятного?

Крылатая. А у нас, простите, тех, кто совсем не хочет работать, вызывают на общее собрание и, если они не каются, вон из села выгоняют, чтобы не портили колхозную семью.

А г а. И власти разрешают такое самоуправство?

В а с и л и с а. Представьте себе, даже идут нам навстречу.

А г а. У нас такого не может быть. Никто не разрешит.

В а с и л и с а. Попросят, так разрешат. Да и время выручать бедных батраков, что работают на таких, как вы.

А г а. Что?

К р ы л а т а я. Кто не работает — не должен есть.

Слышно — подъехала подвода.

В а с и л и с а. За вами приехали. Может, вам помочь?

А г а. Нет, нет, благодарю.

Слышна песня: «Тру-ля-ля, тру-ля ля, тру-ля-ля, тру-ля-ля». Входит
К р ы м.

К р ы м. Случайно узнал, что вы, мадам, отдаете концы.

А г а. Что такое?

К р ы м. Отчаливаете на вокзал. Позвольте помочь вам?..

А г а. Возьмите чемодан.

К р ы м. Как жаль, мадам, что вы так скоро отчаливаете. Я бы вам показал наши воды, посадил бы вас в мою гондолу и в камыши повез... Какая там красота!..

А г а. Но-но, меня не интересует ваш камыш... Отнесите вещи.

К р ы м. Есть. *(Берет чемодан и зонтик.)*

Входит В е р б а.

А г а. Я так и знала, что ты придешь.

В е р б а *(подошел к Василисе)*. Василиса Дмитриевна, можно вас попросить на несколько минут?

В а с и л и с а. Нет. Сейчас не могу.

В е р б а. А позже?

В а с и л и с а. И позже не смогу.

А г а *(улыбнулась)*. Николай, может ты меня хоть до подводы проводишь?

В е р б а. Только в могилу. *(Ушел в дом.)*

А г а. Что такое?

К р ы м. Мадам, они высказались, как моряк — коротко и точно. Советую вам поскорей отчаливать, будет шторм.

А г а. Хам!..

В а с и л и с а. Будьте здоровы.

А г а. Прощайте.

К р ы м. Попутный ветер, мадам!

Ага уходит. За ней Крым, он раскрывает зонтик, несет чемодан и старается зонтик держать над головой Аги.
Из дому выходит Наталия Ковшик.

К о в ш и к (*издали*). Василиса!

В а с и л и с а. Сейчас, мама. (*Подругам.*) До вечера.

В с е. До вечера.

Девушки уходят. Василиса подошла к матери.

К о в ш и к (*обняла ее*). Я хотела тебе сказать...

В а с и л и с а. Что, мама?

К о в ш и к. Он вещи складывает...

В а с и л и с а. И хорошо делает.

К о в ш и к. Просит, чтобы ты разрешила ему дорисовать.

В а с и л и с а. Нет, этого не будет. Не будет! Пусть дорисовывает свою артистку, а мы обойдемся...

К о в ш и к. Не расстраивайся. Я ведь тебя не уговариваю...

В а с и л и с а. Я не расстраиваюсь.

К о в ш и к. Ты вся дрожишь...

В а с и л и с а. Это от злости, а не от волнения. И как я могла поверить?.. Дура, убила бы себя!

К о в ш и к. А может, его сестрица и лишнее наговорила?..

В а с и л и с а. Она мне целую ночь рассказывала. Даже фотографию показала.

К о в ш и к. Какую?

В а с и л и с а. Говорить стыдно...

К о в ш и к. Скажи.

В а с и л и с а. Стоит он, а возле него голая артистка.

К о в ш и к. Голая?

В а с и л и с а. Вот такая только (*показывает*) юбочка на ней — и все. Артистка ему руку на плечо положила, улыбаются оба и смотрят на ее большой портрет, а на портрете она еще и ногу подняла.

К о в ш и к. А может, она кого-нибудь изображает?

В а с и л и с а. Голая? Изображает, только не кого-нибудь, а просто...

К о в ш и к. И все-таки попрощаться нужно.

В а с и л и с а. Мама, я не могу с ним говорить... Не могу...

К о в ш и к. Не говори, так хотя бы руку подай, а то выйдет, что ты...

В а с и л и с а. Неужели вы не понимаете?

К о в ш и к. Понимаю, дочка, и хорошо понимаю, а ты держись. Вот он идет...

Из дому выходит В е р б а, в руках у него чемодан, кисти, ящик с красками, на спине подрамники, холсты. Он подошел ближе, выпрямился, и все полетело с его спины.

Подождите, я вам помогу.

В е р б а. Ничего, не беспокойтесь, я сам... *(Собирает вещи.)* Я хочу несколько слов вам, Василиса Дмитриевна, и вам, Наталия Никитична, сказать... если разрешите...

К о в ш и к. А чего ж, говорите, только лучше сядем. Садитесь.

Ковшик села, напротив нее сел Верба.

Садись, Василиса.

В а с и л и с а. Я отсюда услышу. *(Села на пенек.)*

В е р б а. Я хочу сказать вам... дело в том...

Пауза.

К о в ш и к. В чем?

В е р б а. Дело в том, что я от вас никуда не поеду. Я остаюсь здесь навсегда.

В а с и л и с а. Как?

В е р б а. Простите, я не так выразился. Я остаюсь в вашем селе.

К о в ш и к. А что вы думаете делать у нас?

В е р б а. Писать портреты.

К о в ш и к. Чьи?

В е р б а. Звеньевых и бригадиров, трактористов и комбайнеров, агрономов и учителей... Покажу новые обычаи и новый быт колхозного села. Буду не только портреты писать...

К о в ш и к. И всю жизнь хотите рисовать колхозников? Не надоест вам?

В е р б а. Вы удивлены? Позвольте объяснить. Художники мира создали тысячи портретов — и знаете, кого они рисовали, кому отдавали свой талант?

К о в ш и к. Нет. Скажите.

В е р б а. Не тем, кто кормил и кормит всех, не тем, кто строил и строит города и все памятники культуры, а тем, кто угнетал крестьян и рабочих. Только великие художники России первые пришли к народу — Суриков, Репин, Крамской, украинцы — Шевченко, потом Пимоненко...

К о в ш и к. Я видела картину, называется «Бурлаки». Чья это картина?

В е р б а. Репина.

К о в ш и к. Хорошая. Видно, хорошо знал их. Как живые на картине.

В е р б а. Мне стыдно признаться, но наши классики глубже и больше знали то, о чем они писали, нежели мы. Глубже знали жизнь.

К о в ш и к. А разве вам кто мешает так знать жизнь, как они?

Пауза.

В е р б а. Мешаем сами себе. Тратим время на всякие мелочи. Поэтому я решил глубоко изучить тех, кто при помощи труда собирает солнечную энергию, — колхозному крестьянству хочу отдать свои способности.

К о в ш и к. Это потому у вас моя Василиса такой солнечной вышла на портрете...

В е р б а. Вы заметили?

К о в ш и к. А как же!

В е р б а. Вы даже не представляете себе, Наталия Никитична, какую радость вы мне...

К о в ш и к. Э, да вы совсем разволновались!

В е р б а. Нет, нет... Я сейчас пойду... Единственная просьба у меня... (*Василисе.*) Разрешите, Василиса Дмитриевна, закончить ваш портрет.

Василиса молчит.

К о в ш и к. Я думаю, Василиса не откажет. Сейчас, дочка, дело не в тебе. Широкое и доброе намерение у Николая Александровича... Как, Василиса?

В е р б а. Ну, хотя бы два дня — и я закончу.

В а с и л и с а. Приходите завтра.

В е р б а. Спасибо. *(Начинает собирать вещи.)*

К о в ш и к. А чего им носиться с холстами, красками?.. Пусть уж доживут у нас, а как закончат рисовать, тогда выедут. Как, Василиса?

Василиса встала, посмотрела на мать, на Вербу и быстро ушла в дом. Верба растерянно смотрит ей вслед, потом на Наталию
Ковшик.

И чего вы смотрите на меня? *(Встала)* Вот уж эта мне интеллигенция!.. *(Схватила чемодан, подрамник.)* Идите к ней...

З а н а в е с.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Декорация та же, что и в первом действии, только весну сменило лето. Под калиной стоит кровать, на ней лежит Романюк. Возле кровати столик, на котором бутылочка с лекарством и стакан. На траве сидит Надежда. Она вышивает. Входит с удочками и ведерком в руках Батура. Надежда свернула полотно и отложила в сторону.

Надежда. Клевало?

Батура. Здорово!

Надежда. Тише. *(Показывает на отца)* Только что заснул...

Батура. Простите... *(Поставил удочки и ведерко возле дома, подходит к Надежде.)* Врач был?

Надежда. Был.

Батура. Что сказал?

Надежда. Легче, но несколько дней нужно полежать. Мне приказал никого не пускать к отцу, чтобы не волновался.

Батура. На всю жизнь запомнит собрание...

Надежда. Жаль мне отца, но сам виноват.

Батура. Я впервые был на колхозном собрании.

Надежда. И как вам?

Батура. Если бы писатели хоть наполовину так говорили правду друг другу, как бы выиграли от этого читатели!..

Надежда. А разве у вас не любят критику?

Б а т у р а. Больше клянутся, что любят.

На де ж да. И вы тоже?

Б а т у р а (*кашлянул*). К сожалению, в меру сил не отстаю от коллег... Что это? (*Показывает на полотно.*)

На де ж да. Посмотрите.

Б а т у р а (*развернул*). О, какая будет сорочка! Красиво. Не знал, что вы такая художница.

На де ж да. Нравится вам?

Б а т у р а. Очень. Тонкая работа. Кому это вы?

На де ж да. Скажу через два дня; только закончу, и узнаете.

Б а т у р а. Через два дня...

Пауза.

На де ж да. Что вы так грустно смотрите?

Б а т у р а. Вам показалось.

На де ж да. Ну, хорошо, скажу сейчас, хотя знаю — вы назовете меня провинциалкой. Сорочку я вам вышиваю.

Б а т у р а. Спасибо... от всего сердца. (*Взял ее руку.*) Милая, славная Надя...

На де ж да (*тихо*). Сергей...

Смотрят друг другу в глаза.

Б а т у р а (*взволнованно*). Надежда, кажется, отец проснулся. (*Встал.*) Надежда Ивановна...

Пауза.

На де ж да. Что?..

Б а т у р а. Поверьте, мне нелегко, но я должен сказать вам правду...

На де ж да. Правду... Не надо... Я поняла... Ничего не говорите.

Б а т у р а. Выслушайте. Вас увлек образ моей книги. Для вас я — это моряк Горовой, мое сердце — это его большое сердце, моя душа — это его большой внутренний свет, который зажег вас тогда, когда вы меня еще не знали. А настоящей любви вы не видите. Она около вас, ждет вас, и этот человек больше, чем я, и больше, чем образ моей книги.

На де ж да. Вы снова о Карпе?

Б а т у р а. Да... О моем друге.

На де ж да. Чем же он заслужил такую дружбу?

Б а т у р а. Я об этом написал.

На де ж да. Где?

Б а т у р а. В книге.

На де ж да. Карп... Это правда?

Б а т у р а. Правда, Надежда... Матрос Горовой — это Карп.

Надежда уходит в сад

(Тихо.) Друг мой... друг... (Сел, закрыл лицо рукой.)

Пауза. Входит Ветровой.

В е т р о в о й (издали). Сергей Павлович!

Батура не отвечает. Ветровой подошел, поднял сорочку, смотрит на нее.

Б а т у р а. Что, Карп?

В е т р о в о й. Задремал?

Б а т у р а. Да.

В е т р о в о й. Как красиво вышила! Серега... Серега, что с тобой, дружище?

Б а т у р а. Ничего. Плохо себя чувствую.

В е т р о в о й. Вот беда! Может, врача вызвать?

Б а т у р а. Мне нужно ехать в Киев.

В е т р о в о й. Неужели так плохо?

Б а т у р а. Я должен немедленно лечь в больницу. У меня открылась рана. Я поеду сегодня же.

В е т р о в о й. Что ты говоришь? Открылась...

Б а т у р а. Ничего, друг мой. Вылечусь. Только нужно как можно скорее ехать.

В е т р о в о й. А успеешь ли на поезд? (Смотрит на часы.) Успеешь, если за час соберешься.

Б а т у р а. Вызови мне подводу. Только о ране не говори никому. Заболел — и все.

В е т р о в о й. Понимаю. Пойдем в дом, я позвоню в контору... Эх, Серега, Серега... (Обнимает Батуру за плечи и уходит с ним в дом.)

Входит Вакуленко, подошел к кровати, на которой спит Романюк, смотрит, потом, выломав ветку, машет ею над лицом Романюка. Романюк проснулся, смотрит на Вакуленко, тот машет веткой.

Р о м а н ю к. Кто это?

В а к у л е н к о. Ваш бывший заместитель,

Романюк. Ты что, взбесился? Что ты меня по носу хлещешь?

Вакуленко. Очень мухи вас обсели — сгоняю.

Романюк. Иди ты ко всем чертям! Что я тебе, мертвец? *(Спрыгнул с кровати, схватил Вакуленко за грудь.)*

Вакуленко. Не волнуйтесь. Ой, пустите...

Романюк. Я из тебя мертвеца сделаю. Вон с моих глаз! *(Толкнул, Вакуленко побежал.)* Подхалим проклятуший! *(Крикнул.)* Надя!

Из сада выходит Надежда.

Надежда. Отец, зачем ты встал? Врач же запретил.

Романюк. Да разве здесь улежишь? Только что Вакуленко принимал.

Надежда. Зачем он тебе? Мало тебя из-за него на собрании люди ругали?

Романюк. Хотел было отблагодарить его, да он удрал, вот только две пуговицы остались. Н^а, пригодятся.

Надежда *(резко)*. Ложись! Слышишь?..

Романюк. Доченька, не кричи на меня. Я и так закричанный... Весь закричанный... Правду говорю, очень твоего отца... *(Обнял ее, сел на кровать.)*

Надежда. Ничего, отец, это пройдет... Пройдет...

Романюк. Так думаешь? Нет, дочка, если глубоко до сердца дошло, не пройдет никогда... Не пройдет.. Э, да ты плачешь? Не нужно. Не бойся, твой отец не из тех, кто голову теряет... Я еще покажу, кто такой Иван Романюк! Увидишь! За эти дни, что лежал, я много передумал...

Из дому выходит Ветровой, подошел.

Ветровой. Добрый день!

Романюк. Здрав!

Ветровой. Добрый день, Надежда Ивановна.

Надежда *(долго смотрит на него)*. Добрый день, Карп...

Большая пауза.

Ветровой *(к Романюку)*. Как себя чувствуете?

Романюк. Как жених.

Ветровой. Шутите?

Романюк. Какие шутки!.. Свадьба-то была? Ты был главным шафером, а я женихом, погуляли добре...

Ветровой. А как похмелье?

Романюк. Похмелье... Эх, Карп, Карп... Если бы ты знал,—это уже третья подушка. Веришь, ночью встану, схвачу подушку в руки (*взял подушку*) — думаю, думаю и не замечаю, как подушка в руках разлазится, разлазится... Только перья по саду, как снег, летят...

Ветровой. Подождите, уже и эта разлазится. (*Взял подушку, положил.*) Сергей Павлович сейчас выезжает на вокзал и в Киев. Я позвонил, чтобы лошадей подали.

Надежда. Едет...

Романюк. Почему так внезапно?

Ветровой. Заболел. Нужно немедленно к врачам обратиться.

Романюк. Вот оно что! И когда же это случилось?

Ветровой. Говорит — сегодня.

Романюк (*Надежде*). Почему ты мне не сказала?

Надежда молчит.

Слышишь, Надя?

Надежда молчит.

Ветровой. Жаль, очень жаль! Думал, хоть до осени поживет у нас.

Надежда уходит в сад.

Романюк (*смотрит ей вслед*). Плохо дело... Карп, пойдй, голубчик, посмотри, куда пошла Надя. Между нами, я замечаю, она вроде в Сергея Павловича... Понимаешь?

Ветровой молчит.

Пойди, голубчик, поговори с ней... Успокой.

Ветровой. Может, ей лучше побыть...

Романюк. Нет, нет.. Когда у человека горе, одному тяжело. Пойди, голубчик...

Ветровой. Хорошо. (*Идет в сад.*)

Из дому выходит Батура, выносит чемодан, плащ, ставит чемодан возле крыльца, подходит к Романюку.

Б а т у р а. Дорогой Иван Петрович, очень мне неприятно, но я должен попроситься с вами.

Р о м а н ю к. Карп говорил мне. Жалко.

Б а т у р а. И очень.

Р о м а н ю к. Лечиться нужно. Здоровье — это большое дело... Как вылечиться, приезжайте...

Б а т у р а. Спасибо. Спасибо за вашу ласку, за все...

Р о м а н ю к. Ну что вы... Жаль, очень жаль... А книгу будете писать? Верно, нет... Здоровье не позволит...

Б а т у р а. Когда вылечусь, непременно напишу. У меня столько теперь материала... Много мне дала эта поездка. Я увидел то, чего нигде не вычитаешь. Ведь люди у вас очень интересные... сложные...

Р о м а н ю к. Да, хитрые, очень хитрые. Это вы правильно подметили. Лечитесь, главное — лечитесь, а писать еще будет время.

Б а т у р а. Вероятно, только зимой начну.

Р о м а н ю к. А как назовете вашу книгу?

Б а т у р а (*улыбнулся*). «В Калиновой Роще».

Р о м а н ю к. Так... Тогда я очень вас прошу — не заканчивайте вашу книгу до будущей осени.

Б а т у р а. Почему?

Р о м а н ю к. Приезжайте еще к нам. Очень вас прошу, — такой конец напишете...

Б а т у р а. Вы думаете, будут какие-нибудь изменения?

Р о м а н ю к. Будут. Категорическим путем, будут!

Б а т у р а. Постараюсь приехать. А как ваше здоровье? (*Поднял бутылочку*.) Лекарство помогает?

Р о м а н ю к (*взял бутылочку*). А ну его! (*Швырнул в сад*.) Сейчас оденусь и с вами на вокзал... А в воскресенье и я поеду. Сдам дела Ветровому...

Б а т у р а. Так... А куда?

Р о м а н ю к. Культуры набираться. Звонил секретарю вчера в райком, просился, а он говорит: «Давно пора, жаль, что раньше отказывались». А я ему: «За это меня и били, что не хотел учиться».

Б а т у р а. А он что?

Р о м а н ю к. Ответил холоднокровно, я бы сказал — очень холоднокровно: «Отсталых всегда бьют».

Б а т у р а. А вы?

Р о м а н ю к. А что я ему скажу? Помычал, помычал в телефон, как бык, с позволения сказать, вот и все.

Б а т у р а. На курсы едете?

Р о м а н ю к. Берите выше. Попросился, чтобы в академию на несколько месяцев послали учиться.

Б а т у р а. В какую академию?

Р о м а н ю к. К тому (*кашлянул*), к Дубковецкому в колхоз, поступаю в рядовые. В рядовые, даже не в сир-жанты. Вот в какую я хвазу попал!

Б а т у р а. Желаю вам успеха.

Р о м а н ю к. Спасибо.

Б а т у р а. А потом что думаете делать?

Р о м а н ю к. Помогать Карпу там, где он меня по-ставит.

Б а т у р а. А может, вас снова изберут председа-телем?

Р о м а н ю к. Нет, сейчас не изберут.

Б а т у р а. Почему?

Р о м а н ю к. Моя хваза кончилась, новая началась. Есть такой закон, читали нам в политкружке, так я тогда никак не мог понять, а теперь хотя и вспомнить не могу, как он называется, а добре его чувствую на себе. Слово такое, когда все изменяется...

Б а т у р а. Эволюция?

Р о м а н ю к. Нет, нет. Вот, например, у нас в колхозе большинству казалось, что все идет хорошо, все были очень довольны. Только передовики говорили — нет. А потом никто не заметил, как большинство перешло на сторону передовиков, и на собрании получился взрыв.

Б а т у р а. Закон диалектики?

Р о м а н ю к. Он!.. Такая диалектика у нас вышла, что все мое правление полетело вверх тормашками ко всем чертям. Ух, и сильный же это закон!.. Что вы записы-ваете?

Б а т у р а. Записываю, как Иван Петрович Романюк с диалектикой встретился.

Р о м а н ю к. Лучше бы с ней так никто не встречался. Пойдемте, я вам кое-что на дорогу хочу дать.

Романюк и Батура идут в дом. Из сада выходят Ветровой и Надежда.

Надежда. Спасибо, Карп... Спасибо за теплое слово... Садитесь...

Ветровой сад.

Ветровой. Чего вы так смотрите на меня? Что с вами?

Надежда. Ничего...

Ветровой. Я понимаю, вам тяжело... Я лучше уйду...

Надежда. Нет, нет... было... Карп... у вас опять солома в чубе. *(Вынимает.)* А знаете, Карп Корнеевич, я очень ошиблась...

Ветровой. В чем?

Надежда. Вы больше, вы сильнее, чем образ моряка, который создал Батура в своей книге.

Ветровой. Что вы, Надежда...

Надежда. Да, это правда. Карп Корнеевич, простите меня... Я...

Ветровой. Надежда... Нельзя так.

С улицы слышны голоса.

Сюда идут... Вытрите глаза... Слышите, идут... Увидят...

Надежда. Ничего. Пусть смотрят. Я никого не боюсь... Мне так хорошо... Так светло на душе... Скажи, Карп... Что-нибудь скажи...

Ветровой. Я скажу, Надя, все скажу, но не сейчас...

Входят Верба, Наталия Ковшик, Василиса.

Ковшик. Надя, что это с Сергеем Павловичем? Позвонил, говорит — едет. Это правда?

Надежда. Да...

Ветровой. Он заболел, лечиться едет.

Ковшик. Это ты, Надя, виновата, не досмотрела...

Василиса. Мама! *(Схватила ее руку. Подошла к Надежде, обняла ее.)* Надя, Николай Александрович хочет тебя с детьми нарисовать.

Верба. Не отстану от вас, соглашайтесь.

Из дому выходит Романюк. Он в шляпе, в руках у него пакет.

Ковшик. Здрав, кум!

Романюк. Здрав, кума!

Ковшик. Как твоё здоровье?

Романюк. Твоими молитвами живу.

Ковшик. Оно и видно.

Романюк. Что видно?

Ковши к. За эти дни ты похудел и, я бы сказала, помолодел.

Романю к. Правда?

Ковши к. Правда.

Романю к. И ты изменилась, кума. *(Взял ее под руку, отводит в сторону.)*

Ковши к. Изменилась?

Романю к. Да... Постарела, даже удивительно, как постарела...

Ковши к. Что же делать... Жаль... А я думала тебя, кум, сегодня вечером в гости позвать. Целый день стряпала, так старалась.

Романю к. Спасибо, приду обязательно.

Ковши к. Нет, не стоит. Скучно тебе будет у старой бабы. *(Поправляет платок, улыбается.)* Поищем кого-нибудь постарше...

Романю к. Жаль, что молодежь здесь, а то я тебе сказал бы такое...

Ковши к. А ты тихо скажи... ну?.. *(Снимает платок.)*

Романю к. Не могу же я тебя при всех назвать киевской ведьмой с Лысой горы, чертом в юбке, дочкой дьявола, свахой самого люцифера...

Ковши к. *(перебивает)*. Ой, как хорошо ты говоришь, кум...

Романю к. Не перебивай, я не кончил.

Ковши к. Приходи в гости, закончишь... Придешь?

Романю к. Приду. Категорическим путем, приду.

Входит Батура.

Ковши к. Так едете, Сергей Павлович?

Батура. Да, Наталия Никитична. Нужно...

Ковши к. Как жаль!

Батура. Лечиться надо...

Ковши к. Мой Кандыба тоже заболел. Свихнулся, бедняга. Как только я с кем-нибудь начну говорить, он все записывает. Думаю я его в Киев на исследование послать.

Батура. Не беспокойтесь, он здоров.

Слышно — подъехала подвода.

Романю к. Подвода пришла. *(Посмотрел на часы.)* Надо спешить.

Б а т у р а. Будьте здоровы, Наталия Никитична, и вы, Василиса Дмитриевна. (*Подает руку.*)

К о в ш и к и В а с и л и с а. Счастливой дороги... Приезжайте еще к нам.

Верба обнял Батуру.

В е р б а (*тихо*). Приедешь на мою свадьбу?

Б а т у р а. На свадьбу? Постараюсь... (*Подошел к Надежде.*) Прощайте, Надежда Ивановна.

Н а д е ж д а (*подала руку*). Прощайте, Сергей Павлович...

Б а т у р а. Желаю вам счастья...

Н а д е ж д а. И вам желаю... от всей души...

Б а т у р а. Спасибо... (*Ветровому.*) Будь здоров, друг мой... Не думал, что встречу тебя живым. Это для меня большое счастье...

В е т р о в о й. Серега, не надо...

Б а т у р а. Не буду. (*Обнялись, целуются.*)

Р о м а н ю к. Так книгу не будете кончать?

Б а т у р а. Нет.

Р о м а н ю к. Слово?

Б а т у р а. Слово.

Романюк обнял Батуру, целует. Батура ушел, за ним идут Романюк, Ковшик, Василиса, Верба, последним Ветровой.

Н а д е ж д а (*тихо*). Карп!..

Ветровой обернулся. К нему идет Надежда. С улицы слышны голоса: «Будьте здоровы!» — «Приезжайте еще к нам!» — «Желаем вам счастья!..»

Почему, почему не сказал мне, что ты...

В е т р о в о й. Хотел, не раз хотел, только боялся, чтобы не подумали вы, будто хочу выставиться таким, каким меня Сергей Павлович расписал. (*Опустил голову.*) Я человек простой и делал только то, что нужно было...

Н а д е ж д а. Друг мой... друг...

Ветровой поднял голову. Они смотрят друг другу в глаза.

Слышно — отъехала подвода.

З а н а в е с.

КРЫЛЬЯ

Пьеса в четырех действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Петр Александрович Ромодан.
Гордей Афанасьевич Дремлюга.
Надежда Степановна — его жена.
Федор Гаврилович Терещенко.
Татьяна Свиридовна — его жена.
Роевой.
Мария Николаевна — его жена.
Гавриил Онуфриевич Овчаренко.
Анна Андреевна Падolist.
Лида — ее дочь.
Катерина Степановна Ремез.
Ефрем Ефремович Самосад.
Иваненко.
Филипп.
Варвара Александровна Долина.
Александра Алексеевна Горицвет.
Евгений Максимович Калина.
Кирилл Захарович Вернигора.
Иван Иванович Соха.
Галя.
Марченко.
Мефодий Коровай.
Дударик.
Вишневой.
Скиба.
Качан.
Скрипка.
Ольга.
Трактористка.
Старая женщина

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Большой парк. Щедрое июльское солнце льется ручейками сквозь могучие кроны, тклет причудливые узоры меж деревьев старой липовой аллеи. В конце аллеи высокие кусты укрыли дом, и только видна черепичная крыша одноэтажной дачи.

На переднем плане, слева, выступает терраса другой дачи. У террасы — клумбы. На одной пышно расцвели красные канны, на другой — голубые дельфиниумы. А чуть дальше, под могучей липой, стоит столик, возле него — несколько плетеных стульев.

Из глубины парка слышна песня:

Ой, піду я лугом,
Лугом-долиною...

Входят Ромодан и Иваненко.

Ромодан. Верно, грибы девчата собирают.

Иваненко. Нет. Это поют на стройке.

Ромодан. А что строят?

Иваненко. Гараж для вашей машины.

Ромодан. Хорошая песня. Моя сестра ее очень любила и хорошо пела...

Песня оборвалась.

Иваненко. Вот ваша дача, Петр Александрович. (Показывает на террасу.) Маленькая она, всего три комнаты...

Ромодан. Мне и одной достаточно. Я ведь один.

Иваненко. А когда ваша семья приедет...

Ромодан. Семья... Какой красивый парк!

Иваненко. Старый. А вон в конце аллеи — дача товарища Дремлюги, а там — река.

Ромодан. Могучие липы!.. Им, вероятно, лет по сто?..

Иваненко. Может, и больше.

Ромодан подошел к старой липе, положил на столик папку и шляпу. Любуется парком. Иваненко относит чемодан в дом, возвращается.

Пожалуйста, ключ от дачи. Там все в порядке. Я утром проверял.

Ромодан (взял ключ). Спасибо.

Иваненко. Какие будут распоряжения?

Ромодан (достает деньги). Купите мне, пожалуйста, бутылку боржома и что-нибудь перекусить...

Иваненко. Там все есть — и боржом, и вино, и холодные закуски.

Ромодан. А откуда оно взялось?

Иваненко. Гордей Афанасьевич и их супруга Надежда Степановна с утра для вас все организовали... Просили меня не говорить вам, но (усмехнулся), что бы я за помощник был, если б не доложил вам?..

Ромодан. А вы давно в обкоме работаете?

Иваненко. Пятый год. С тремя секретарями работал, вы — четвертый...

Ромодан. Трех пережили...

Иваненко. Так точно!

Ромодан. И всех, как меня, сюда на дачу привозили?

Иваненко. А как же!..

Ромодан. И для них было «все организовано»?..

Иваненко. Как для вас, так и для них... Товарищ Дремлюга очень гостеприимно встречает...

Ромодан. А потом вы их вывозили?

Иваненко. А как же!..

Ромодан. Много хлопот было у вас...

Иваненко. Я привык...

Ромодан. Привыкли?

Иваненко. Так точно! Сегодня Гордей Афанасьевич так хорошо о вас говорил...

Ромодан. Кому?

Иваненко. Своей супруге. Наконец, говорит, мы дождались настоящего руководителя. Это для нас такая радость...

Ромодан. А не предупреждал он, чтобы вы мне об этом не докладывали?

Иваненко. Предупреждал, но я...

Ромодан (*перебивает*). А что будет, если узнает Гордей Афанасьевич, что вы не сдержали слова?.. Обзовет вас сплетником и болтуном.

Иваненко. Никогда!

Ромодан. Вы уверены?

Иваненко. Я знаю.

Ромодан. Тогда я вас обзову, если вы будете мне такое докладывать.

Иваненко. Виноват, Петр Александрович. Я понимаю... Я буду стараться и, если что не так, критикуйте меня... Я критику люблю.

Ромодан. Любите?

Иваненко. Так точно! Мы здесь к ней привыкли. Еще будут какие распоряжения?

Ромодан (*достал блокнот, пишет, потом подает*). Вот вам фамилия одной женщины. Варвара Александровна Долина. Это моя родственница. Она из села приехала сюда. Разыщите ее: где она живет, работает; привезите ко мне. Я буду вам очень признателен.

Иваненко (*взял бумажку*). Так это же простое дело! В адресном столе сразу скажут.

Ромодан. Ни черта не скажут! Я туда звонил.

Иваненко. Найду. Только, к сожалению, сегодня уже конец дня, а завтра воскресенье...

Ромодан. Ищите в понедельник... Ищите...

Иваненко. Хорошо. Переверну весь город, но найду. Разрешите идти?

Ромодан. Будьте здоровы!..

Иваненко уходит. Ромодан садится за столик, раскрывает папку. Из глубины парка снова тихо льется песня. Ромодан слушает, легкая улыбка появилась на его лице. Он начинает тихо напевать ту же песню:

Ой, чого ти, сестро,
Така горда стала:
Сказав тобі «здрастуй»,
«Здоров» не сказала?..

Песня обрывается, Ромодан продолжает один:

Тим я тобі, брате,
«Здоров» не сказала —
За дрібними слізьми
Тебе не впізнала...

И когда Ромодан повторяет: «За дрібними слізьми тебе не впізнала...», входит Самосад. Он в старой гимнастерке, на груди три медали. В руках лопата и ведро. Ромодан не замечает его. Самосад долго смотрит на него, потом подходит к столику, садится. Вытаскивает из кармана окарину, наигрывает ту же песню... Ромодан смотрит на него.

Самосад. Ждете?

Ромодан. Жду.

Самосад. Это хорошо. *(Снова проигрывает куплет песни.)* Кто не ждет, тот не живет... Но сегодня не пове-
зет вам.

Ромодан. Почему?

Самосад. В субботу мы не принимаем. В субботу каждый порядочный человек принимает только у себя. Заявляю авторитетно!

Ромодан. Я вижу.

Самосад. На мою дудку смотрите?..

Ромодан. Да, впервые вижу такой инструмент.

Самосад. Под Кенигсбергом, когда мы взяли охот-
ничий дворец Геринга, мне эту немецкую дудку подарил
гар... гар... гармидинер.

Ромодан. С боем дворец брали?

Самосад. Нет! Немцы драпанули, остался во
дворце только один старый гармидинер...

Ромодан. Верно!

Самосад. А вы тоже там были?

Ромодан. Был. И камердинера видел, только он ле-
жал в дым пьяный.

Самосад. Так это же мы его напоили! Хороший
дед, добре пил горилку и все кричал: «Гитлер капут!»
Одной боевой дорогой мы шли, выходит — мы боевые
друзья.

Ромодан. Выходит.

Самосад *(встал)*. Руку, товарищ боевой!..

Ромодан *(встал, подал руку)*. А вот слезы — это
уж не по-боевому.

Самосад. Где вы увидали слезы?

Ромодан. У боевого друга. *(Улыбнулся.)*

Самосад. Виноват. Вспомнил нашу солдатскую жизнь. Врач говорит, что мои нервы не совсем в порядке. А я думаю, что это у меня от шести ранений... Правда, все они удачные, так что живу и даже инвалидом себя не считаю.

Ромодан. Вот это хорошо!

Самосад. А у вас были ранения?

Ромодан. Четыре.

Самосад. Удачные?

Ромодан. Не очень, еще два осколка сидят.

Самосад. И вы хлебнули ..

Ромодан. Как и все... Сколько вам лет?

Самосад. Сорок пять, а по субботам — тридцать пять.

Ромодан. Почему?

Самосад. В субботу я бреюсь и усы ставлю на «смирно». *(Показывает.)* Э, что было, то было! Давай, друг, пивка выпьем. Угощаю.

Ромодан. Спасибо, но я жду...

Самосад *(перебивает)*. Ходить никуда не надо. Вот здесь, я сейчас... *(Подходит к липе, засовывает руку в дупло, достает бутылку пива, потом кружку, ставит на стол.)* Только никому о моем магазине!..

Ромодан. Никому!

Самосад *(открывает бутылку)*. В каких чинах служили?

Ромодан. Полковником.

Самосад. Не дослужились до генерала?..

Ромодан. Нет.

Самосад. Так и я. Рядовым пошел, рядовым и вернулся. *(Наливает.)* Пейте.

Ромодан. Ваше здоровье!

Самосад. Тяните на здоровье.

Ромодан *(пьет)*. Хорошее пиво, холодное...

Самосад. В дупле оно большое охлаждение имеет. *(Налил себе.)* От жинки прячу. Клятая баба!.. Ух!.. *(Льет.)* Вы главного хозяина дожидаетесь или временного?

Ромодан. А кто тут главный?

Самосад. Главный — это товарищ Дремлюга Гордей Афанасьевич, председатель облисполкома. Вон их дача... Моя жинка у них куховаркой служит.

Ромодан. А кто временный?

Самосад. Секретарь обкома. Это его дача. Сегодня приезжает. *(Показывает на террасу.)*

Ромодан. А почему он временный?

Самосад. Отчего-то они у нас долго не держатся. Утром мы тут порядок наводили, так Гордей Афанасьевич говорит своей супруге: «Опять секретаря нового принимаем». А она: «И этот, наверное, временный. Скоро от нас уедет...» Я человек беспартийный, но, думаю, это непо-рядок.

Ромодан. Что именно?

Самосад. Нельзя их так часто менять.

Ромодан. А если дело не идет?

Самосад. Так не надо таких выбирать. А раз выбрали, смотрите за ним гуртом, помогайте, чтоб борозду не портил. Тогда и Дремлюга — только между нами! — не будет так авторитетно носом в небо дырки проби-вать.

Ромодан. А вы что здесь делаете?

Самосад. На мне все здесь держится! И охрана дач, и цветы эти выращиваю, и мотористом на лодке... А сколько всяких авторитетных заданий от самого товарища Дремлюги и от ихней жены!.. Вот сегодня суббота. Скоро все начальство сюда съедется — так у нас заведе-но. Умри, Самосад (это я — Ефрем Ефремович Само-сад), а ведро червяков пред очи Гордея Афанасьевича поставь! А где их, у черта, взять, если они от такой жары на пять метров в землю позалазили?! Пойду еще копать, не то разнесет меня товарищ Дремлюга... Ух, и разнесет!.. *(Взял лопату и ведро.)*

Ромодан. Спасибо за пиво, Ефрем Ефремович.

Самосад. На здоровье! Смотрите. *(Показывает.)* Вон с купанья хозяйка идут, а справа — их сестра, Кате-рина. Остановились. Еще кто-то с ними. Красивая жен-щина Катерина, но будьте с нею осторожны.

Ромодан. Почему?

Самосад. В прошлую субботу, когда начальство тут гуляло, видно областной плодоовощ, товарищ Тере-щенко, то ли ей не то сказал, то ли не там ущипнул, — так она его по физиономии так отхлестала, что на весь парк звон пошел. Хорошо, что, кроме меня, никто не ви-дел, как она весь авторитет сбила областному плодо-

овошу. Сюда сворачивают. Осторожно с нею!.. Будьте здоровы!

Ромодан. Всего хорошего!

Самосад идет, весело говорит: «Весь авторитет дочиста сбила... Золотые руки...» Уходит. Ромодан берет папку, шляпу, хочет идти, но повернул голову и, пораженный, застыл. Машинально кладет на столик шляпу и папку. Входят Надежда Степановна, Катерина и Анна. Надежда и Катерина в купальных халатах.

Надежда. Добрый день, Петр Александрович! Простите, что мы в халатах, купались...

Ромодан. Добрый день.

Надежда. А мой Гордей тоже приехал?

Ромодан. Нет, у Гордея Афанасьевича заседание. Но скоро будет, звонил мне...

Надежда. Позвольте вас познакомить. Это моя сестра, Катя, а это...

Ромодан. Я...

Анна (*сухо*). Анна Андреевна Падolist. (*Подает руку.*) А ваша фамилия?

Ромодан. Ромодан, Петр Александрович. (*Смотрит на Анну. Пауза.*)

Катерина. Хотя вы и не спрашиваете меня, — Катерина Степановна Ремез.

Ромодан. Простите, Катерина Степановна. (*Подает руку.*)

Катерина. Пожалуйста. Если забудете, как мое отчество, называйте просто Катерина, а если и имя забудете, то любым, какое первое на ум придет, таким и называйте...

Ромодан. Я не забуду, у меня хорошая память...

Катерина. Но у вас столько ответственных дел. Начальство всегда путает имена знакомых... Это вещь обычная. Простите, мы сходим переоденемся, а пока Анна Андреевна расскажет вам, как я сестру тащила из воды...

Надежда. Я чуть не утонула! Заплыла далеко и никак до берега не могла добраться. Течение так несет... Если б не Катя...

Катерина. Полюбуйтесь, как сестричка меня разукрасила. (*Немного отвернула халат.*) Чуть родную сестру не задушила, лишь бы спасти свою жизнь. Да разве есть правда на свете?!

Надежда. Ну, что ты!.. Я ведь легонько. Это у тебя кожа такая, очень нежная.

Катерина. Пойдем, пойдем, дорогая сестричка. Мы сейчас вернемся. У меня к вам дело есть.

Ромодан. Пожалуйста.

Катерина и Надежда идут по аллее к своей даче. Ромодан смотрит на Анну. Большая пауза.

Анна. Давно приехал?

Ромодан. Три дня назад.

Анна. Я позавчера прочитала в газете, что тебя избрали... А ты не постарел... Столько лет прошло...

Ромодан. Как Лида?

Анна. Здорова. В этом году закончила школу на «отлично».

Ромодан. Как ты живешь, Анна?

Анна. Работаю вместе с Катериной. Она — главный хирург, а я — ординатор. Как твоё здоровье?

Ромодан. Хорошо. Когда переехала сюда?

Анна. Как только меня освободили. Ты же знал, что я здесь.

Ромодан. Знал. Я ведь писал тебе. Но когда ты переехала...

Анна. Как душно сегодня! Видно, гроза будет...

Ромодан. Мне трудно говорить... Как я рад, что вижу тебя!.. Анна, я больше не могу без тебя, без дочери...

Анна. У тебя нет дочери. Лида давно носит мою фамилию. Не стоит нам встречаться. Ни к чему. И нам и тебе лучше будет.

Ромодан. Не хочешь?

Анна. Нет!

Ромодан. А Лида?

Анна. Она забыла тебя.

Ромодан. Не верю! Это неправда!

Анна. Правды хочешь?.. Попробуй, поговори с Лидой. Она уже взрослая, своим умом живет...

Ромодан (тихо). Неужели забыла?..

Анна. Здесь никто не знает о нашем прошлом... Советую тебе молчать. Ты — секретарь обкома. Твой авторитет не тебе одному принадлежит... А люди у нас, особенно... (Посмотрела в сторону аллеи.)

Появляется Надежда Степановна.

Надежда (*издали*). Что же вы не предложите Анне Андреевне сесть? Она только сегодня с постели. Позавчера ей так плохо стало, что из больницы домой отвезли...

Ромодан (*тихо*). Позавчера...

Надежда. Да. Лечиться надо, сердечко сдает.

Анна. И к чему вы все это рассказываете, Надежда Степановна?..

Надежда. А у меня, голубка, характер такой. Я не скрываю: люблю все знать, а еще больше — рассказывать. Грешна, грешна...

Ромодан. Садитесь, пожалуйста.

Все садятся. Входит Катерина. Подошла, села возле них.

Надежда. Нравится вам этот парк?

Ромодан. Очень! Какие здесь чудесные липы!.. Аллея, как у Левитана.

Надежда. Это где? В какой области?

Катерина. Надя! Это на картине... Левитан — художник.

Надежда. А-а... На картине может быть и красивее...

Анна. Позвольте мне с вами попрощаться.

Надежда. А обед?

Анна. К сожалению, не могу. Я еще плохо чувствую себя.

Катерина. Жаль. Я к тебе завтра заеду. Поцелуй Лиду.

Анна. Приезжай, Катя. Тебе мы всегда рады. Всего хорошего...

Ромодан. Будьте здоровы...

Анна уходит.

Надежда. А вы как будто загрустили?

Ромодан. Вам показалось.

Катерина. Такая красивая женщина оставила — разве не загрустишь? Не так ли, Петр Александрович?.. (*Смеется.*)

Ромодан. Так. Вы угадали.

Катерина. А вы искренний человек. Это хорошо. Надя, ты говорила мне, что Петр Александрович молодой и очень красивый...

Надежда. Катерина! Извините, она у нас...

Ромодан. Ничего, ничего. Я люблю, когда мне правду в глаза говорят.

Катерина. В таком случае трудно вам будет здесь работать...

Ромодан. Отчего?

Катерина. У нас начальству в глаза только...

Ромодан. Что?

Катерина. Связую неправду говорят.

Надежда. Катя, что ты плетешь!..

Ромодан. От этого легко отучить.

Катерина. Легко?.. Я не встречала таких, которые не любили бы, когда им кадят.

Ромодан. Неужели?

Катерина. Правду говорю. И это не только наблюдения. Когда мне кто-нибудь в глаза лжет, я не посмотрю, кто он — никогда не смолчу. Но когда мне лицемерно кадят, всем своим существом испытываю презрение к тому, кто это делает, а остановить не могу. С вами не было такого?

Ромодан. Когда-то было, теперь — нет. Жизнь излечила меня от этой болезни.

Надежда. А я люблю, когда все хорошо, когда люди друг другу в глаза говорят только хорошие слова. В жизни и так столько всяких неприятностей! Зачем о них вспоминать?.. Это очень вредит здоровью и приводит к гипертонии...

Ромодан. Разве?..

Надежда. А почему у нас теперь так много гипертоников?

Катерина. Чаще всего — от неумеренного аппетита.

Надежда. В чей это ты огород камешки кидаешь?..

Катерина. Ты знаешь, не стоит уточнять.

Надежда. У Гордея давление от хлопот. На его плечах вся область.

Ромодан. Катерина Степановна, вы говорили, у вас есть дело ко мне?..

Катерина. Извините, что в первый день знакомства я обращаюсь к вам с просьбой.

Надежда. Неужели о больнице начнешь?..

Катерина. Да.

Надежда. Предупреждаю: она сбивает вашими предшественниками жизни не давала, а Гордея замучила...

Ромодан. Благодарю за предупреждение. Я слушаю вас, Катерина Степановна.

Катерина. Надя, сходи перекуси, пока я буду рассказывать. Тебе это так надоело, боюсь, еще похудеешь...

Надежда. Не бойся, рассказывай.

Катерина. Четвертый год бьюсь, чтобы выстроить в нашей больнице новый корпус. У нас только вывеска «Областная больница»! Сколько у меня писем от колхозников!.. Каждое слово слезами омыто. Не всегда в районе можно сделать сложную операцию...

Ромодан. Вам не запланировали строительство?

Катерина. Наоборот! Все есть: и средства, и проект давно утвержден, и стены возведены.

Ромодан. А чего не хватает?

Катерина. Железа на крышу, парового отопления, окон, дверей... Паркета... Много нужно...

Ромодан. Приходите в понедельник в девять часов в обком, я вызову строителей, и поедем на стройку. Можете?

Катерина. Спасибо, буду. *(Улыбнулась.)*

Ромодан. Почему вы улыбаетесь?

Катерина. Двенадцатый раз поеду с начальством на стройку.

Надежда. Она думает, что все руководство против нее.

Ромодан. Верно думает, если не помогают...

Надежда. Как не помогают? Гордей Афанасьевич столько раз слушал на заседании, разносил строителей, но, если из центра не дают материалов, что можно сделать?!

Ромодан. Посмотрим.

Надежда. Гости идут... *(Встала, пошла навстречу.)*

Катерина. Это председатель горсовета Роевой и его жена. И товарищ Терещенко тоже с супругой.

Входят Роевой, Терещенко, Татьяна и Мария.

Роевой. Добрый день, Петр Александрович!

Ромодан. Добрый день! *(Здоровается.)*

Роевой. Моя жена, Мария Николаевна.

Надежда. А это наш плодоевощ, Федор Гаврилович Терещенко, и его супруга, Татьяна Свиридовна.

Ромодан. Очень приятно. (Здоровается.)

Роевой. Я звонил вам утром, хотел пригласить на выставку.

Ромодан. Какую?

Роевой. Товаров ширпотреба.

Мария. Там такие чудесные вещи!

Терещенко. Изумительные!

Мария. Обязательно побывайте.

Ромодан. Непременно побываю. Я сегодня утром ходил по городу. Много красивых домов построили...

Роевой. А кто вам показывал город?

Ромодан. Один ходил. Я город хорошо знаю.

Катерина. Вы здесь бывали?

Ромодан. До войны. Я родом из этой области.

Роевой. Неужели?

Ромодан. Родился в селе Вишенки, Очеретянского района.

Надежда. Это далеко от города?

Терещенко. Сто пятьдесят километров. Мы там огурцы и раннюю капусту заготавливаем. Очеретянский район больше всех поставляет нам. Они хорошо пойму реки освоили...

Ромодан. А куда эти овощи девааете?

Терещенко. Продаем.

Ромодан. Где? В ларьках я не заметил...

Терещенко. Мало заготавливаем, это верно.

Ромодан. А почему?

Терещенко. Не от нас зависит. Не хотят колхозники выращивать овощи. Просто беда с ними!

Татьяна. Надо их заставить, а то с Феде все требуют, критикуют, а разве у него на голове капуста растет?.. Феде день и ночь работает...

Терещенко. Татьяна!

Татьяна. Я правду говорю. У Феде эти дни так болят зубы, а у него нет времени даже к врачу сходить. А почему?

Терещенко. Татьяна, прекрати!.. (Дернул ее за руку.)

Ромодан посмотрел на Катерину.

Надежда. Видно, простудили. Не флюс ли у вас? Будто правая щека подпухла?..

Т а т ь я н а. И какой флюс был!.. В прошлую субботу, когда вернулся от вас, у Феди обе щеки так вспухли...

Т е р е щ е н к о. Да замолчи! Кому это интересно?.. (Отошел, отирает платком пот.)

Р о м о д а н (тихо Катерине). Что вы улыбаетесь? У человека такое несчастье...

К а т е р и н а. Я... я... (Едва сдерживает смех.) Вам показалось... (Пошла в парк.)

Р о м о д а н. Катерина Степановна!

Катерина уходит не оборачиваясь.

Т а т ь я н а (Ромодану). Вот так всегда с ней.

М а р и я. Она очень нервная.

Р о м о д а н. Разве? Я что-то не заметил.

М а р и я. Очень! В прошлом году похоронила мужа. Хороший врач был... Возвращался ночью из села от больного, и на их машину налетела грузовая.

Р о м о д а н. Какое несчастье! А дети есть у нее?

М а р и я. Нет. Жаль ее!.. Катерина — очень способный хирург. Ее все так любят!

Т а т ь я н а. Надо ей замуж выходить. Еще молодая, красивая...

Н а д е ж д а. И слышать не хочет...

Т а т ь я н а. Вы были у нас в парке культуры?

Р о м о д а н. Был. Хороший парк. Видно, с любовью строили.

М а р и я. Слышишь, Роевой?

Р о е в о й. Что?

М а р и я. Тебя хвалят за парк культуры. Это его труды. Три года строил...

Н а д е ж д а. Что?.. А товарищ Дремлюга где был? Может, в командировке?..

Р о е в о й (улыбнувшись). Верно, Надежда Степановна! Нельзя забывать, Мария, что парк мы строили под личным руководством Гордея Афанасьевича.

Т е р е щ е н к о. Да разве только парк?.. Все, что вы видели, Петр Александрович, в нашем городе нового и что увидите в области, — все это сделано по инициативе и заботами товарища Дремлюги. Разве таким город был, когда мы приехали сюда?..

Н а д е ж д а. Об этом все знают, Мария Николаевна...

М а р и я. Простите, Надежда Степановна, может, я не так выразилась, но я...

Надежда (*перебивает*). Может... может... Это у вас не впервой.

Терещенко. У Гордея Афанасьевича столько инициативы, что ему здесь тесно.

Ромодан. Не понимаю. Почему тесно?

Терещенко. Масштаб у него не областной. Республиканский, а может, и всесоюзный... Его хватит!..

Надежда. Что вы, Федор Гаврилович! Мы люди скромные. Гордей Афанасьевич никуда из области не поедет. Ему же предлагали пост министра заготовок. Другой бы вприпрыжку побежал в Киев. А что Дремлюга ответил? Вы же слышали?!

Роевой. Категорически отказался. Ка-те-го-ри-чески!

Мария. Это правда. И сказал, что на таком посту легко шею можно свернуть...

Надежда. Не он, а я говорила.

Мария. Возможно, и вы. Помню только, что был такой разговор... Простите...

Надежда. Пожалуйста. Татьяна Свиридовна, у вас есть тройчатка?

Татьяна. К сожалению, нет.

Надежда. У меня что-то так голова разболелась...

Татьяна (*тихо*). Не диво. (*Смотрит на Марию.*)

Мария. У меня есть, Надежда Степановна.

Ромодан (*Роевому*). Где ваша жена работает?

Роевой. Учительствует.

Ромодан (*к Терещенко*). А ваша?

Терещенко. В универмаге. Заведует парфюмерным отделом.

Ромодан. Химик?

Терещенко. Нет, практик. У нее исключительно тонкое обоняние.

Ромодан. О, это большой талант!

Входит Катерина.

Катерина. Гордей Афанасьевич полчаса как выехал. Звонили из приемной.

Надежда. Прошу всех к нам!.. Прошу.

Все идут.

Ромодан. Простите, Надежда Степановна, я через несколько минут буду.

Надежда. Пожалуйста.

Ромодан взял папку, шляпу, идет в дом. Входит Дремлюга, а за ним — Филипп с большим портфелем в руках.

Дремлюга. Филипп!

Филипп. Слушаю, Гордей Афанасьевич!

Дремлюга. Я тут с Петром Александровичем поговорю, а ты побудь недалеко. Может, какая цифра или справка понадобится.

Филипп. Слушаю.

Дремлюга. Только не лезь на глаза. Сядь под тем кустом. Да не засни...

Филипп. Слушаю. Верно, гости уж собрались, вас ждут...

Дремлюга. А ну их ко всем чертям! Не до них мне сегодня.

Филипп. Я понимаю... все понимаю...

Дремлюга. Что?

Филипп. Когда перед заседанием вы говорили по телефону с секретарем горкома товарищем Калиной, я попросил всех из приемной выйти — так громко вы ему отвечали.

Дремлюга. Кричал?..

Филипп. Ох, как!..

Дремлюга. А я и не заметил. А что случилось после заседания с Вернигорой? Почему он вышел из кабинета, словно пьяный?

Филипп. Сердечный припадок, сознание потерял в приемной...

Дремлюга. Неужели?.. Вот еще красная девица нашлась.

Филипп. Как вас все боятся, Гордей Афанасьевич!..

Дремлюга (усмехнулся). Ну?..

Филипп. Сегодня вы говорили так, что даже у меня в душе похолодело. А я к вам привык... У всех подбродки тряслись...

Дремлюга. А у меня, думаешь, сердце не болит?.. У меня из-за них инфаркт скоро будет.

Филипп. Что вы, Гордей Афанасьевич! Вы бы себя сдерживали немного, нервы берегли...

Дремлюга. Эх, Филипп, Филипп... Иногда и мне кажется, не лучше ли жить, как другие: перекладывая на чужие плечи работу и живи в свое удовольствие,

мирно, ласково со всеми.. Не такой я закалки! Мы на своих плечах все вытянули и дальше будем тянуть за всех до самой могилы. Но руку нашу (*потряс кулаком*) запомнят!..

Филипп. Еще и как запомнят!

Входят Варвара и Галя. Они несут кирпич на носилках.

Дремлюга. И до каких пор вы будете тут шататься?

Варвара. Может, вы и шатаетесь, а мы работаем.

Филипп. Что?!

Варвара. То, что слышали.

Галя. Вы лучше нам машину дайте, а то мы кирпич с баржи носим. Так далеко ходить...

Дремлюга. Если за два дня не закончите гараж, я вас разгоню. Слышите?..

Варвара. Чего ты, старый, кипятишься?..

Филипп. Да ты знаешь, с кем разговариваешь?.. Это товарищ Дремлюга, председатель облисполкома!

Варвара. Ну, и что из того?

Дремлюга. Откуда ты тут взялась? Кто ты такая?

Варвара. Я здесь не без вашей милости. А кто я такая, спроси у секретаря ЦК — он когда-то к нам в колхоз приезжал и даже у меня в хате был. Пойдем, Галя... (*Уходят.*)

На террасу выходит Ромодан.

Филипп (*тихо*). Вышли...

Дремлюга повернулся, идет навстречу Ромодану. Филипп уходит в парк.

Дремлюга. Как устроились, Петр Александрович?

Ромодан. Спасибо, хорошо. Долго заседали?..

Дремлюга. Тридцать пять вопросов рассмотрели. Я сегодня такой разнос учинил — до смерти не забудут!

Ромодан. Кому?

Дремлюга. Всем попало. Беда, Петр Александрович, стал я сдавать. Еле себя сдерживаю, так нервы расшатались... И давление увеличилось...

Ромодан. А вы были в отпуске?

Дремлюга. Нет, я даже не помню, когда был.

Ромодан. Почему?

Дремлюга. Да на кого же я область оставлю?!

Ромодан. А разве ее украдут, когда вы поедете в отпуск?..

Дремлюга. Не шутите. Познакомитесь с нашими кадрами, так и сами про отпуск забудете...

Ромодан. Неужели у вас нет заместителя?..

Дремлюга. Есть, ответственных лодырей у меня целая куча. Они такого натворят, что и за несколько лет не расхлебашь!.. Мы каждый день получаем из Киева и Москвы до пятидесяти важнейших директив и распоряжений, а в районы спускаем намного больше. Работа каторжная!..

Ромодан. Работать без отдыха нельзя, Гордей Афанасьевич.

Дремлюга. А я вот еще немного потяну, а там... Годы уже дают себя знать. Очень плохо, что человек не знает, когда ему надо с телеги слезать... (*Смотрит на Ромодана.*)

Ромодан (*незаметно улыбнулся*). А может, это и лучше?.. Человек должен всегда верить в свои силы. Это — главное.

Дремлюга. Нет. Главное — чтобы в тебя верили. А если не чувствуешь плеча, то и небо тебе не раз с овчинку покажется...

Ромодан (*внимательно смотрит на Дремлюгу*). Разные плечи бывают. Одни груз носят, а иные — только штаны на подтяжках.

Дремлюга. Согласен. За примерами ходить недалеко. Я всю область тяну на своих плечах, а ваш предшественник, Иван Иванович, всё речи провозглашал. А что получилось? Меня побили, а он в Москве на курсах. Наверное, каждый вечер по театрам ходит и надо мной посмеивается...

Ромодан. А почему вы молчали? Почему не выступили здесь или в Киеве?

Дремлюга. Легко сказать! А потом что? Он такую атмосферу создал, всех в кулак зажал...

Ромодан. Иван Иванович — человек недалекий. Увидел, что шеи гнут добровольно, с радостью, и решил кучером стать. Запряг вас...

Дремлюга. А я у него в упряжке не ходил.

Ромодан. Как? Вы же коренным были. Говорят, здорово ходили... Только тронет вас Иван Иванович, а вы

сразу же в галоп да во весь голос: «Под руководством нашего дорогого, нашего талантливого... мы готовы куда угодно скакать...» Было это?

Дремлюга молчит.

Не вы один. Я тоже своего Ивана Ивановича восхвалял. Вот и допрыгались мы с вами. Животноводство в колхозах пошло вниз. Коровы по удою начали догонять коз. Солома, что когда-то только на подстилку шла, стала у нас основным кормом. Колхозники своих коров распродают...

Дремлюга. Дело не в этом.

Ромодан. А в чем?

Дремлюга. Если б не война...

Ромодан (*перебивает*). Война много горя принесла и городу и селу, сильно подорвала сельское хозяйство. Это верно. Но не к лицу нам сегодня все трудности объяснять только войной. Почему у наших соседей не было падежа коров?.. А в нашей области сколько коров за минувший год пало с голоду?..

Дремлюга. Приблизительно тысячи три с половиной...

Ромодан. Не приблизительно, а точно — сколько?

Дремлюга (*крикнул*). Филипп!

Из-за кустов выскочил Филипп.

Ромодан. Кто это?

Дремлюга. Мой помощник. Очень способный, исключительной памятью обладает.

Филипп (*подошел*). Слушаю вас, Гордей Афанасьевич.

Дремлюга. Сколько у нас пало коров за прошлую зиму? Только точно. Ну?

Филипп. Четыре тысячи триста десять. Свиной — шесть тысяч пятьсот двадцать, овец...

Дремлюга. Иди, иди... Тебя про коров спрашивают.

Филипп. Слушаю. (*Ушел за куст.*)

Ромодан. Хорошо помнит Филипп...

Дремлюга. С молоком у нас всегда плохо будет. Коровы у нас непородистые. Почему бы нам не закупить

где-нибудь за границей породистых коров? Говорят, в Дании, в Голландии...

Ромодан. Может, лучше покупать у них масло, мясо, сало?.. И будем на чужих харчах идти в коммунизм. Потому что породистые еще скорее ноги протянут на одной соломе. Сколько гектаров у вас было в прошлом году под кукурузой?

Дремлюга. Под кукурузой совсем мало. Она у нас плохо родит. А вообще...

Ромодан. Сколько же под кукурузой?

Дремлюга. Филипп!..

Филипп не отвечается.

Филипп! Куда он исчез?.. Филипп!

Ромодан. А что, если Филипп умрет?

Дремлюга. Как?

Входит Филипп, на ходу что-то дожевывает.

Где ты бродишь?!

Филипп. Я... я... *(Быстро дожевывает, поперхнулся.)*

Ромодан. Не торопитесь, проглотите. А то случится с вами несчастье, кто же нам тогда о делах в области расскажет?..

Филипп. Слушаю вас.

Дремлюга. Иди, иди... дожевывай... *(Тихо.)* Чтоб тебе!..

Филипп. Виноват. Я уже проглотил. Слушаю вас, Гордей Афанасьевич.

Дремлюга. Иди ты к чертовой матери!

Филипп. Слушаю. *(Уходит за куст.)*

Ромодан. Так что, Гордей Афанасьевич, будем и дальше так жить?..

Дремлюга. Как?

Ромодан. Занимать память у Филиппа, колхознику на трудодень — пятак в кулак, а масло закупать за границей. Или, может, сами закатаем рукава и как следует возьмемся за дело?..

Дремлюга. Простите, Петр Александрович. У нас есть колхозы, которые выдают на трудодень по двадцать рублей и по пять кило...

Ромодан. Знаю, знаю... Вы о них хорошо в своем докладе говорите.

Дремлюга. Прочитали доклад?

Ромодан. Прочитал. А вот о тех, кто годами из граммов не вылезит, вы и словом не обмолвились.

Дремлюга. Я вас не понимаю. Наша область никогда не была в числе последних. Мы ежегодно рапортовали и в Киев и в Москву одними из первых. Недостатки есть, признаю. Но по совести скажу вам: если бы мне кто-нибудь другой такое говорил, как вы, я бы очень резко реагировал...

Ромодан. Так почему же вы со мною так мягко говорите?

Дремлюга. Потому что я понимаю ваше волнение. Вы впервые избраны секретарем обкома, вам хочется все трудности сразу преодолеть. Но в жизни так не бывает. Руководитель должен прежде всего видеть общую картину. А она у нас неплохая, я бы сказал — даже хорошая. В этом не только я, все глубоко убеждены.

Ромодан. По-вашему, выходит, что и впредь будем так работать?

Дремлюга. Иначе быть не может! Это наша линия.

Ромодан. И дальше будем писать трескучие рапорты об общей картине, а картофель продавать дороже, чем бананы, которые везем из-за океана. Провозглашать речи о светлом будущем и не обращать внимания на нужды людей сегодня. Любоваться общей картиной и за такими же общими цифрами не замечать живой жизни... Да понимаете ли вы, товарищ Дремлюга, что все это значит?!

Входят с носилками Варвара и Галя. Их не замечают.

Дремлюга. Товарищ Ромодан, наше дело — планы выполнять. Это — главное! И вы тоже скоро будете думать так же, как и я. Иначе, простите, вас скоро снимут. Пойдемте-ка лучше обедать! Моя Надежда таких карпов нажарила!.. На полметра от сковороды прыгали. Пойдемте...

Ромодан. Ошибаетесь, Гордей Афанасьевич!

Дремлюга. Поживем — увидим, Петр Александрович!

Идут в парк. Проходят недалеко от Варвары. Варвара и Галя подходят к столику. Варвара поставила носилки, смотрит в ту сторону, куда пошли Ромодан и Дремлюга. К ней подошла Галя.

Г а л я (*тихо*). Тетка Варвара...

Варвара обернулась.

Что с вами? У вас слезы на глазах...

В а р в а р а. Родной брат не узнал...

Г а л я. Где он?

В а р в а р а. Вон пошел с тем — в белом костюме.

Из парка слышен голос Дремлюги: «За дорогого нашего руководи-
теля, товарища Ромодана!..» Слышны аплодисменты.

Г а л я. Брат... Я пойду скажу ему...

В а р в а р а. Не надо. Пойдем кирпич носить. (*Ухо-
дят.*)

Из глубины парка слышно, как Самосад играет на окарине песню
«Ой, піду я лугом, лугом-долиною...»

З а н а в е с.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Кабинет секретаря обкома. За столом Ромодан. Перед ним сидит Терещенко. В руках у него бумаги.

Ромодан. Мне все ясно, все ясно... (*Отдает Терещенко папки.*)

Терещенко (*собирает бумаги*). Признаю... признаю и уверяю вас — приложу все усилия...

Ромодан (*перебивает*). Разве можно терпеть, чтобы на Украине летом не было в городе овощей?.. Это же позор!

Терещенко. Позор...

Ромодан. Такая область, как наша, может не только себя обеспечить, но и эшелонами отправлять в Москву, Ленинград...

Терещенко. Мы понемногу отправляем в Москву.

Ромодан. Того, что вы отправили за месяц, не хватит на один завтрак студентам Московского университета. Там, кажется, ваш сын учится?..

Терещенко. Дочь. Пишет, какие там лаборатории — чудо! У каждого студента отдельная комната. Исключительные условия! (*Встает.*) Простите, что столько времени у вас отнял. Я вам так благодарен за помощь, советы... Поверите, за последние годы меня никто в обком не вызывал.

Ромодан. Неужели?..

Терещенко. Бьешься как рыба об лед. Хоть бы кто-нибудь покритиковал, помог... Каждый думает только о себе. Я должен сказать вам, считаю своим партийным долгом... Вы только приехали к нам... Внимательно присматривайтесь. Внимательно!.. Я здесь всех знаю, кто чем дышит...

Ромодан. Ну?..

Терещенко. Кроме Гордея Афанасьевича — человека большой души, глубоко между нами...

Ромодан. Что?

Терещенко. Нет, не буду говорить. Вы меня мало знаете, еще подумаете... Нет! Вы скоро сами убедитесь, сколько тут лодырей, картежников!..

Ромодан *(улыбнулся)*. Играют?..

Терещенко. До рассвета режутся в преферанс. Просто эпидемия!

Ромодан. А вы тоже, кажется, в воскресенье на даче у Гордея Афанасьевича до утра резались?..

Терещенко *(перебивает)*. Я резался?! Боже упаси!.. Все время пасовал. Мне неудобно было отказать... Я карты ненавижу!

Ромодан. Скажите, Федор Гаврилович, а за что вам вынесли строгий выговор в сорок втором году?

Терещенко. Какие у нас люди!.. Уже успели...

Ромодан. Нет, нет... Я знакомился с личными делами ответственных работников. У нас в аппарате обкома много незамещенных должностей. Даже второго секретаря нет... *(Подходит к Терещенко.)*

Терещенко. Я был на партийной работе!..

Ромодан. Расскажите...

Терещенко. Правда, был недолго. Но я бы с большой охотой... Партийную работу люблю и приложу все усилия, чтобы оправдать ваше доверие. У вас ниточка белая *(снимает с пиджака нитку, улыбается)* — где-то блондинка тоскует...

Ромодан. Простите, я о выговоре спрашиваю.

Терещенко. А... Выговор я получил несправедливо. Спросите у Гордея Афанасьевича. Он был моим начальником в армии. Я — жертва клеветы. А тогда, во время отступления, все были в таком нервном состоянии, что за одно неудачное слово могли не только выговор

влепить, а и в штрафной батальон закатать. Извините, что так задержал вас...

Ромодан. Пожалуйста. А все-таки — за что?

Терещенко. Один командир дивизии... Его впоследствии сняли за то, что растерял дивизию во время отступления. Представляете себе, что за тип?.. Написал, будто я вел паникерские разговоры. Наглая ложь! У меня боевые ордена...

Ромодан. Какие?

Терещенко. Две медали. Все знают, что Терещенко всегда был пламенным патриотом.

Входит Иваненко.

Иваненко. Нашел.

Ромодан (к Терещенко). Будьте здоровы, Федор Гаврилович.

Терещенко. Будьте здоровы, Петр Александрович. Я очень прошу вас, спросите у Гордея Афанасьевича. Мне неудобно о себе говорить... Мои боевые заслуги он хорошо знает.

Ромодан. Не беспокойтесь... Я вижу, вы человек скромный... Мне и так все ясно.

Терещенко. Благодарю. (Уходит.)

Ромодан. Где она?

Иваненко. В приемной. Еле разыскал. Работает каменщиком в первой строительной конторе. Не хотела ехать, едва уговорил...

Ромодан. Спасибо. Просите.

Иваненко выходит. Входит Варвара. Сделала несколько шагов, остановилась. Она в темносинем костюме, на груди — ордена Ленина и Трудового Красного Знамени. Ромодан идет ей навстречу.

Варвара... Сестра!..

Варвара. Я, Петро.

Ромодан (обнял ее, поцеловал, ведет к столу). Садись.

Варвара садится. Большая пауза.

Варвара. Что ж умолк?

Ромодан. Дай посмотреть на тебя. Не изменилась... Немного поседела — и только.

Варвара. А что мне меняться?.. Я ведь не старуха. А седина — это не годы, а мысли...

Ромодан. Только приехал — позвонил в район. А там ответили, что ты оставила село и решила жить в городе.

Варвара. Кто сказал?

Ромодан. Председатель райисполкома.

Варвара. Брешет! Выжили. Житья им от меня не было. Еще и хвастались... Дураки!.. Варвару можно выжить, и то, считаю, временно. Но правду — никогда.

Ромодан. А почему так получилось?

Варвара. Много говорить, да мало слушать... Первым тебя назначили?

Ромодан. Избрали...

Варвара осматривает кабинет.

Варвара. Пусто в твоём кабинете... Голо.

Ромодан. Почему? На стенах — портреты, на столе — телефоны... Стол для заседаний, шкаф с книгами... Больше секретарю ничего и не нужно. Это ведь место работы.

Варвара. Когда-то мы были в Киеве у секретаря ЦК. У него в кабинете под всеми стенами — снопики пшеницы от Посмитного, Дубковецкого, на столиках — свекла от Ганны Кошевой, от Бессмертной... Кукуруза под самый потолок от Озерного... и моя там стояла... (Пауза.) Скажи, Петро, неужели навсегда это минуло? (Большая пауза.) Второй год уже кладу кирпич, дома строю, а привыкнуть не могу. Ночью проснусь и думаю... думаю... В нашем селе сады рубят...

Ромодан. В Москве теперь разрабатывают новый закон: налог будут начислять с количества соток приусадебной земли, независимо от того, что на ней растёт и какое хозяйство. И вообще налог снизят.

Варвара. Такой закон будет?

Ромодан. Да — и скоро.

Варвара. А с колхозами как будет?

Ромодан. Что именно?

Варвара. Разве ты не видишь? Стоит только колхозу на ноги стать, ему сразу на шею такие гири вешают, что он снова к земле клонится. Выполняй план за пьяниц и лежебок, что во главе колхозов стоят, за плохую работу МТС, за всех тех чернильных агрономов, которые в районе и в области помогают нашим руководителям пахать и сеять на бумаге... Думают ли об этом в Москве?..

Ромодан. Не только думают. Я знаю — скоро будут большие перемены в колхозной жизни. Ведь эти вопросы ставит народ, и партия, правительство готовят новые законы. Их скоро примут.

Варвара. Скорее бы!.. *(Пауза.)* Хорошие вести ты рассказал. Хорошие! Нужно всей партией, всем народом о государстве думать, не ждать сложа руки только команды сверху, когда под самым носом на нашей плодородной земле не один сорняк вырос. Так продолжаться не может. Всем миром полоть их, потому что государство — это мы все... *(Пауза.)* Прости, за столько лет встретились, а я даже про твоё здоровье не спросила... *(И первая теплая улыбка осветила её лицо.)* Как же?

Ромодан. Пока хорошо.

Варвара. Раны не болят?

Ромодан. Когда погода меняется, немного чувствую. Но я привык.

Варвара. Не женился?

Ромодан. Нет.

Варвара. Что, бурлачишь?

Ромодан. Времени нет...

Варвара. Времени?.. А может, девчата начали уже обходить тебя? Внешне как будто еще орел...

Ромодан. Не обходят, но и не смотрят.

Варвара. А ты держись! Купи себе гитару... Ты же когда-то так играл, что все девчата млели...

Ромодан. Что было в молодости, то уж уплыло...

Варвара. Да... Годы бегут... Анну видел? Она здесь.

Ромодан. Знаю.

Варвара. Был у нее?

Ромодан. Еще нет.

Варвара. А я была. Дочь твоя такой красивой стала...

Ромодан. Вспоминала меня?

Варвара. Нет. Я наводила разговор, а она — молчит. Так и Анна. Обидел ты Анну, а дочь за мать держится...

Ромодан. Не хотел я ее обидеть. Неужели ты мне не веришь?

Варвара. Верю, Петро. Но так получилось...

Ромодан. Почему ты оставила село?

Варвара. А разве я тебе не рассказала?..

Добавлю еще: вот эти ордена дали мне за урожай кукурузы. А теперь по всей области ее нет в плане уже третий год. А каких кабанов мы откармливали и сколько!.. Разве коммунизм может быть без сала и колбасы?.. Что мы — турки?.. *(Смеется.)* И они ели б, да нет у них...

Ромодан. Им запрещено. Религия такая...

Варвара. Религия?.. А разве мы когда-то не постились? А теперь даже попы в пост колбасу молотят да еще и горилкой запивают...

Ромодан. Где ты будешь в шесть часов?

Варвара. У себя в общежитии.

Ромодан. Я пришлю машину, пообедаем у меня, поговорим обо всем поподробнее...

Варвара. Ладно. Я сегодня выходная, работала в воскресенье.

Ромодан. А чего в воскресенье?

Варвара. Очень спешное дело. Заставили в воскресенье работать — одному начальнику гараж заканчивали.

Ромодан. Гараж?! Что это за вельможа такой тут объявился?..

Варвара. Не помню фамилии.

Ромодан. А ты узнай. Я ему покажу! Гараж боком вылезет...

Варвара. Не приведи господь! Что ты!.. *(Встала, идет к двери.)*

Ромодан. Нет, нет. Таких вельмож бить надо.

Варвара. Может, он и не знал, а помощники так постарались?..

Ромодан. Тогда он шляпа, если не видит, что под носом творится! Постой, а не в парке ли вы строили гараж?..

Варвара. Какие-то деревья там росли, росли... Я не прощаюсь, Петро. *(Уходит.)*

Входит Роевой.

Роевой. Здравствуйте, Петр Александрович.

Ромодан. Здравствуйте. Садитесь. Прочел вашу записку...

Роевой. И как?

Ромодан. Очень хорошая. Я написал письмо и вместе с вашей запиской послал в ЦК.

Роевой. Уже послали?..

Ромодан. Да. Вопросы строительства, которые вы ставите, важны не только для нашей области, но и для других городов. Очень убедительно, со знанием дела вы написали. Уверен, будет решение ЦК.

Роевой. Большое спасибо.

Ромодан. За что? Вам спасибо. И мы на бюро примем решение.

Роевой. Простите, я только... Как вам сказать... обеспокоен.

Ромодан. Чем?

Роевой. Гордею Афанасьевичу я не успел передать копию записки...

Ромодан. Передайте...

Роевой. Но вы уже послали в ЦК. Он может обидеться... Пожалуйста, вы как-нибудь... Вы понимаете... У него характер...

Ромодан. Поговорю.

Роевой. До свидания.

Ромодан. До свидания. Один вопрос к вам.

Роевой. Пожалуйста.

Ромодан. Не кажется ли вам, что, если человек чрезмерно преклоняется перед авторитетами, это связывает его волю, даже порождает трусость и отвратительное чиновничество. А коммунист должен быть всегда впереди, смелым, инициативным и никогда не забывать, что в партии все равны.

Роевой. Это верно. Я понимаю вас... Понимаю всем сердцем...

Ромодан (*улыбнулся*). Очень хорошо. Привет вашей супруге.

Роевой. Спасибо.

Звонит телефон.

Ромодан (*взял трубку*). Да... Пожалуйста... У меня, сейчас передам... (*К Роевому*.) Вас просит Гордей Афанасьевич.

Роевой (*взял трубку*). Да. Слушаю... Еще вчера все сделано... Почему не доложил?... Я не мог вас найти, звонил, звонил... Что?... Вы, Гордей Афанасьевич, на меня не кричите. Я не чинуша, а председатель Городского совета депутатов трудящихся... Поняли?... (*Положил трубку. К Ромодану*.) Извините...

Ромодан. Пожалуйста.

Роевой выходит.

В дверях появляется Александра Алексеевна Горицвет, а за нею Иваненко.

Горицвет. Петя, меня не пускают к тебе!..

Ромодан. Это вы, Александра Алексеевна?..

Горицвет. Я... Я, Петя! *(К Иваненко.)* А вы не верили!..

Ромодан. Прошу, заходите.

Горицвет входит в кабинет. Иваненко уходит.

Горицвет. Узнал! Я так и знала, что ты не забудешь свою старую учительницу. Дай же я тебя поцелую. *(Целует его в лоб.)*

Ромодан. Садитесь, Александра Алексеевна. Как ваше здоровье?

Горицвет *(садится)*. Хорошо. *(Снимает шаль, на груди у нее ордена Ленина, Трудового Красного Знамени и медаль.)* Вечером только после работы немного поясница болит.

Ромодан. Неужели вы еще в школе работаете?

Горицвет. Нет, я на пенсии. Но дома у меня очень много работы.

Ромодан. Простите, сколько вам лет?

Горицвет. Хотя женщин об этом и не спрашивают, но я никогда не скрывала свои годы. Мне, Петя, неполных восемьдесят пять. Только через два месяца будет.

Ромодан. Никогда не дал бы вам и семидесяти... Вы очень хорошо выглядите...

Горицвет. Спасибо, Петя. Я бы лучше выглядела, если б не такие хлопоты свалились на меня.

Ромодан. А что такое у вас?

Горицвет. Шестьдесят лет проучительствовала и никогда не имела таких хлопот, как сейчас. Ты не забыл моих младших сестер, Евгению и Ольгу?

Ромодан. Как же, помню! Евгения Алексеевна преподавала географию, а Ольга Алексеевна — математику. Как они живут?

Горицвет. Живут у меня, тоже на пенсии. Ольге теперь шестьдесят пять, Евгении — шестьдесят семь лет. Очень они как-то постарели. Я за ними, как за детьми,

хожу. Поверишь, нет ничего хуже, как иметь дело со старухами. Такие они привередливые и завистливые... Беда мне с ними. Как я рада, Петя, что ты стал у нас теперь партийным руководителем. Поздравляю тебя, желаю успеха. В нашем доме все рады. Я пришла сказать тебе это.

Ромодан. Спасибо. Постараюсь оправдать ваше доверие.

Горицвет. Скажи, Петя, а как ты живешь? Как здоровье? У тебя часто голова болела, как теперь?

Ромодан. Не болит. Все в порядке.

Горицвет. Я всем рассказывала, как ты учился, какая у тебя была исключительная память... Не позабыл историю?..

Ромодан. Думаю, что нет.

Горицвет. Я рассказывала соседям, как ты любил историю. А разве можно не любить ее?.. Каждая наука имеет свою душу, а история — это душа народа, и ее нужно любить, как мать родную... А в нашем городе исторический музей в очень плохом состоянии: три комнаты, потолок протекает... На стенах плохонькие фотографии да всё надписи — и даже с ошибками. Нет портретов Суворова, Хмельницкого. А на главной улице — большая вывеска ателье дамских мод имени Суворова...

Ромодан. Есть такая вывеска?

Горицвет. Есть. Я туда заходила, два часа толковала директорше, что Суворов никогда не увлекался дамскими модами. А она меня выслушала и говорит: «Я сама жена генерала и лучше вас знаю, что любят военные...» На такой аргумент я не нашлась, что ответить!..

Ромодан. Трудно... трудно... *(Смеется.)*

Горицвет. Попроси горсовет, чтобы дал новое помещение для музея. Я туда пять лет хожу, прошу, но все только обещают...

Ромодан. Хорошо, попрошу.

Горицвет. И еще у меня есть просьба к тебе. У нас в доме каждое утро бывают небольшие конференции...

Ромодан. Какие?..

Горицвет. На кухне. Дом старый, одна кухня на всех жильцов целого этажа. Узнали хозяйки, что я собираюсь к тебе... И вот просили передать тебе привет и список. *(Достает из сумки бумагу, надевает очки.)* Просят, обрати внимание: в городе негде купить. *(Читает.)* Пер-

вое — лопат, второе — сапок, третье — грабель. У каждого есть огород за городом... Четвертое — мешков нет. Ты прости, Петя, что я с беспартийными делами...

Ромодан. Прошу, прошу.

Горицвет. И еще... Во дворе у нас хороший сад, мы все ухаживаем за ним. А садовых ножниц тоже нет.

Ромодан. Дайте мне этот списочек...

Горицвет. Возьми, Петя. *(Подает.)* Прости, что я по старому знакомству...

Ромодан. Что вы, Александра Алексеевна! Я очень рад, что вижу вас.

Горицвет *(встает)*. Будь здоров.

Ромодан. Будьте здоровы.

Горицвет. А когда в музей поедешь?

Ромодан. Завтра.

Горицвет. Поезжай сегодня, не откладывай. Ты же знаешь, Петя, как трудно бывает, когда уроки откладывают на завтра...

Ромодан. Сегодня поеду.

Входит Иваненко.

Горицвет. Вот и хорошо. Ты всегда был таким.

Ромодан *(Иваненко)*. Отправьте Александру Алексеевну на моей машине.

Горицвет. Спасибо, Петя. Я к тебе буду заходить, только скажи помощнику, чтоб докладывал. Который это час?

Иваненко. Два.

Горицвет. Бегу к своим старушенциям! Наверное, уже перессорились. Они без меня так безобразничают... Просто беда с ними. *(Горицвет и Иваненко уходят.)*

Ромодан садится за стол, берет список Горицвет, молча читает, улыбается, пишет в блокноте. Входит Овчаренко. В руках у него папка с бумагами.

Овчаренко. День добрый!

Ромодан. Добрый день, товарищ Овчаренко! *(Продолжает писать.)*

Овчаренко. Прошу прощения, я немного опоздал. У меня затянулось заседание. Наша интеллигенция любит так много говорить...

Ромодан. Простите... *(Взял телефонную трубку, набирает номер.)* Товарищ Черепок? Ромодан говорит,

добрый день. Я вам сейчас пришлю записку и с нею один списочек... Завтра в десять утра прошу доложить мне по этому поводу. (*Положил трубку.*) Кто много говорит?..

О в ч а р е н к о. Наша интеллигенция. А кому-кому как не ей следовало бы научиться излагать свои мысли точно, сжато, без лишних слов! А все это потому...

Р о м о д а н (*нажал кнопку*). А какое заседание у вас было?

Входит Иваненко.

О в ч а р е н к о. Простите, Петр Александрович. А все это потому...

Ромодан передал Иваненко записку и список. Тихо: «Сейчас же отошлите!»

Р о м о д а н (*к Овчаренко*). Слушаю!

Иваненко уходит.

О в ч а р е н к о. Потому, что не умеют логично мыслить. К сожалению, в наших школах логику преподают плохо... А, как известно, все великие философы любили логику и говорили об ее исключительном значении... Философы понимали...

Р о м о д а н. Простите, Гавриил Онуфриевич, по какому вопросу было у вас заседание?

О в ч а р е н к о. У нас вскоре должно состояться широкое совещание ветеринаров и зоотехников. Созывает облисполком...

Р о м о д а н. Хорошее дело.

О в ч а р е н к о. А кто говорит, что плохое?! Чрезвычайно важное совещание. Но как его готовят? Комиссия, в состав которой вошли лучшие специалисты нашей области, работала месяц и вот что сегодня представила в обком. (*Достал бумажку.*) Вы только послушайте, какую повестку дня они предлагают. Один вопрос! (*Читает.*) «Борьба с яловостью коров». И принесли тезисы доклада. Я прочитал и спрашиваю их: а Павлов где?..

Р о м о д а н. Кто?

О в ч а р е н к о. Гордость и слава нашей отечественной науки, великий физиолог Павлов — где он? — спрашиваю я членов комиссии. Разве можно так формулировать доклад?! Разве можно в тезисах только один раз упомянуть (и то — лишь в конце!) великое имя Павлова!..

Ромодан. А вы что им предложили?

Овчаренко. Тезисы переделать, а доклад назвать: «Яловость коров в свете учения великого Павлова»!..

Ромодан. Вы полагаете, так будет лучше?

Овчаренко. Иначе быть не может! Разве яловость коров — это не проблема соответствующих рефлексов?.. А у них? Вот почитайте тезисы — ползучий эмпиризм! Все сводят только к кормам.

Ромодан. Простите, Гавриил Онуфриевич, а если б вас, несмотря на вашу комплекцию, кормить месяцев пять одним черствым хлебом и холодной водой — у вас были бы соответствующие рефлексы?

Овчаренко. Я не понимаю вас. Мы говорим о яловости коров...

Ромодан. Если корова всю зиму жует одну солому, а у нас это часто случается, то разве будут у нее соответствующие рефлексы?

Овчаренко. Не согласен! Все-таки нервная система, как учит Павлов...

Ромодан. Павлов — великий ученый, и учит он правильно. Но нельзя, товарищ Овчаренко, по поводу каждой проблемы бить поклоны великому Павлову, не то можно лоб расшибить. А в черепе, как вам известно, центральная нервная система, которой Павлов придавал огромное значение... (Пауза.) Вы не обижайтесь, пожалуйста...

Овчаренко. А все-таки я, как философ, считаю...

Ромодан. Вы, Гавриил Онуфриевич, какую ученую степень имеете?

Овчаренко. Кандидат философских наук. Сейчас работаю над докторской диссертацией.

Ромодан. От всего сердца желаю вам успеха. Но на этот раз пусть ветеринары и зоотехники проводят совещание так, как они его наметили.

Овчаренко. Что ж, если вы так считаете... Чтоб совещание проходило без нашего руководства...

Ромодан. Я так не считаю. Мы пригласим на это совещание председателей колхозов, доярок — тогда и пойдет настоящий научный разговор.

Входят Дремлюга и Калина.

(К Дремлюге.) Что произошло у вас вчера на партийном собрании?

Дремлюга. Спросите товарища Калину, он там был...

Калина. Собрание прошло хорошо.

Дремлюга. Хорошо?..

Калина. Резко критиковали работу партийного бюро, отдельных ответственных работников облисполкома. Приняли хорошую резолюцию, а потом тайным голосованием избрали новый состав партийного бюро. Голосовали дружно.

Ромодан. Дружно?.. А Гордея Афанасьевича не избрали...

Калина. Не избрали. Провалили.

Ромодан (к Дремлюге). Критиковали вас?

Дремлюга. Против меня никто и слова не сказал.

Калина. Это верно. Даже аплодировали, когда выдвинули его кандидатуру.

Ромодан. Аплодировали?..

Калина. Дружно.

Ромодан. И провалили?..

Калина. Так же дружно.

Ромодан (к Дремлюге). А вы выступали?

Дремлюга. Выступал.

Калина. Не выступал, а целый час кричал на тех, кто искренне, по-партийному говорил о негодном стиле работы облисполкома.

Дремлюга. А я склочников не боюсь, кто б они ни были,— даю отпор. А что меня не избрали — я как-нибудь переживу. Но на городской партийной конференции расскажу, как ты, Евгений, поддерживаешь и направляешь против меня демагогов и горлопанов...

Калина. Если так выступишь, то и там тебя, Гордей, провалят дружно. А я этого не хочу. Поэтому советую тебе...

Дремлюга (*перебивает*). А я у тебя совета не прошу. Два года ты все делаешь для того, чтобы подорвать мой авторитет. Но я тебе говорил и сейчас скажу: руки коротки. Не выйдет!..

Ромодан (к Калине). Пришлите мне сегодня протокол партийного собрания. Это дело очень серьезное, Гордей Афанасьевич. Вас провалила своя партийная организация, а вы говорите «как-нибудь переживу».. А вот я и Калина этого пережить «как-нибудь» не можем...

Овчаренко. Верно! Мы вас все очень уважаем, Гордей Афанасьевич, но вам нужно этот печальный факт глубоко проанализировать, найти в нем рациональное зерно...

Дремлюга. Какое зерно?..

Ромодан. Надо, чтобы все ознакомились с протоколом собрания. Пригласим партийное бюро в обком и серьезно поговорим по этому поводу. Как вы считаете?

Дремлюга. Я согласен.

Калина. Верно.

Овчаренко. Поддерживаю.

Ромодан. Ночью я вернулся из Краснопольского района. Какие там хорошие руководители! Умные, дело знают... Но мало мы им помогаем, Гордей Афанасьевич.

Дремлюга. А что просят?..

Ромодан. Очень мало у них специалистов. Такая же картина и по всей области. Не могли бы мы, товарищ Калина, отобрать хороших инженеров, агрономов — хотя бы человек пятьдесят — и послать из города на постоянную работу в МТС, колхозы?..

Дремлюга. Это утопия. Никто не поедет.

Калина. Почему?.. Найдем таких, что поедут.

Дремлюга. Да что вы говорите! У нас половина агрономов сбежала из села в город...

Калина. А почему бегут?

Дремлюга. Их спросите!.. Напротив вашего дома в ларьке торгует агроном — пиво продает...

Калина. Спрошу. На бюро его вызову.

Дремлюга. И, думаете, поможет?..

Ромодан. Выходит, мы с вами бессильны?..

Дремлюга. Сила есть, да прав нет...

Ромодан. Не понимаю.

Дремлюга. Бросил село — под суд, в тюрьму. Тогда поймут.

Калина. Какую чепуху вы городите! Стыдно слушать.

Дремлюга. Не слушайте. А вот когда хлеба не будет в городе, другую песню запоете...

Ромодан. Интересно... Агрономов — судить... А что делать с теми, кто отвечает за плохую работу агрономов?

Дремлюга. Тоже судить!

Ромодан. Может, с них и начнем?..

Дремлюга. Можно. Взять для примера несколько районных начальников...

Ромодан (*перебивает*). Почему районных? Может, лучше с области начнем?.. Пример более яркий.

Дремлюга. Вы шутите, а я серьезно говорю.

Ромодан. Хотел бы пошутить, да разговор у нас не тот... Видно, мало верите вы, Гордей Афанасьевич, в нашу идейную силу, а больше в силу приказа, судов, милиции...

Калина (*к Ромодану*). Как в воду глядели...

Дремлюга. Идеи — это дело товарища Овчаренко. А я и вы головой отвечаем перед государством за урожай.

Калина. Не согласен!

Дремлюга. А вы всегда не согласны. Что бы я ни сказал — вы либо против, либо поправляете. Слишком уж у вас характер высокопринципиальный... Но, простите, мы к этому привыкли...

Овчаренко. Простите, Гордей Афанасьевич, но и я с вами не согласен.

Дремлюга. И вы?..

Овчаренко. Я никогда не думал, что вы так эмпирически рассматриваете явления нашей жизни. Если говорить философским языком...

Дремлюга (*перебивает*). Да что вы знаете! Вы лучше думайте о пшеничных зернах, а не о тех... как вы их, у черта, называете! — рациональных!.. Из них пирога не испечешь!..

Калина. Здорово, Гордей! Правду сказал.

Дремлюга. Видно, земля опрокинется: за два года впервые согласился со мной...

Калина. Не преувеличивай.

Ромодан. Слыхали, товарищ Овчаренко? Придется вам поехать почитать лекции на селе, присмотреться, как народ живет...

Овчаренко. Охотно. Но все-таки я считаю...

Входит Вернигора.

Ромодан (*здоровается с Вернигорой*). Что это вы, Кирилл Захарович, решили бороду отрастить?..

Вернигора. Виноват, Петр Александрович. Я за последние дни так закрутился с подготовкой к совещанию, что и побриться не было времени.

Ромодан. Никогда не думал, что вы променяете опытную станцию на канцелярию...

Вернигора. И я не думал. Но Гордей Афанасьевич забрал меня, и вот уж семь лет под его руководством бумаги переписываю.

Дремлюга. Именно, переписываешь... Какую директиву ни составит, приходится мне переделывать, да еще как!

Вернигора. У вас характер такой, что никто угодить не может.

Дремлюга. А характер у меня простой: не люблю болтунов — вот и все! *(Смеется.)*

Ромодан. Я знал Кирилла Захаровича до войны и такого за ним не замечал. Он был хорошим агрономом...

Дремлюга. А мне не агрономы нужны, а хорошие, толковые директивы! В сельском хозяйстве я и сам разберусь.

Ромодан. Прошу садиться.

Все садятся за стол для заседаний.

Кто будет докладывать?

Дремлюга. Товарищ Вернигора.

Ромодан. Прошу, Кирилл Захарович.

Вернигора *(встает, раскрывает папку)*. Подготовка к областному совещанию передовиков сельского хозяйства проходит неплохо. Проект решения и речи подготовлены. Гордей Афанасьевич все просматривал, сделал нам много замечаний. Мы все выправили. Вот проект решения. *(Раздает всем.)*

Ромодан. Не понимаю, о каких речах вы говорите?

Вернигора. Звеньевых, бригадиров, председателей колхозов — всех, кто будет выступать на совещании.

Дремлюга. Речи будут хорошие. Мы долго над ними работали.

Вернигора. Рассчитываем на тридцать пять выступлений. *(К Ромодану.)* Ваше будет тридцать шестым.

Дремлюга. Я звонил в Киев, там тоже выступило тридцать пять. В Одессе тоже было тридцать пять. Это, так сказать, норма...

Ромодан. Покажите мне несколько выступлений.

Вернигора *(подает)*. Прошу.

Ромодан просматривает.

Калина. На сколько дней рассчитываете?

Дремлюга. За два дня управимся.

Вернигора. Вряд ли. Ваш доклад — три часа с половиной. Да Петр Александрович, вероятно, выступит часа на два.

Дремлюга. Нужно еще речи сократить...

Вернигора. Мы их и так порезали...

Дремлюга. Делайте, что я говорю. Нам не болтовня нужна, а обязательства. Для этого много времени не нужно.

Калина. Это верно.

Ромодан. Кирилл Захарович, неужели все ораторы так одинаково думают?.. Вот послушайте, товарищи. Выступление доярки Христины Селезень. (*Читает.*) «Товарищи! Глубокий и содержательный доклад председателя облисполкома товарища Дремлюги совершенно верно раскрывает все недостатки нашей работы...» Другое выступление. Бригадир колхоза имени Первого мая товарищ Крига. (*Читает.*) «В содержательном и глубоком докладе председателя облисполкома нас критикуют остро, но справедливо!» А вот тракторист Омельченко. (*Читает.*) «С большой силой и глубиной в докладе председателя облисполкома товарища Дремлюги раскрыты все недостатки работы нашей МТС...» (*Перелистывает выступления.*) А вот, кажется, несколько иначе. Председатель колхоза Дударик. (*Читает.*) «Товарищи! Я счастлив, что здесь, на этом совещании, смог услышать такой глубокий и такой большой доклад председателя облисполкома товарища Дремлюги...» Дайте-ка мне оригинал выступления товарища Дударика.

Вернигора. Сейчас. (*Разыскивает, подает.*)

Ромодан молча читает.

Дремлюга. Вот эти предисловия следовало бы выбросить...

Вернигора. Вы же их читали, Гордей Афанасьевич, и ничего мне не сказали...

Овчаренко. Это легко сделать.

Ромодан. А ну-ка, товарищ Вернигора, читайте по абзацам выправленное вами выступление, а я буду читать оригинал. (*Подает.*) Читайте сначала.

Вернигора. «Товарищи! Я счастлив, что здесь, на этом совещании, смог выслушать такой глубокий и такой большой доклад председателя облисполкома товарища Дремлюги...»

Ромодан. Читаю оригинал. «Товарищи! Я хочу сказать на этом совещании о своей беде. Два года прошу районные организации и уже десять писем написал самому товарищу Дремлюге, чтобы нам прислали агронома, потому что наш колхоз после укрупнения имеет четыре с половиной тысячи гектаров. Хозяйство большое, а образование у меня — незаконченная церковно-приходская школа. Районные начальники отказали, а товарищ Дремлюга даже не ответил». (Вернигоре.) Читайте вы.

Вернигора. «Очень справедливо говорил докладчик, что мы не выполняем правил агротехники, потому у нас еще низкие урожаи. Наш колхоз берет на себя обязательство...»

Ромодан (перебивает). Минутку. (Читает.) «В нашем колхозе низкие урожаи, потому что мы не выполняем правил агротехники. Но как можно выполнять их, если наша МТС каждый год пашет мелко, а сеет поздно?..» (Вернигоре.) Это есть у вас?

Вернигора. Было, но... (Смотрит на Дремлюгу.)

Дремлюга. Дударик врет. Их МТС лучшая в области, все время премии получает...

Ромодан. Дударик врет... (Вернигоре.) Дайте мне оригинал речи Оксаны Коломиец.

Вернигора. Сейчас. (Подает.)

Дремлюга. Председатели колхозов привыкли всё валить на МТС.

Ромодан (молча читает). А вы, товарищ Овчаренко, читали эти выступления?

Овчаренко. Просматривал те, что выправлены. (Вернигоре.) Почему же вы мне не показали оригиналы?

Вернигора. Я вам показывал, но вы сказали, что у вас нет времени читать...

Овчаренко. Я такого не помню...

Ромодан (возвращает Вернигоре выправленное выступление Коломиец). Читайте с этого места.

Вернигора смотрит, молчит, достает платок, вытирает пот с лица.

Читайте. Может, вам воды дать?..

Вернигора. Нет, нет! (Тяжело вздохнул, читает.) «Критику мы признаем. Наша свиноферма славилась на всю область, а последний год мы сильно сдали. Беру на себя обязательство...»

Ромодан. Позвольте! (*Читает.*) «А почему мы сдали? Умер наш председатель колхоза. Мы хотели выбрать его брата, такого же честного и порядочного человека, хорошего хозяина. Да не тут-то было! Прислали нам из района пьянчужку Гарбуза, который уже три колхоза завалил. Мы его не выбрали. Тогда приехал секретарь райкома партии, созвал собрание, восемь раз выступал — и добился своего. Как сел Гарбуз на нашу шею, все пошло прахом. Просим Гарбуза с нашей шеи снять и поставить нам председателя, а иначе все люди разбегутся...» (*Дремлюге.*) И это вранье?

Дремлюга. Я звонил секретарю райкома, но он категорически возражает, что Гарбуз пьянствует. У него есть ошибки, но Гарбуз — человек заслуженный, много лет председательствует, а та, что пишет, Коломиец, была в Германии.

Ромодан. Ее что, Гитлер приглашал?

Дремлюга. Нет, ее вывезли на работу. Но должен вам сказать, что среди них есть весьма ненадежный элемент. Я ей не верю. И секретарь райкома тоже такого же мнения. Я вообще считаю, что ей не нужно давать слова. Я вам говорил, товарищ Вернигора?..

Вернигора. Да, но мне хотелось...

Дремлюга. Снять — и все!

Ромодан. А я за то, чтобы дать ей слово. Пусть скажет, что думает.

Дремлюга. А как же будет с авторитетом секретаря? Она же подкапывается под партийное руководство. Почему вы ей верите?..

Ромодан. А мы и секретарю дадим слово и Гарбуза вытащим на трибуну... И вас попросим выступить по этому поводу.

Вернигора. Я охотно.

Ромодан. Можем ли мы открывать совещание с такой подготовкой?.. Прошу высказаться.

Калина. Разрешите. Как-то один редактор шутя спросил меня: что такое телеграфный столб? Я в ответ: столб есть столб!.. А он и говорит: нет! Телеграфный столб — это отредактированная сосна. Так и с этими выступлениями получилось. Все живые ветви, всю правду вырезали и оставили одну столпонаду в честь председателя облисполкома. Такой метод подготовки надо осудить.

Ромодан. Кто еще хочет высказаться?

Овчаренко. Разрешите мне. Вся ошибка действительно кроется в методе... Я не стану говорить сейчас о том, что метод — это решающий фактор и в науке и в практике. Не стану говорить и о том...

Калина (*перебивает*). Очень хорошо. Вы за такое совещание?..

Овчаренко. Нет! Я согласен с вами. Все.

Ромодан. Кто еще? (*Пауза.*) Тогда разрешите мне. Я тоже считаю, что совещание надо отложить.

Дремлюга. На какой срок?

Ромодан. Пока не подготовим честно, без обмана. Ваш доклад я прочитал. Он такой же, как и вот эти выправленные выступления. Кого вы обманываете? Себя! (*Пауза.*) Я поеду к Дударiku, в МТС и к Гарбузу. Вам советую тоже поехать хоть на месяц, посмотреть партийными глазами, что делается в колхозах, МТС, а тогда писать доклад. Всем надо поехать.

Дремлюга. На месяц?! А на кого я облизполком оставлю?..

Ромодан. На Филиппа. У него исключительная память. Лучше вас будет передавать сводки в столицу.

Дремлюга. Если вы считаете, что меня может заменить Филипп, а доклад мой лживый, то я поеду. Только не в колхозы, а в Киев. На старости лет в брехунах ходить не желаю и никому не позволю издеваться над собой. (*Встал, отошел к стене.*)

Зазвонил телефон.

Ромодан (*взял трубку*). Слушаю... Киев?.. Кто?.. ЦК?.. Соедините. Слушаю... Здравствуйте... Хорошо, записываю... Так... Понимаю... Будет пленум в Москве?.. Так это же будет настоящий переворот в сельском хозяйстве... Напишу подробно... Что?.. Спасибо, чувствую себя хорошо... Как тут встретили меня?.. Нормально... Да... И товарищ Дремлюга, и товарищ Калина... Все хорошо встретили... Будьте здоровы! (*Положил трубку.*) Выходит, большинство за то, чтобы отложить совещание. Кроме товарища Дремлюги и товарища...

Вернигора. Я согласен с вами.

Дремлюга. Я тоже не против, если все так считают...

Ромодан. Очень хорошо. Тогда все. До свидания. А вы, товарищ Вернигора, оставайтесь, пожалуйста.

Все выходят, кроме Вернигоры. Ромодан подходит к Вернигоре, долго смотрит на него.

Вернигора (тихо). Я слушаю вас, Петр Александрович.

Ромодан. Кирюша... Что все это значит...

Вернигора молчит.

Если бы я не знал, какая светлая голова у тебя... Что с тобой случилось? Тебя же вся Украина знала!.. Тебя печатали в «Правде», с тебя пример брали агрономы... Кирюша, друг мой, кто тебя так искалечил?! (*Увидел слезы на глазах Вернигоры.*) Да-а... Не ждал такой встречи. Я не забыл, как мы вместе мечтали, как горячо ты доказывал, что плодородию земли нет пределов. Ты же меня, молодого секретаря райкома, заставил изучать Тимирязева, Вильямса, Мичурина! Ты же вложил мне в душу любовь к сельскому хозяйству!

Вернигора вытирает слезы, сел, опустил голову на руки.

А помнишь, как ты читал мне произведения римского ученого Колумеллы?

Вернигора. Не забыл...

Ромодан. Нет.

Вернигора. А я ничего вспомнить не могу. Нет уже Кирилла Вернигоры, нет... Жить не хочется. Бумажная душа перед тобой. Чинуша проклятый!.. Я понимаю, я виноват... променял за чин, за поломанный грош такую жизнь!.. Был когда-то у тебя товарищ Кирюша... был... Прощайте, Петр Александрович. (*Направляется к двери.*)

Ромодан. А как Марина живет? Здорова?

Вернигора. Спасибо, здорова.

Ромодан. Бери жену и сейчас приезжай ко мне. Сестра моя Варвара будет. Пообедаем вместе. (*Подходит к нему.*)

Вернигора (*едва сдерживая волнение*). Петр...

Ромодан. Друга в беде я никогда не оставлю. Приедешь?

Вернигора. Я же... (*Склонил голову на его плечо.*)

Появилась теплая улыбка на лице Ромодана.

Занавес.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Двор МТС. Вдали видны корпуса под черепицей, за ними — машины: тракторы, комбайны... А дальше бегут провода над буйно-зеленой плантацией сахарной свеклы. Слева — в садах — дома. На переднем плане, под старым дубом, на траве и на низеньких скамьях сидят трактористы, комбайнеры, председатели колхозов, служащие МТС. За столом — комбайнер МТС Марченко. Рядом, за другим столиком, стоит Овчаренко. Он держит в руках странички с лекцией. Заканчивая читать страничку, кладет ее на столик и, чтобы не сдул ветер, ставит на нее большой графин с водой. Видно, читает давно, потому что под графином много страничек, а воды в нем мало.

Овчаренко (*ни на кого не смотрит, читает*). «Однако всесторонние индивиды в коммунистическом обществе не будут владеть всеми специальностями. И при коммунизме будет разделение труда. Разрешите мне снова процитировать, что говорит по этому вопросу наш известный ученый, доктор философских наук товарищ Нудник. Цитирую из капитального труда товарища Нудника: «Основные черты коммунизма глубоко раскрыты с гениальной прозорливостью великим основоположником марксизма Карлом Марксом. Карл Маркс, как известно, учит...» Цитирую Карла Маркса из капитальной книги товарища Нудника...

Марченко. Простите, товарищ Овчаренко. (*Встал, обращается ко всем.*) Товарищи! К нам в МТС приехал

сам товарищ Овчаренко, чтобы прочитать лекцию. Мы пригласили на эту лекцию и председателей колхозов. А что же у нас получилось на сегодняшний момент? Товарищ Овчаренко (*смотрит на него, Овчаренко пьет воду*) не пожалели для нас воскресенья, очень внимательно читают нам уже два часа, в то время как, может, и их в воскресенье ожидают дома жена и детки, а отдельные товарищи в этот момент систематически спят, а Коровай Мефодий даже храпит...

Слышно, как храпит толстый Коровай.

Толкните его!

Голос с места. Толкали, не помогает!..

Марченко (*рассердился*). Так дерните его за усы, да так, чтоб в носу закрутило!..

Голос. Сейчас дернем.

Все смотрят на Коровая. Молодой тракторист дернул за усы. Коровай вскрикнул «га» и чихнул, потом протирает глаза и спрашивает громко: «Кончил?»

Марченко. Прошу слушать внимательно! (*Кладет звонок на стол, подходит к Овчаренко, подняв графин, наливает. Подул ветер, и две странички доклада полетели.*)

Коровай (*крикнул*). Держи! Лови!

Марченко. Призываю к порядку. Продолжайте, товарищ Овчаренко...

Овчаренко. Простите, я немного затянул лекцию. Я пропускаю несколько страничек...

Голоса с мест: «Ничего, ничего!..», «Катай, катай все...», «Наш директор до третьих пегухов говорит...», «Мы привыкли...»

Марченко. Тише! Молодежь, прекратите движение... Качан, ты куда?

Качан. Я сейчас...

Марченко. Успеешь, скоро перерыв. Садись! (*К Овчаренко.*) Прошу, товарищ Овчаренко!

Овчаренко. Итак, товарищи... (*Читает.*) «При коммунизме человек не будет иметь на себе родимых пятен капитализма, так калечивших индивид...»

Старая женщина. А от какой болезни те пятна?

Марченко. Вопросы потом.

Вошли Ромодан и Дударик. Они сели в стороне на колоде.

Овчаренко. «Не будет таких уродливых черт прошлого, как ревность, зависть, скупость, прибыль... При коммунизме не будет денежного обмена. Не будет рынков с присущими им законами рыночной цены.... Не будет государства... Не будет армии... Не будет...»

Коровай. Простите, товарищ лектор, а что будет?

Овчаренко. Я вас не понимаю. Что вы хотите сказать?..

Качан. Не перебивайте, и без того затянули.

Коровай. Ну, к примеру, как будет при коммунизме с трудовыми?

Старая женщина. Ага, сколько будут давать?

Овчаренко. Трудней при коммунизме не будет!..

Старая женщина (*удивленно*). Не будет?

Коровай. А что же будет?

Овчаренко. Будет особая форма удовлетворения потребностей населения.

Коровай. А что ее, ту форму, на килы будут выдавать или деньгами?

Смех.

Молодой тракторист. Будет так... от каждого по способностям и каждому по потребностям. Ясно?

Коровай. Ясно. Все будут получать одинаково.

Вишнево́й. Ну, нет. При полном коммунизме уравновески не будет.

Коровай. А ты откуда знаешь?

Вишнево́й. Прочитал у товарища Ленина.

Коровай (*к Овчаренко*). Это верно?..

Овчаренко. Верно.

Трактористка. А когда у нас ясли будут? Наш директор третий год обещает... Малышей не на кого оставить!..

Голос. У тебя свекровь есть, пусть смотрит!..

Трактористка. Твое какое дело! Свекровь не хочет, она в драмкружке играет.

Ольга. А что будут с пьяницами делать?

Голос. По потребностям водку им давать.

Ольга. А чтоб они не дождался!..

Смех. Шум.

Чтоб их теперь черти взяли!

Марченко. Ольга, прекрати конкретные выражения, когда говорят о будущем.

Коровай. А МТС будет за урожай отвечать?

Марченко. Когда?

Коровай. Теперь.

Марченко. Товарищ Коровай, во время лекции вы храпели, а теперь своими вопросами в неловкое положение лектора ставите. Товарищ про полный коммунизм говорит, а мы с вами еще на его пороге сидим

Коровай (*рассердился*). А мне надоело сидеть на пороге! Я хочу в полный перелезть, потому и спрашиваю...

Голоса: «Правильно! Правильно!»

Дударик. Коровай правду говорит. Я тоже хочу спросить, будут ли при коммунизме такие директора МТС, как наш Иван Иванович Соха?

Марченко. Товарищ Дударик, ваш вопрос тоже не ко времени... Товарищ Соха премии получает, и снять его никто не может...

Голос. А где товарищ Соха?

Марченко. По делам МТС...

Голос. На уток поехал?

Марченко (*звонит*). Призываю к порядку! Товарищ Овчаренко, сразу будете отвечать или позже, когда лекцию закончите? Товарищи, прекратите движение. Качан, садись!

Овчаренко. Товарищи ставят вопросы интересные, но они не имеют прямого отношения к моей лекции. Я заканчиваю. (*Начинает читать*.) «В своем капитальном труде товарищ Нудник блестяще доказывает, что когда человечество...»

Марченко. Качан, садись!

Качан. А перерыв будет сегодня?

Марченко. Потерпи еще немного. (*К Овчаренко*.) Прошу.

Ромодан (*подходит к Овчаренко*). Простите, Гавриил Онуфриевич. Как раз вопросы товарищей имеют непосредственное отношение к вашей лекции. Ведь будущее рождается в сегодняшней жизни.

Марченко. А вы кто будете?

Дударик (*с подъемом*). Это новый секретарь обкома партии Петр Александрович Ромодан.

Все встают и горячо аплодируют.

Ромодан. Очень вас прошу: не вставайте и не аплодируйте. Я тут еще ничего путного не сделал.

Все засмеялись, а Коровай стал аплодировать. Ромодан смотрит на него.

Коровай. Простите, это я авансом, уж очень я желаю вам успеха.

Ромодан. Спасибо.

Марченко. Просим вас сюда, садитесь, пожалуйста, в президиум.

Слышно — подъехала машина. Все смотрят в ту сторону.

Ромодан. Нет, нет, я здесь... (*Садится среди трактористов.*)

Марченко. Наш директор товарищ Соха приехали.

Слышен собачий лай, а потом немного хриплый, но могучий бас директора: «Тарзан, Тарзан, назад! Назад, Тарзан!.. Вот дьявол!.. Я тебе дам! Чтоб ты сдох, проклятый!» Входит Соха. В руках — ружье, сумка и два кулика.

Соха (*издали*). А что это тут происходит?

Марченко. Лекцию слушаем. Просим.

Соха. А как же это вы, товарищ Марченко, без меня лекцию начали?..

Марченко. Вы же на уток поехали...

Соха. А-а... (*Смотрит на Ромодана*). А вы из министерства?

Марченко. Товарищ Ромодан, секретарь...

Соха. Не может быть! Простите, я даже представить себе не мог, что вы к нам приедете. (*Здоровается.*) Мы очень рады... очень! Что ж вы не позвонили, не предупредили?..

Ромодан. Не хотел вам охоту перебивать...

Соха. Да какая здесь охота! Не было лёта совсем. (*К Марченко.*) Давно начали?

Марченко. Часа три тому...

Соха. Так что ж, товарищ Ромодан, пойдем ко мне, поговорим... А вы продолжайте.

Ромодан. Тут к вам вопросы есть.

Соха. У кого?

Ромодан. У товарищей.

Соха (*ледяным тоном*). Ну, ну, давайте. Кто мне вопросы задает?..

Тишина, никто не отвечает.

Нет вопросов? Нет!

Ромодан. Тогда у меня есть. Скажите, товарищ Соха, ваша МТС за урожай отвечает?

Соха. Целиком и полностью.

Ромодан. Товарищ Дударик, какой у вас был урожай озимой пшеницы?

Дударик. Десять центнеров с гектара. А в этом году — девять.

Ромодан (*Коровую*). А у вас?

Коровай. Одиннадцать, а нынешний год — двенадцать.

Соха. А, так это вы, голубчики, жалуетесь?!. Тогда мне ясно... Товарищ Вишневой, какая у вас пшеничка?

Вишневой. Двадцать три центнера.

Соха. А у вас, товарищ Скиба?

Скиба. Двадцать пять.

Соха. Слыхали, товарищ Дударик?..

Дударик. Спрашивайте дальше. Вот сидят председатели колхозов, спрашивайте их.

Ромодан (*Сохе*). Какое у вас образование?

Соха. Незаконченное среднее.

Ромодан. А кто вы по профессии?

Соха. Кто? (*Пауза.*) Я... директор, много лет...

Ромодан. А где главный агроном?

Соха. Отдыхает дома, он в райцентре живет...

Ромодан. Сколько у вас агрономов с высшим образованием?

Соха. Один и два практика.

Ромодан. На одиннадцать колхозов!.. Трудно вам работать...

Соха. Трудно. Но мы из года в год все планы работ выполняем.

Дударик. А что толку! Вы скажите, кто виноват, что у нас пять колхозов на ноги не могут встать?..

Соха (*обращается к Ромодану*). Как же оно получается? За Дударика отвечает Соха, за Коровая — тоже Соха, за все директивы — Соха...

Ромодан. Какие директивы?

Соха. Ежедневно я получаю вот таких *(показывает)* сорок, пятьдесят распоряжений, директив, а сколько телефонограмм и телеграмм из района, области, министерства... Пишут такое, что и разобрать невозможно. И на все я должен немедленно ответ дать. Да разве есть хоть один министр, у которого была бы такая нагрузка, как у меня?.. Все отвечать должны: и снизу, а еще больше — сверху.

Ромодан. Это правильно. Отвечать должны все...

Дударик. Товарищ Соха любит только всех поучать, да такими словами, что из нашего района даже все грачи поулетали — не выдержали его голоса. Разрешите и мне процитировать — не из книги, а по памяти: «Кадры решают все». И от себя добавить: какая руководящая кадра — такие и дела.

Ромодан. А сколько у вас коммунистов?

Марченко. Тут почти все коммунисты и комсомольцы.

Ромодан. Соха Сохой, а как же вы работаете, товарищи члены партии — честь, слава и гордость народа, как называл коммунистов великий Ленин? Неужели и дальше так жить будем?.. *(Пауза.)* Как вы считаете, товарищ Соха?

Соха. Я два раза просил, чтоб меня освободили с поста директора. Говорят — кричу на людей. А почему кричу? Потому что трудно мне. А дайте мне тракторную бригаду — и я лучшему трактористу на пятки наступлю!

Ромодан. Поможем вам, товарищ Соха. А что вы скажете, Гавриил Онуфриевич?

Овчаренко молчит. Ромодан улыбнулся.

Что говорит по этому поводу философ Нудник?..

Овчаренко. Он такие вопросы не рассматривает.

Ромодан. Не рассматривает... Ну, а вы что скажете?..

Овчаренко. Я готовился к лекции о полном коммунизме, все это для меня так неожиданно...

Ромодан. Коммунизм — это не цитаты, а живое, бессмертное сердце народа, наша замечательная жизнь, наша страстная борьба! Вы же знаете, как Владимир Ильич ненавидел начетчиков!..

Овчаренко (*растерянно*). Да, да... знаю... Наизусть знаю. У меня есть даже эта цитата в лекции...

Ромодан. Боюсь, что легче нам будет во все МТС дать хороших директоров, инженеров, агрономов, чем одолеть в душе некоторых наших пропагандистов товарища Нудника...

Соха. Пойдемте, товарищ Ромодан, я покажу вам наше хозяйство.

Ромодан. С радостью.

Идут.

Овчаренко. И я с вами.

Качан. Закончили?..

Овчаренко. Закончил!

Качан аплодирует. Ромодан вместе с народом уходит. Овчаренко собирает странички. К нему подходит Коровай, взял графин, смотрит. Овчаренко уходит. Коровай хочет налить в стакан воды, но графин пустой. Издалека слышна гармонь, веселая песня.

Коровай. Такой графин воды выпил! И три часа подряд без перерыва про ученого Нудника рассказывал... А сколько же сам Нудник пьет и говорит?!. (*Покачал головой.*)

Песня нарастает.

Занавес.

КАРТИНА ВТОРАЯ

Небольшая комната. У одной стены — диван. Над ним — полтавский ковер. Возле дивана — круглый столик. На нем — бутылка вина, бокалы, фрукты. У другой стены — два кресла. Между ними — большая стоячая лампа под зеленым абажуром. Справа и слева — двери. У стены, что перед нами, стоит пианино. Большое окно открыто в сад.

На стенах — маленькие пейзажи и несколько фотографий Анны с Лидой. Вечер. Горит стоячая лампа. У пианино — Лида. Она только что начала играть «Лунную сонату» Бетховена. Входит Катерина. Лида ее не замечает. Катерина сняла плащ, села на диван. Слушает сонату. Лида перестает играть. Она склонилась на пианино, закрыла лицо руками.

Катерина (*встала, тихо*). Лида...

Лида (*повернулась*). Катерина Степановна... (*Украдкой вытирает глаза.*) А я и не слышала, как вы зашли...

Катерина (*подходит к ней*). Что с тобой, Лида?
Лида. Ничего, это я так... (*Улыбнулась.*) Меня всегда волнует эта соната Бетховена. В ней целое море человеческих чувств. И нет им ни дна, ни берегов... Особенно это место... (*Берет аккорды.*)

Катерина (*встала возле пианино, смотрит на Лиду*). Рано... рано, Лида. «Лунная соната» больше волнует людей, которые хотят догнать молодые годы, а караван уходит все дальше и дальше от них... Когда в сердце...

Лида. Что?

Катерина. Была не одна рана. А тебе ведь всего восемнадцать лет...

Лида. А если ребенка ударят в самое сердце...

Катерина. Ребенка можно только обидеть, но за конфету он все забудет.

Лида. Вы так думаете?

Катерина. У тебя сегодня как-то странно глаза блестят. Ты не больна?

Лида. Нет, нет!

Катерина. А может, ты... (*Улыбнулась.*)

Лида. Нет! Этого не будет никогда. Я буду любить только музыку!..

Катерина. Не зарекайся. Я тоже когда-то так говорила и не заметила...

Лида. У каждого своя судьба. Я буду с мамой всю жизнь...

Катерина. И маме твоей надо выйти замуж. Она еще молодая, красивая...

Лида. А почему вы не выходите?

Катерина. Почему? (*Пауза.*)

Лида. Вы моложе мамы... Почему?..

Катерина. Не смотри так... Скажу правду... Когда встречу такого... (*Улыбнулась.*)

Лида. Орла?..

Катерина. Нет.

Лида. Сокола?..

Катерина. Пернатыми я увлекалась в твои годы. Когда встречу человека, который знает, что такое горе... Где мама?

Лида. Пошла к парикмахеру.

Катерина. Я вижу, вы кого-то ожидаете? Не к тебе ли сокол летит?..

Л и д а. Нет. К маме должен прийти ее старый знакомый...

К а т е р и н а. Тогда я пойду.

Л и д а. Он не скоро придет. Садитесь. Мама просила, чтобы вы подождали.

К а т е р и н а. В какую консерваторию думаешь поступать?

Л и д а. В Одесскую.

К а т е р и н а. А почему не в Киевскую?

Л и д а. В Одессе море. А если не примут, поступлю к рыбакам в артель.

К а т е р и н а. Что?!

Л и д а. Не верите? Я могу еще не такое выкинуть. Махну на Курильские острова либо на Камчатку — и все...

К а т е р и н а. Эх, ты! (Обняла ее.) А говорила, что всю жизнь... (Удивленно.) Лида!..

Л и д а. Что?!

К а т е р и н а. У тебя слезы на глазах... Что с тобой?..

Лида села на диван, закрыла лицо руками. К ней подошла Катерина.

Успокойся, Лида... Что случилось?..

Л и д а. Сегодня у меня такой день... Маме не скажете, что я плакала? Слово?..

К а т е р и н а. Слово.

Из другой комнаты голос Анны: «Лида!»

Л и д а. Я, мама. (Тихо.) Идите к ней.

Катерина уходит к Анне. Лида встала, вытирает глаза. Подошла к пианино, играет. Входят Анна и Катерина.

А н н а. Извини, что опоздала. Садись...

Лида идет в другую комнату.

А ты куда?

Л и д а. лягу, у меня что-то голова немного болит. (Выходит.)

А н н а. Извини, Катя, я не смогу пойти в парк. Жаль, так хотелось послушать Пятую симфонию, но не смогу. Приехал один мой старый знакомый, позвонил, что придет... Отказать не могла...

К а т е р и н а. Ну, что ж, пойду одна. А ты тут послушаешь. От вас все слышно, что в парке делается...

А н н а. Слышно, а когда ветер в нашу сторону, то кажется, что в парке сидишь...

К а т е р и н а. А может, Лида пойдет?

А н н а. Нет, Лида должна быть дома... Как с нашим строительством? Есть ответ?

К а т е р и н а. Есть, и какой! Вчера я была у своих на даче и случайно встретила с Ромоданом. Сказал, что говорил с министром, все получим и к декабрю закончим.

А н н а. Это хорошо.

К а т е р и н а. Годами обивала я пороги начальства и тут и в Киеве, а он за две недели все сделал. Человек слова. Повезло нам...

А н н а. Повезло...

К а т е р и н а. Как хорошо, что его сюда прислали! Вчера мы говорили несколько часов...

А н н а. С ним?

К а т е р и н а. Да. Сидели под липой возле того столика, помнишь, где познакомились?..

А н н а. Помню... И какое он произвел впечатление на тебя?

К а т е р и н а. Глубокий, интересный человек. Говорили на различные темы... Но я почувствовала в нем какое-то беспокойство. Трудно сказать, что именно, но, думаю, какое-то большое горе он пережил...

А н н а. Горе...

К а т е р и н а. Да. У него такие удивительные глаза... Уже седина пробивается, а глаза — как у ребенка: открытые, чистые, будто сразу весь мир хотят увидеть... Мне кажется, что я его давно-давно знаю... Словно простились много лет назад, и вот он снова возвратился из какой-то далекой страны...

А н н а. Катерина, я не узнаю тебя... Катя... *(Смотрит на нее.)*

Пауза.

К а т е р и н а. И я не узнаю себя, Анна. *(Встала, подошла к стене, сняла гитару; садится на диван, перебирает струны, напевает без слов.)*

А н н а. Ты откуда знаешь эту песню?

К а т е р и н а. Его любимая песня... Какие хорошие слова! Послушай!..

Ой, піду я лугом,
Лугом-долиною,
А чи не зустрінусь
З родом-родиною.

Ой, там моя сестра
Пшениченьку жала,
Сказав я їй «здрастуй»,
Вона промовчала...

А н н а (*тихо*). Не надо... Я не люблю эту песню. Прости, Катя...

К а т е р и н а. Не любишь?

Входит Ромодан. Катерина встала.

Вы?!

Р о м о д а н. Я. А почему вы так удивились? Добрый вечер!

А н н а. Добрый вечер, Петр Александрович. Прошу, садитесь.

Из другой комнаты выбежала Лида. Остановилась в дверях. Она чрезвычайно возбуждена.

Р о м о д а н. Лида!.. (*Идет к Лиде.*)

Л и д а. Не подходите! Я вас не знаю. Слышите? Не знаю! (*Подходит к Анне.*) Мама, держись... держись... (*К Катерине.*) Вы сказали, что только взрослых ранят, а детей — нет. Спросите у него, спросите!..

А н н а. Лида!

Л и д а. Это мой отец! Бывший...

К а т е р и н а. Что?!

Л и д а. Отец... Какое святое слово — «отец»! Все спрашивают: где, где твой отец?!. А сказать не можешь, стыдно... (*Выбежала из комнаты.*)

Анна пошла за ней в другую комнату. Ромодан подошел к креслу, сел. Катерина смотрит на него. Большая пауза. Выпала гитара из рук Катерины. Входит Анна. Подошла к Катерине, подняла гитару.

А н н а. Катя, возьми Лиду к себе... Катя...

К а т е р и н а. Хорошо. (*Вышла.*)

Из парка доносятся звуки Пятой симфонии Чайковского. Анна закрыла окно, подходит к Ромодану.

А н н а. Узнаешь? *(Показывает гитару.)*

Ромодан не отвечает. Анна положила гитару на диван. Села.

Прости, я не думала, что Лида так тебя встретит...

Ромодан. Она знала, что я приду?..

А н н а. Да. У тебя усталый вид.

Ромодан. Много ходил по полям...

А н н а. В районе был?

Ромодан. Вчера вернулся.

А н н а. Как теперь на селе живут?

Ромодан. По-всякому. Есть — живут хорошо, а есть — и плохо. Завтра вылетаю в Москву.

А н н а. Зачем?

Ромодан. На Пленум ЦК вызывают.

А н н а. Разве ты член ЦК?

Ромодан. Нет. Всех секретарей обкомов вызывают.

А н н а. Может, рюмку вина выпьешь?..

Ромодан. Налей.

Анна наливает, у нее дрожит рука.

А н н а. Пролила... Прошу... *(Подает.)*

Ромодан *(взял)*. А тебе я налью... *(Встал, налил, подает бокал.)* Твое здоровье, Анна, и здоровье Лиды. *(Чокаются.)*

А н н а. Твое здоровье, Петр... *(пьет.)*

Ромодан. А красивой стала Лида...

А н н а. Так плохо все получилось...

Ромодан. Зато честно и искренно. Я этого ждал. Как же ты живешь?

А н н а. Теперь хорошо. Работаю в больнице. Меня уважают. Лида отлично закончила музыкальную школу, осенью поедет в Одессу. Думаю, что примут в консерваторию. Так и живем...

Ромодан. Почему ты не ответила мне ни на одно письмо? Почему отказалась от денег? Я же отец Лиды...

А н н а. Сперва о письмах. Я не хотела тебе отвечать. А деньги... Когда я вышла из тюрьмы, люди помогли мне устроиться на работу. Моих заработков нам хватало. Как видишь, выросла неплохая девочка. Умница, способная. Это она сегодня так. Но поверь...

Ромодан. Я понимаю...

А н н а. Не стоит вспоминать, что было. Себя волновать и тебя. Все прошло. Правда победила. Даже тот, кто угрожал мне концлагерем, сидит теперь в тюрьме, после ареста Берия.

Р о м о д а н. Я понимаю: трудно тебе говорить, и мне нелегко слушать. И все-таки молчать труднее. Говори, Анна.

А н н а. Что же говорить? Когда ты вернулся с фронта и тебе начальник МГБ показал сфабрикованные на меня документы, будто я во время оккупации была связана с немцами, ты не заступился за меня, а сказал, чтобы проверили, и сразу поехал в Киев...

Р о м о д а н. Меня вызвали в ЦК. Я должен был поехать.

А н н а. Знаю. Ну, а как меня проверяли... (Пауза.) Хорошо, что люди не побоялись, заступились за меня. Разыскали тех, кого я спасла от фашистской неволи. Ты же знал меня с детства, вместе росли, потом поженились... все знал... а усомнился... а может, и не поверил...

Р о м о д а н. Когда я узнал, что тебя арестовали, я просил за тебя, делал все, что мог. Когда я понял, что у тех, кто состряпал дело о тебе, правды не найду, пошел к секретарю ЦК. Рассказал ему все, и, если бы он не вмешался, еще неизвестно, что тогда было бы с тобой и со мной...

А н н а. Петр! Ты просил, боролся за меня?!. Я не знала... (Пауза.) Спасибо. И все-таки, Петр, ты должен понять, что было в моей душе. Ведь ты не поверил... не поверил... В моем сердце уже нет обиды. Оно окаменело тогда.

Р о м о д а н. Ты говоришь правду. Тогда моя вера в тебя пошатнулась. Время было такое. Я знаю, это не оправдание... За эти годы я столько перенес, до смерти не утихнет боль... И сейчас такие ночи бывают...

А н н а. Не надо, Петр...

Р о м о д а н. Прости, что вырвалось... Не об этом я хотел тебе сказать. Анна, я понял, скоро понял, что тот, кто не верит самому близкому другу, что бы о нем ни говорили, тот не может верить никому. Я это понял, но было уж поздно. Ты возвращала мне нераспечатанные письма... (Пауза.) Сколько зла, боли, слез принесло людям недоверие, которое сеяла эта банда!

А н н а (*тихо*). Изранили, изранили и малых и больших людей.

Р о м о д а н. Анна...

А н н а. Никогда больше не вернется этот страшный сон.

Р о м о д а н. Никогда... Анна... (*Подходит к ней.*)
Анна...

А н н а (*встала*). Иди, Петр, скоро Лида вернется.
Мне бы не хотелось...

Р о м о д а н. Хорошо.

А н н а. Петр, я простила тебя, это правда. Но... иди.
У меня такое сердце теперь, что... Иди.

Р о м о д а н. Будь здорова, Анна. Поцелуй Лиду.

А н н а. Хорошо. Будь здоров, Петр.

Ромодан уходит. Анна подошла к окну, открыла, и в комнату полились звуки оркестра, конец Пятой симфонии. Анна стоит минуту у окна, повернулась, медленно подходит к дивану, упала на него и тихо зарыдала.

З а н а в е с.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Парк. Терраса дачи Ромодана. На террасе — стол, плетеные стулья. Недалеко от террасы, за столиком под старой липой, сидят Ромодан, Вернигора, Калина, Роевой и Овчаренко.

Ромодан. Говорил я вам, что будет постановление ЦК и Совета Министров Украины... Поддержали наши предложения...

Роевой. Не ждал... Так скоро...

Ромодан. Не затягивайте с документацией, чтобы до зимы начать строительство завода.

Роевой. Не затянем.

Ромодан. Все у вас?

Роевой. Все. Когда вам врачи разрешают приступить к работе?

Ромодан. Обещают через неделю. Но я завтра буду в обкоме.

Калина. Нельзя.

Ромодан. Я уже вчера доклад делал.

Калина. Ну, вот и хуже стало.

Роевой. Что вы! После такой операции не слушать врачей...

Калина. Ох, и вредный же ты, Роевой!.. Советуешь слушаться врачей, а сам ежедневно полпортфеля тащишь сюда: и теплицы, и водопровод, и рамы для парников, и школы...

Роевой. Так мы же вместе...

Ромодан (*к Вернигоре*). А ты, Кирилл, помолодел... и загорел — на цыгана стал похож.

Вернигора. За это короткое время я объездил больше колхозов, чем за прошедших три года...

Ромодан. Молодец! Да, вы знаете, Кирилл просится директором МТС. А я протестую. Пусть сначала поедут агрономы, которые сидят в аппарате Дремлюги.

Вернигора. Ты же сам говорил мне...

Ромодан (*перебивает*). Говорил, когда ты утопал в чернилах и бумагах. А теперь, когда душа твоя снова молодой стала, тебе из облизполкома нельзя уходить. Не так ли, Евгений Максимович?..

Калина. Согласен.

Вернигора. Надоело мне в чиновниках ходить!..

Калина. А ты не ходи. Не государственный аппарат превратил вас в чиновников и бюрократов. Сами насорили — сами и выметайте. Да поскорее, пока вам похорошему советуют.

Ромодан. Слышишь?

Вернигора. Слышу...

Ромодан. А что скажет Гавриил Онуфриевич?

Овчаренко. Я согласен. Советский аппарат, как говорил...

Ромодан. ...в своем капитальном труде товарищ...

Овчаренко. Как раз ошиблись. Я его уже не цитирую. Я согласен, товарищи, что в советском аппарате должны работать такие опытные люди, как Вернигора.

Вернигора. А сам уезжаешь...

Овчаренко. Уезжаю. Еду работать над диссертацией.

Роевой. Счастливой дороги и попутный ветер.

Овчаренко. Спасибо.

Ромодан. От работников МТС и от меня передайте товарищу Нуднику привет и наше пожелание, чтобы он перестал стричь цитаты. Больше бы работал головой, а не ножницами...

Роевой. Разрешите вас завтра провести?..

Ромодан (*улыбнулся*). По вопросу электростанции?..

Роевой. Да...

Вернигора. Есть у меня мысли...

Овчаренко. У меня есть один методический вопрос.

К а л и н а. Это на бюро.

Р о м о д а н. Приходите в обком во второй половине дня, потому что с утра я буду с Евгением Максимовичем дела делить.

В е р н и г о р а. Как?

Р о м о д а н. Товарища Калину утвердили вторым секретарем обкома. Прошу любить и жаловать...

В е р н и г о р а. Поздравляю вас! (*Жмет руку Калине.*)

К а л и н а. Доктор идет!

Р о м о д а н (*весело*). Прячь бумаги и портфели!.. Вон туда... Так. Начали песню.

Все поют «стойть гора високая...»

Входит К а т е р и н а. Смотрит на всех, появилась улыбка на ее лице.

К а т е р и н а. Снова заседали?..

Из дачи выходит В а р в а р а.

К а л и н а. Что вы! Мы пришли проведать больного. Видите, сидим, песни поем...

К а т е р и н а (*строго*). И давно поете?..

В а р в а р а. Давно, давно...

О в ч а р е н к о. Не так, чтобы очень давно...

К а т е р и н а. Я вижу. Вид у вас усталый. Категорически запрещаю вам петь в этом хоре!

Р о м о д а н. Вот так она разговаривала со мною, когда я лежал на операционном столе. Не сердце у вас, а камень...

В а р в а р а. Петро, ты бы лучше поблагодарил Катерину Степановну за то, что операция прошла хорошо.

Р о м о д а н (*взял ее за руку*). Катерина Степановна, большая и красивая сила в вашей душе... И золотые руки. От всего сердца спасибо вам.

К а л и н а. А ну, капелла, поднимайся. Нас тут не признают...

Р о м о д а н. Посидите.

К а т е р и н а. Принесла вам ваши осколки...

Подает, все смотрят.

К а л и н а. Неужели вы их не ощущали?

Р о м о д а н. Я во время Пленума ничего не ощущал. Да меня там каждую минуту и в жар и в холод бросало... Да разве меня одного! Такую правду жизни,

такую силу нашу раскрыл Пленум... Мне там не раз казалось, что я лечу надо всей нашей землей... Боль я почувствовал, только не в легких, а в сердце...

К а т е р и н а. Петр Александрович, вам вредно волноваться... Вижу я, много вы тут песен пропели...

Калина, Роевой, Вернигора и Овчаренко идут к кусту, берут портфели.

Будьте здоровы.

Р о м о д а н. Я провожу вас.

К а т е р и н а. Простите, я на минутку задержу Петра Александровича. Мы догоним...

К а л и н а. Пожалуйста.

Все уходят.

К а т е р и н а. Простите, Петр Александрович, это дело ваше... семейное. После операции, когда вы еще не пришли в себя от наркоза, к вам подошла Анна. Она стояла около вас несколько минут. Я никогда в жизни не видела в таком состоянии человека... Я сама не так давно пережила большое горе... И как хирург тоже видела немало человеческих страданий. Но такой скорби, такой печали в глазах я никогда... *(Пауза.)* Это все, что я хотела вам сказать.

Р о м о д а н. Спасибо. *(Пауза.)* Что с вами, Катерина Степановна?!

К а т е р и н а. Простите... и я разволновалась... А мне не положено. Моя профессия не позволяет... А это потому, что я люблю... люблю и Лиду и Анну... А где была Лидка, когда арестовали Анну?..

Р о м о д а н. У меня. Но когда Анну выпустили, она забрала Лиду и даже не пожелала встретиться со мною. Оставила записку... три слова... И все...

К а т е р и н а. Я так понимаю вас! Я верю, она будет с вами...

Р о м о д а н. Верите, Катя?.. *(Взял ее за руку, смотрит в глаза.)*

К а т е р и н а. Иначе быть не может. Вы...

Пауза... Слышен голос Калины: «Петр Александрович!»

Пойдемте, вас зовут...

Катерина и Ромодан уходят.

Из глубины парка появляется Самосад. В руках у него книжечка. Он читает, подчеркивает карандашом.

Самосад. Ага. (*Читает.*) «К числу таких причин относится прежде всего нарушение в сельском хозяйстве принципа материальной заинтересованности работников в развитии производства, в увеличении его доходности — одного из коренных принципов социалистического хозяйствования». Принцип тут, и тут принцип... Тоже правильно. (*Перелистывает страничку, читает.*) «Завышенные нормы поставок продуктов с приусадебного хозяйства, имевшиеся у нас недостатки в налоговой политике в отношении личного хозяйства колхозников привели к сокращению поголовья коров, свиней и овец в личной собственности колхозников. Такое положение не только ущемляет интересы колхозников, но и ведет к извращению природы артельной формы колхозов...». И это весьма авторитетно сказано!.. (*Подчеркивает. Молча читает дальше.*)

На аллее появляются Дремлюга с удочками и Терещенко с корзинкой в руках.

Дремлюга (*издали*). Самосад!

Самосад не отвечает.

Терещенко. Самосад!

Самосад спрятал книжечку, опустил голову на руки, мечтательно смотрит вдаль. Дремлюга и Терещенко подходят ближе к столику, смотрят на Самосада, который не обращает на них внимания.

Дремлюга. Оглох?

Самосад молчит.

Оглох, спрашиваю?

Самосад. Кого?

Дремлюга. Тебя.

Самосад. Нет.

Дремлюга. А чего ты молчишь?

Самосад. Задумался...

Терещенко. Задумался? (*Смеется.*) А о чем же ты думаешь?

Самосад. Думаю, по какому принципу мне дальше жить.

Дремлюга. Что такое?

Самосад (*вынул книжечку*). Прочитал я эту книжечку, и душа моя улетела в родные степи черноморские.

Терещенко. А ну, покажи, что это за книжечка...
Самосад (*прячет*). Не поймете.

Дремлюга. Ого! Неужели ты думаешь, что Федор Гаврилович глупее тебя?

Самосад. Это не главная причина.

Дремлюга. Что?!

Терещенко. Да у него опять в голове что-то перевернулось...

Самосад. А у вас опять флюс... О, да еще какой! И где это вас снова так продуло?

Терещенко взялся рукой за щеку.

Терещенко. В командировке простудился.

Самосад. И как бывает природа несправедлива... Бьет человека в одно и то же место, куда б он ни поехал. Наотмашь бьет... Разукрасит так, что смотреть противно... А за что? Авторитетный вопрос.

Терещенко. Очень уж ты философствовать стал.

Дремлюга. А может, ты выпил?..

Самосад. Нет, сухой, как это удилище...

Дремлюга. А ну, философ, давай червяки!

Самосад. Нету.

Дремлюга. Как — нету?..

Самосад. Не нашел. Копал, копал — только два осколка от снаряда выкопал да кость человеческую. Чья она?

Терещенко. Здесь их много, линия фронта проходила... Жаль, что не накопал червяков...

Самосад. Закопал я ее поглубже и посадил цветы на том месте... Чья она?

Дремлюга. Что ж, Федя, будем на хлеб ловить. Вечером на хлеб еще лучше берет.

Терещенко. Мелкая очень склевывает хлеб. Это муки, а не ловля.

Самосад. Да разве вы будете ловить, когда у вас из корзины белая головка выглядывает?..

Дремлюга. Увидел! (*Смеется.*) Приходи на берег, угостим.

Самосад. Спасибо, не приду. (*Берет ведро, лопату и уходит в парк.*)

Дремлюга и Терещенко идут к реке. Возвращаются Ромодан и Варвара.

В а р в а р а. Ты так побледнел, Петро. Может, приляжешь?..

Р о м о д а н. Это тебе показалось. Я хорошо себя чувствую. Завтра на работу. Может, ты отдохнешь?..

В а р в а р а. Нет, мне пора, Петро, домой. Завтра рано вставать.

Р о м о д а н. На работу?..

В а р в а р а. На поезд. Завтра уезжаю отсюда.

Р о м о д а н *(радостно)*. На село, домой?..

В а р в а р а. Да, Петро. Сбылось то, о чем я по ночам думала. Теперь мое место на поле, там я больше сделаю. Но науку в городе не забуду. Спасибо рабочим: они научили меня не только строить, но и шире на жизнь смотреть.

Р о м о д а н. Вот за это я тебя расцелую, сестра... *(Обнял, поцеловал.)*

В а р в а р а. Скоро ты услышишь обо мне. В будущем году снова будет стоять моя кукуруза и у тебя, и в Киеве...

Р о м о д а н. Верю.

В а р в а р а. Одно тебе скажу на прощанье.

Р о м о д а н. Что, Варвара?

В а р в а р а. Решения большие, солнечные... Но и солнце могут закрыть тучи, если про людей забудешь. Ты приголубь человека, приголубь — и он горы перевернет!.. Заменяй негодных и смело поднимай еще слабых, но способных — и будешь ты тысячеруким в каждом селе... Будь здоров, брат... Приезжай в родное село.

Р о м о д а н *(тихо)*. Спасибо за доброе слово. Приеду.

В а р в а р а *(провела ладонью по его голове)*. Как бы я хотела, чтоб ты не сдин был...

Р о м о д а н. Я уже привык...

В а р в а р а. Не говори так. К этому человек привыкнуть не может. Не обкрадывай свою душу... Ищи дорогу — и найдешь... Прощай, брат.

Р о м о д а н. Прощай, сестра. Я провожу тебя к машине.

Сходят с террасы. Ромодан взял Варвару под руку, идут в парк. С другой стороны парка появляются Дремлюга и Терещенко.

Т е р е щ е н к о. Не повезло нам сегодня. Удочки порвали...

Дремлюга. Да-а... А дома ли Петр Александрович?..

Терещенко. Я слышал, со здоровьем у него уже все в порядке...

Дремлюга. Да. *(Поднялся на террасу, крикнул в открытую дверь.)* Петр Александрович!.. *(Зашел в дом, вернулся, идет к столу.)*

Терещенко сидит под липой, напевает. Он навеселе.

Нет... Видно, где-то в парке гуляет... *(Сел рядом с Терещенко.)*

Терещенко. Одна щука на живца — разве это ловля?.. *(Вытащил из корзины щуку, положил на стол.)*

Дремлюга. А щука хорошая!..

Терещенко. Что с тобой, Гордей? Не пьешь, а настроение, словно друга похоронил...

Дремлюга. Не друга, себя хороню. Кажется, мое время прошло.

Терещенко. Что ты, Гордей! Ты — орел, а орлы никогда не стареют.

Дремлюга. Не кричи, Федя.

Терещенко. Извини. Эх, скажу я тебе одно, Гордей... У меня тоже на душе черт знает что творится. Не понимаю я, не понимаю, что вокруг нас происходит...

Дремлюга. Может, спать пойдешь? Ты много столичной дернул...

Терещенко. Водка теперь не берет меня. Душа болит... Скучно жить стало. Скучно!

Дремлюга. Почему?

Терещенко. Мы с тобой не первый год и в партии и на руководящей работе. Я знал одно: держу линию на тебя — и все в порядке. А теперь что?

Дремлюга. А что?

Терещенко. Вот приехал Ромодан с Пленума. О чем он на активе говорил?.. Кукуруза, квадраты, гнезда... Все для человека, все для человека... А для коммунизма что? — я спрашиваю! Какой скукой веяло от каждого слова его доклада!..

Дремлюга. А актив аплодировал ему, да еще как!..

Терещенко. А почему? Поплыл по течению, в хвосте актива. Разве это линия?.. Ты знаешь, Гордей, я никогда не был подхалимом, мы старые друзья, не один пуд соли съели... Но когда ты прежде выходил на

трибуну, то как все волновались! Головы в плечи втягивали... так чувствовали твой авторитет. А теперь каждый сидит, как хочет, и мелет, что хочет... Никто никого не боится... Я спрашиваю: где же тут партийная дисциплина?..

Дремлюга. Ничего... Пошумят, пошумят, а потом все станет на свое место.

Терещенко. Где видано, чтобы секретарь обкома так недопустимо резко говорил о председателе облисполкома?.. Да если на самом верху такое началось, какую же мне тогда линию держать?.. На кого?..

Дремлюга. Вон Ромодан... Федя, возьми удочки и иди, а я поговорю с ним.

Терещенко. Обидел он тебя... Сильно.

Дремлюга. Ступай, ступай.

Терещенко берет удочки, шуку, идет в парк. Ему навстречу выходит Ромодан.

Терещенко. Здравствуйте, Петр Александрович! Как ваше здоровьечко?

Ромодан. Благодарю, хорошо. А ваше как?

Терещенко. Я — как старый дуб: никакие ветры меня не берут.

Ромодан. Не зарекайтесь. Бывают такие бури, что и старые дубы с корнями вылетают. *(Поворачивается к Дремлюге.)* Как улов сегодня?

Терещенко уходит.

Дремлюга. Не было клёва.

Ромодан сел возле Дремлюги. Пауза.

Душно сегодня...

Ромодан. Душно...

Дремлюга. Кругом сверкает, видно гроза будет...

Ромодан. Видно, будет...

Дремлюга. Я послал вам днем сводки. Получили?

Ромодан. Получил.

Дремлюга. Читали?

Ромодан. Читал. Зачем вы трудитесь над этими общими цифрами?.. Нам нужно знать действительное положение дела. К этому призывал нас Пленум ЦК.

Дремлюга. Значит, сводки больше не нужны?..

Ромодан. Нужны, но не такие.

Дремлюга. Ясно... Да... Все это очень интересно получается.

Пауза.

Ромодан. Гордей Афанасьевич, почему вы не выступили на активе по моему докладу?

Дремлюга. Я же говорил вам, плохо себя чувствовал...

Ромодан. Только поэтому?

Дремлюга. Только.

Ромодан. Хотел я с вами сегодня по душам поговорить, да вижу — не выйдет... Отложим на завтра, а жаль... Очень жаль...

Дремлюга. Почему ж, поговорить всегда успеем...

Ромодан. Ждать нельзя, иначе решения Пленума провалим.

Дремлюга. Не понимаю вас.

Ромодан. А я вас не понимаю: почему агрономы сидят в вашем аппарате? Почему вы их держите?

Дремлюга. Позвольте, Петр Александрович, позвольте!.. Это неверно. Не могу же я разогнать весь аппарат. С кем же тогда работать? Часть уже выехала...

Ромодан. Какая? Вы послали по принципу — на тебе, боже, что мне не гоже... Почему вы с утра до ночи заседаете? Почему так верите в силу бумаги?.. Почему вы попрежнему не хотите знать, что делается в районах, колхозах, МТС?.. Какой же вы руководитель?

Дремлюга. Не вам судить... Я двадцать лет на ответственной работе. Кто дал вам право так говорить со мной? Я — старый кадр, я — линия!.. Вы обязаны, черт подери, уважать меня, работать со мной. А вы на активе хотели меня на колени поставить. Вы думали, что я выступлю и упаду перед вами... Не выйдет! Придет время — и я скажу свое слово вам и таким, как вы...

Ромодан. Все?

Дремлюга. Хотели откровенно, по душам поговорить, — так слушайте.

Ромодан. А что слушать? Вас теперь только одни годы украшают, а не мудрость. Зазнайство, а не скромность. Бездушность, а не человечность. Грубость, окрик, а не доброе слово. Вождизм разъял вашу душу... Для

вас партия — это только ваше. Я, а не совесть и честь народа.

Дремлюга. Товарищ Ромодан! Я не потерплю...

Ромодан. Молчите! Вы угрожаете мне, что придет время, и вы снова закроете всем рты. Лжете! Не будет этого. Пойдем сейчас, встанем перед народом и спросим всех честно и открыто: за кого вы? За заслуженных пустозвонов или за тех, кто видит нужды государства, нужды людей и без трескучих фраз, всем сердцем, горячим делом хочет помочь, чтобы не когда-то, а сегодня наши люди полностью ощутили плоды социализма. И мой совет вам — не дожидайтесь, пока вас прогонят с трибуны, беритесь за ум, потому что никакие прошлые заслуги вас не спасут.

Дремлюга (*встал*). Не торопитесь. Не такое я еще видел.

Уходит. Навстречу ему выходит Самосад.

Самосад. Клевало?

Дремлюга молча идет к своей даче.

(*Вслед.*) Не клюнуло... Перед грозой не клюет, только старые сомы наверх вылазят... Здравствуйте, Петр Александрович.

Ромодан. Здравствуйте, Ефрем Ефремович.

Самосад. Выздоровливаете?

Ромодан. Выздоровел.

Самосад. Э, вижу, не совсем... У меня есть такое авторитетное лекарство, специально для вас приготовил... Любую болезнь сразу снимает. Только нужно принимать его точно по моему рецепту.

Ромодан. Что за лекарство?

Самосад. Народное.

Подошел к липе, засунул руку в дупло, достает бутылку и две кружки.

Ромодан. Горилка?

Самосад. Боже упаси! Настойка, одни лесные цветы... Понюхайте.

Ромодан (*нюхает*). Какой чудесный аромат! А кроме цветов, что здесь?

Самосад. Выпейте, тогда поймете. (*Наливает Ромодану и себе.*) Лекарство это нужно принимать так: выпили и пустой чаркой потрите больное место. И так раз восемь когда проделаете, сразу все боли проходят. Начинайте.

Ромодан. Мне неловко — вы меня уже второй раз угощаете...

Самосад. Какие могут быть счеты между нами!.. Вы — секретарь, а я — тракторист. Но принцип у нас один: повышай урожай, поднимай животноводство... Разве не так?

Ромодан. Так. Но ведь вы здесь работаете...

Самосад. Работал. А завтра утром еду в родное село, на старое место — в МТС трактористом. Я жинке сказал вчера: собирай вещи, раз партия зовет — Самосад должен быть в строю. Жинка отказалась, говорит: ты же беспартийный, нам тут хорошо живется... Тогда я ей такой авторитетный ответ дал, что она не только вещи собрала, а еще и всю ночь прощения у меня просила...

Ромодан. Согласилась ехать с вами?

Самосад. А какой же я был бы равноправный муж, если б меня жинка не слушалась?! Пешком пойдет... Из села мне написали, что там делается...

Ромодан. Что?..

Самосад. А вы разве не читали решения Пленума? (*Достал из кармана книжечку.*) Вы знаете, какая в них сила?! Это почти что Сталинград. Заявляю авторитетно! Урожай не на глазок теперь будут оценивать. И вообще там так все подведено, что теперь дело только за нами... Ваше здоровье! (*Чокаются.*)

Ромодан. Будьте здоровы! (*Выпил.*) Ого! Фу! Дух захватило...

Самосад. Трите, скорее грудь трите! Пройдет...

Ромодан (*трет грудь*). Нет, больше я пить не буду.

Самосад. А может?

Ромодан. Нет. А здорово вы решение Пленума прочитали!

Самосад. А мы всегда читаем не только то, что написано, а больше ищем, что там за словами стоит, какая жизнь. (*Встал.*) Разрешите с вами попрощаться. (*Ромодан тоже встал.*) Желаю вам здоровья, сил и авторитетно заверяю вас, как знакомого, друга, секретаря,

что тракторист Самосад не подвел в войну, не подведет и теперь.

Самосад подал руку. Ромодан крепко пожимает ее. Смотрят друг другу в глаза. Ромодан обнял Самосада, поцеловал.

Спасибо. (*Поднял голову, прислушивается.*) Слышите? дикие гуси летят...

Ромодан. Осень... Видно, осядут возле нас на речке...

Самосад. Может, но вряд ли... (*Прячет бутылку и кружки в дуло.*) Завтра примете. Только не забудьте потереть...

Ромодан. Спасибо.

Самосад. А гуси приближаются. Слышите?.. (*Пауза.*) Будьте здоровы!

Ромодан. Счастливого пути!

Самосад идет, тихо затягивает песню. Достает из кармана окарину, и вскоре из глубины парка понеслись звуки окарины. Подул легкий ветерок, и меж лип на аллее закружились желтые листья. Ромодан сел, смотрит вверх. Все ближе слышен крик диких гусей... Из глубины парка появляются Катерина и Лида. Катерина показала рукою на дачу Ромодана и повернула обратно. Лида медленно приближается к даче. Остановилась. Повернула голову, увидала за столиком отца и отступила назад... Ромодан не замечает ее... Лида сделала несколько шагов вперед, смотрит на отца... Ромодан словно почувствовал ее взгляд, всгал, обернулся и увидел Лиду... Потрясенный, смотрит на нее. Большая пауза.

Лида (*тихо*). Это я, отец...

Ромодан молчит.

(*Еще тише*). Дочь твоя...

Ромодан протянул к ней руки. Лида бросилась к отцу и упала ему на грудь. Ромодан обнял ее, гладит рукой волосы и от волнения не может вымолвить ни слова.

Прости меня, отец... Я не виновата... и мама... и ты... Я не знаю, почему так случилось... Мы были так счастливы, когда ты вернулся с фронта. А потом столько горя, столько... (*Подняла голову, смотрит на отца.*)

Ромодан. Когда большая беда приходит, дочка, она сразу раскрывает все двери и окна... Так случилось с нами... Пришла война, а после нее сколько и радости и горя довелось пережить нам всем... Так бывает в жиз-

ни... Ничто не дается легко и не проходит даром. И, может, потому нет большего горя, чем то, когда ты теряешь и близких и друзей... И нет большего счастья, как встреча после страданий и борьбы... Спасибо, что пришла в трудную для меня минуту...

На аллее появляется Катерина. Она идет по направлению к даче, остановилась. Смотрит на Ромодана и Лиду. Они не замечают ее.

Л и д а. Я пришла к тебе навсегда...

Р о м о д а н (*смотрит на Лиду*). А?..

Л и д а. Не знаю.

Снова слышен крик диких гусей. Ромодан смотрит вверх.

Пойдем, я буду говорить с нею... Пойдем... (*Взяла его под руку.*)

Ромодан и Лида уходят. Они так и не заметили Катерину.

Стоит на аллее Катерина, смотрит им вслед...

Падают осенние листья... И уже еле слышен крик диких гусей.

З а н а в е с

СТАТЬИ, РЕЧИ

ГЕРОИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА — НАШИ ГЕРОИ

Речь на Первом всесоюзном съезде советских писателей

Товарищи, доклады о драматургии дали нам интересный материал, свидетельствующий о росте нашей драматургии, которая завоевала рабочего и колхозного зрителя и стала его любимейшим искусством.

Хорошие пьесы смотрят миллионы. Пьесы идут в сотнях театров, и поэтому каждый образ, каждое слово должно быть полноценным, страстным, волнующим сердца зрителей.

Драматургу дано сложнее оружие эмоционального воздействия на массы, и потому мы не имеем никакого права обращаться к миллионным массам на корявом, неряшливом, штампованном языке. Мы не имеем никакого права писать скучные, бледные, бесцветные пьесы. Скука особенно ужасна в драматическом искусстве. Драматургу дано большое преимущество — он может почувствовать массовую реакцию зрительного зала. Незабываемы те минуты, когда смотришь на зрителя во время действия. И часто происходят странные вещи: в одних местах, где казалось, что зритель будет слушать с замиранием сердца каждое слово, он не только не слушает, но начинает кашлять, шуметь, он равнодушен; в других местах тысячи напряженных лиц движутся в одном ритме, абсолютная тишина, в которой слышен лишь шепот и взволнованное дыхание автора. Это незабываемые минуты творческой радости.

В Харькове драматургу после десяти спектаклей — культпоходов рабочих заводов, военных частей и т. д. — режиссерская лаборатория дает диаграмму реакции зрителя. В диаграмму занесены реплики автора в сцене и рядом — замечательные рубрики: легкий кашель, кашляет весь зал, легкий шум, полный шум, тишина, аплодисменты и бурные аплодисменты. Это, товарищи, замечательный документ, которым должны интересоваться не только драматурги, но и наши критики. Я проверял реакцию на мою пьесу «Гибель эскадры» в Харькове. Смотрели партийный актив Дзержинского района, рабочие ХПЗ, студенты и участники военной партийной конференции. И все они точно сговорились в своем реагировании: кашляли, шумели командиры Красной Армии в тех местах, где кашляли, шумели и рабочие ХПЗ, где шумели студенты, и аплодировали, слушали в полной тишине в тех местах, где аплодировали и слушали в тишине рабочие, студенты.

В чем ценность этого факта? Ценность в том, что никогда, ни в одну эпоху драматургия не имела такого зрителя с единым устремлением, с единым чувством восприятия мира, зрителя активного, волнующегося, зрителя высокой культуры. У нас снята проблема — на кого работать. В этом — величайшая радость творчества. Каждый из нас помнит, как бережно критикуют слабые места наших пьес на рабочих диспутах, какой любовью нас там окружают. У нас нет конфликта между драматургом и зрителем.

Наша драматургия сделала большие успехи, но наши творческие достижения по сравнению с творчеством нашего советского народа, нашего рабочего класса, еще недостаточны, намного отстают.

Главная причина отставания — это то, что мы скользим по поверхности, мы идем за событиями, а не освещаем огненным словом пути, по которым идет новый человек.

На диспутах мы много говорим о масштабности наших пьес, о великих героях, а когда сидим за столом, в комнате, то километры превращаются в сантиметры, и получается мелко. Это случается потому, что мы часто много удивляемся тем или другим событиям. Был на стройке, видел такой-то эпизод — ах, как это здорово! Мы часто удивляемся, часто повторяем слово «потря-

сающе». А когда спрашивают — что ты знаешь, товарищ, о сути этого эпизода и события, кто эти люди, удивившие тебя своим героизмом, то в ответ, кроме фамилии и элементарных сведений, часто писатель ничего больше сказать не может, ибо он этого не знает. Мы удивляемся неповторимым фактам, но, к сожалению, мало у нас минут настоящей взволнованности, когда художник не уходит с поля событий до той поры, пока детально не изучит тот или другой интересный факт из материала нашей действительности. Поэтому на сцене наши герои бледноваты, они тоже удивляются каждую секунду, говорят об энтузиазме, а зрителю скучно.

Когда мы ставим вопрос о создании полноценных, многогранных образов, то мы часто занимаемся, к великому сожалению, прописыванием рецептов, причем рецептов довольно стандартных. По этим рецептам мы строим образ. Чтобы он жил на сцене, мы наделяем его разными черточками, часто типичными для всех людей, например любовь героя к детям, любовь героя к цветам, специфическим словечкам и т. д. И мы думаем, что это — характерные черты нового человека. Да, это характерно. Но это — не основное и не главное. Беда в том, что, закончив пьесу, видишь схематичность двух-трех образов и начинаешь их наделять так называемыми живыми чертами. Начинаешь приклеивать, пришивать, и творчество превращается в мастерскую мелких починок. В этом отношении у нас некоторые товарищи стали блестящими специалистами по оживлению бледных, немощных, рахитичных, схематичных еще в замысле персонажей. Мастерская мелких починок выпускает пьесы без интересных мыслей, без взлета фантазии. Она судорожно цепляется за быт, но его нет — есть только скольжение по поверхности. Она не любит дерзаний, смелости, эксперимента. Там все гладко, приглажено. Многие театры любят такие пьесы, над которыми не нужно трудиться. Они охотно берут и ставят их. И когда смотришь пьесу, то, выходя из театра, чувствуешь, каково искусство этого автора: он отнял у тебя время, а вместо искусства дал сироп.

Только великие мысли и идеи нашей эпохи рождают великие чувства. Мне кажется, что если художнику есть что сказать интересного и свежего, если глаз его видит далеко, если он знает всесторонне то, о чем пишет, знает материал и этот материал его глубоко взволновал, то

тогда типичное и характерное он может черпать пригоршнями, тысячи ассоциаций будут реять над его столом, они заставят кровь обращаться быстрее, они не дадут покоя. И тогда задача художника будет состоять в том, чтобы отделаться от неглавного и оставить основное. В том, чтобы очищать от наносного, оставляя только сердцевину.

Мне понравились слова Алексея Толстого в его докладе: «Драматург, которому есть что сказать, не боится открывать карты. В «Макбете» в первой сцене начертаны все судьбы».

Это — очень важное, принципиальное замечание. Это — вопросы мастерства, стиля.

Чем увлечь зрителя, чем его взволновать? Ведь всегда этот вопрос стоит перед нами, особенно перед молодыми драматургами. Чем его взволновать? Тем ли, что зритель будет задавать вопрос: а что же дальше, чем кончится пьеса — авантюрным развертыванием сюжета или другими приемами и методом?

Товарищ Фадеев бросил в своем выступлении упрек драматургам в том, что они, как и прозаики, не умеют строить пьесы, что все сразу видишь, знаешь, чем кончится пьеса. О том же говорил тов. Кирпотин.

У тов. Довженко есть замечательные слова: «Не туди б'еш, Іване». Они чрезвычайно подходят к данному контексту. Мне кажется, что легче построить роман или пьесу так, чтобы читатель не знал окончания произведения, чем когда все судьбы героев вначале начертаны, а произведение все же волнует.

Для нас все судьбы героев ясны. Носителей капиталистических элементов мы уничтожили, представители старого мира ушли навсегда, и оставшиеся осколки этого мира ежедневно рассыпаются в пыль от наших великих побед. Судьбу нового человека начертала история, работающая на нас, и величайшая наша задача — показать пути, сложнейшие пути, по которым идет человек к ясной цели, пути, по которым идет новый человек в бесклассовое общество. Найти своеобразие в этом движении, неповторимое и типичное только для нашей эпохи и наших дней, видеть будущее в свете величайшей теории Маркса — Энгельса — Ленина, видеть, как идут люди в это будущее, величайшее концентрированное действие миллионов, строящих нашу социалистическую родину,—

В этом наша задача, ключ к построению наших произведений. Если нам идти этим путем, тогда не будет конфликта между выводимыми в пьесе характерами и драматической коллизией, не придется втискивать образ в несвойственную ему ситуацию.

Товарищи, мы много говорили об «экспериментах», но самих экспериментов в нашем творчестве еще мало и мы мало боролись за подлинное драматургическое новаторство. Мы очень спешим. Новую деталь, свежее положение сразу превращаем в «теорию», в «школу», и около этой «школы» создаются «школки». Эксперименты требуют большой осторожности и проверки. Когда мы начинаем проверять, то видим, что это или уже было, или видоизменено. Мне кажется, что мы больше занимаемся рационализаторством старых форм, чем настоящим творческим исканием.

Часть товарищей, выступавших вчера, говорила, что мы мало дерзаем, что у нас нет смелости. Это неверно. Трусость не свойственна советскому писателю. Мы еще молоды, и мы не умеем в достаточной мере воплотить большие замыслы в большие образы. Это сложная борьба за качество, за стратосферу искусства. А кто хочет наши неудачи, срывы объяснять трусостью, тот сам трусит перед большими задачами нашей драматургии.

О больших и средних людях. И здесь много неясного. Одни говорят: нужно брать больших людей, героев и по ним строить пьесу. Сейчас многие драматурги пишут пьесы о челюскинцах, о наших авиаторах, спасших челюскинцев. Молоков, Каманин сами вписали прекрасные страницы в историю человечества. Как вы о них ни пишете, мне кажется — это будет только замечательной рамкой к готовым произведениям нашей социалистической Родины. Рамки нужны, но есть другой путь, более сложный: это предупреждать великие события, показывать обыкновенных строителей, авиаторов, агрономов и т. д. — людей, которые кажутся сегодня на первый взгляд ничем не отличающимися от других, но в потенции таят величайшие силы. Их нужно художнику раскрыть, показать.

Я как-то читал старый журнал, который издавался еще до революции. Там был помещен портрет Чехова в окружении его героев в гриме, образов, выведенных им

в пьесах, в окружении сотен героев, совершенно разных людей. Но если взять портреты наших драматургов, а вокруг них расположить портреты их героев, то мне кажется, что будет больше портретов драматургов, чем героев, созданных этими драматургами. Не нужно бросаться сразу на тему: случилось какое-нибудь событие, опоздали — и потом начинаем все вместе писать об этом событии. Нет, нужно раскрывать нашу действительность во всей ее многогранности. Мне кажется, что нет в нашей действительности скучного материала, тем более нет скучного строительства социализма, а есть скучные писатели, не умеющие выбрать существенное и ведущее в нашей эпохе, не умеющие конденсировать и отжимать материал.

Борьба за качество нашей литературы идет во всех республиках. На украинский съезд Кочерга, Первомайский и другие пришли с новыми достижениями, с новыми пьесами, но основной тон выступлений — это самокритика, это творческая неудовлетворенность.

К сожалению, мы еще мало знаем республики нашего Союза и их творчество. Мы не имеем возможности познакомиться с очень интересной пьесой тов. Дженана «Шахнамэ». Мы не видели пьесы, которая идет с большим успехом в Белоруссии, — «Батьковщина» Козьмы Чорного.

Мы встречаем с большой радостью предложение Алексея Максимовича Горького о создании в Москве постоянного большого театра, где национальные театры будут показывать свои достижения, обмениваться опытом и учиться друг у друга.

Наш съезд дал нам величайшую зарядку. Я переживаю огромную радость творчества. Этот съезд расширил наши масштабы. Каждый из нас чувствует, какой любовью и вниманием окружает нас советский читатель и зритель, какой любовью окружают нас наша социалистическая страна, наша партия и правительство. Ответом на это доверие пусть будут наши новые высокого качества произведения, достойные нашей радостной эпохи.

НОВАЯ ПЬЕСА «ПЛАТОН КРЕЧЕТ» В МХАТЕ ИМ. ГОРЬКОГО

...Меня как художника очень волнует проблема стратосферы. Но прошу не понимать меня слишком буквально. В моей пьесе о стратосфере не говорится ни слова. Среди моих героев нет летчиков, нет стратонавтов. В «Платоне Кречете» действуют самые обыкновенные люди — врачи, архитекторы, исполкомщики и т. п., живущие и работающие в одном из так называемых «провинциальных» городов. Но у них — своя «стратосфера», в границах своей работы, своего призвания они стремятся достигнуть предельной высоты, предельного совершенства.

Я хочу показать новое качество взаимоотношений этих людей, показать благородстводвигающих ими стимулов. Их — четырнадцать человек. Они не противопоставлены механически друг другу, как выразители того или иного начала. У каждого из них — своя судьба, каждый из них идет своей дорогой, но все вместе они мне помогают полемизировать с моими товарищами «по цеху», драматургами, утверждающими, что, например, новому человеку не свойственны «героические жесты». Я в корне не согласен с этим положением и поставил себе задачей показать средствами искусства, что наши люди — люди изумительной психики и больших жестов, но опять-таки качественно *иных, отличных* от жестов старых персонажей.

Я не делал ставку на *внешнюю* действенность пьесы. Меня больше волновала проблема внутреннего раскры-

тия образа, скрытого драматизма. Я хочу, чтобы зритель, когда занавес поднимется, почувствовал, что у моих героев есть богатое, волнующее *прошлое* и чтобы он понял, что после окончания пьесы жизнь, развитие и борьба этих людей *продолжаются*, чтобы он, этот зритель, представил себе дальнейший путь моих героев и не относился к нему безразлично.

В пьесе имеется семь женских ролей. Должен, однако, подчеркнуть, что я не искусственно подошел к этому вопросу, не исходил из того, чтобы во что бы то ни стало ввести такое количество женских ролей в пьесу. Само движение материала подсказало мне эту необходимость. Роли эти отнюдь не эпизодические, а довольно — ну, как бы выразиться, — солидные, значительные.

Я счастлив тем обстоятельством, что на мою долю выпало явиться первым украинским драматургом, которому суждено увидеть свою пьесу на сцене МХАТа СССР им. Горького. Факт включения «Платона Кречета» в репертуар МХАТа есть, на мой взгляд, новый удар по разоблаченному партией контрреволюционным националистическим элементам, стремившимся вбить клин между советскими — украинской и русской — культурами.

Лично для себя я считаю встречу с МХАТом *одним из значительнейших моментов в моей жизни*. Уже первые встречи с В. И. Немировичем-Данченко дали мне не только много радости, но и обогатили творчески. Никогда не забуду ту теплоту, с которой меня встретили руководящие работники театра.

«ПЛАТОН КРЕЧЕТ» В МХАТЕ

...Почти каждый день в течение трех месяцев я посещал репетиции своей пьесы, по вечерам просматривая постановки МХАТа. Меня интересовала система Художественного театра, его работа над раскрытием образа и особенно процесс работы над пьесой «за столом». Этот процесс заключается в поисках исполнителей главных ролей, жизненной правды, основного зерна роли и установления отношений между образами.

Здесь особенно наглядно я убедился в том, какую огромную силу имеют правильные мотивировки поведения персонажей. Сотнями вопросов забрасывали меня артисты, вплоть до таких, что мне нередко становилось странным. Например, артист Грибков — исполнитель роли Бублика — спрашивал: «Когда Бублик приходит к Кречету — на дворе жарко или холодно?» Я сразу ответил: «В это время тепло», — и лишь потом понял, что это тоже в какой-то степени помогает актеру вести себя на сцене в данном случае определенным образом.

Основные же вопросы, которые ставили мне артисты, можно причислить к категории социального порядка, то есть к вопросам истолкования образа современного человека. К великому сожалению, артисты наших театров, даже самых передовых, по специфике своего производства почти не имеют возможности разъезжать по стране, наблюдая за интереснейшими фактами и событиями. Вот

эти добавочные материалы, вызываемые истолкованием пьесы, необходимо давать артистам, создавая свое произведение.

Работа над словом в Художественном театре меня поразила своей тщательностью обработки, внимательным отношением к авторскому тексту и тончайшим нюансам, воплощенным в слове.

Один интересный факт. Артисту Добронравову, играющему роль Платона Кречета, показалось необходимым во время прихода Лиды вставить одно, как будто нехватящее слово «садитесь», а дальше идти по моему тексту. Я на это согласился, причем артисты на репетиции шутя упрекали меня: насколько, мол, автор некорректен, если он не вложил в уста своего героя элементарных слов вежливости. Через некоторое время народный артист республики В. И. Немирович-Данченко просматривал три куска пьесы. Просмотрев их, после большой паузы он сказал: «Хотя здесь присутствует автор, мне кажется,— насколько я понимаю его же образ Кречета,— Кречет, находясь в таком состоянии, никогда не сказал бы Лиде: «садитесь». Это слово лишнее. Я посоветовал бы автору снять его». Мы все были очень поражены чуткостью этого крупнейшего художника, не знавшего, что это слово являлось актерской вставкой. И когда дальше В. И. Немирович-Данченко начал толковать поведение Платона Кречета и Лиды (арт. Степанова), тогда мы поняли, что я действительно напрасно согласился на эту вставку. Это слово меняло весь психологический рисунок образа и его поведение в данной ситуации.

Неоднократно беседуя с крупнейшими корифеями МХАТа — народными артистами Качаловым, Леонидовым и другими, мне захотелось в будущей своей работе найти такие образы и слова, которые в воплощении этих больших мастеров зазвучали бы со сцены с еще большей силой и страстью.

Беседы с В. И. Немировичем-Данченко и постановщиком пьесы заслуженным деятелем искусств И. Я. Судаковым о будущих путях МХАТа и советского театра вообще, о понимании лозунга «шекспиризации», о полном творческом дыхании театра и нашей драматургии заставили меня пересмотреть целый ряд моих художественных установок. Я увидел положительные качества, достигну-

тые мною в «Платоне Кречете», и еще больше почувствовал отрицательные моменты, которые есть в этой моей пьесе.

Моя работа с лучшим в мире театром, встреча не только с его корифеями, но и талантливейшим артистическим «середняком» и «молодняком» открыли передо мной новые творческие возможности. МХАТ дал мне огромную зарядку, которую я с сознанием всей ответственности использую в своей новой пьесе к 20-летию Октября на материале современной жизни Советской Украины.

1935

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО Н. А. ШИФРИНУ

Уважаемый Ниссон Абрамович!

Я с большой радостью принял предложение редакции «Театра и драматургии» высказаться на страницах журнала о Вашем творчестве. У меня сохранились наилучшие воспоминания о наших творческих встречах в то время, когда Вы оформляли постановку «Гибели эскадры» в театре ЦДКА в Москве и «Платона Кречета» в театре им. Шевченко (быв. «Березиль») в Харькове. И это произошло потому, что Ваше чуткое, внимательное отношение к авторскому тексту и умение скупыми, но выразительными средствами раскрыть этот текст в оформлении — делают Вас лучшим товарищем и помощником драматурга.

Когда я впервые увидел очень маленькую сценическую площадку театра ЦДКА, я не представлял себе, как можно передать на ней ощущение моря, показать корабль, эскадру. Я знал, что на гораздо больших сценических площадках некоторых театров художникам, оформлявшим «Гибель эскадры», было тесно, и они до такой степени загромождали сцену кораблями и пушками, что актерам нигде было двигаться, а моря все же не чувствовалось. Мне говорили, что во всем виноваты именно размеры сцены, что для полноценного оформления «Гибели эскадры» необходима гигантская сценическая площадка, и я этому верил. Вы, Ниссон Абрамович, сумели развеять мой скептицизм и опрокинуть утверждения этих художников.

Отобрав только несколько самых основных и характерных элементов корабля, Вы сумели их организовать таким образом, что зритель вполне верил реальности этого корабля, эскадры; со сцены веяло морем. Вы проявили качества подлинно реалистического художника, берущего из жизни самое основное и ведущее, организующего жизнь в своем творчестве; Вы не плелись за жизнью рабски и натуралистически, как это делали некоторые художники. Их «всамделишный», в натуральную величину корабль, на который уходило по два вагона досок и несколько десятков килограммов краски, не был произведением искусства, а простым расчетом.

В работе над «Платоном Кречетом» у Вас встретились большие трудности. С виду все казалось очень просто,— действие происходит в провинциальном городе, развивается в основном в комнатах Кречета и Береста; не нужно ни кораблей, ни бухты, ни моря. Но на сцене нужно было показать быт передовых людей нашей социалистической родины, а это оказалось далеко не простым и не легким делом.

Мне кажется, что основной задачей советских художников является показ нашего быта. Я — не ярый сторонник потолков, стен, точно расписанных павильонов. Не потолки и точные стены решают вопрос и спасают положение. Меня глубоко волнует другой вопрос — почему наши художники являются блестящими знатоками капиталистической эстетики, почему в постановках Островского они с такой любовью разрабатывают каждую деталь купеческого быта (и театры в этих случаях не скупятся в средствах), а когда дело доходит до показа новых героев в реальном окружении бытовых вещей, дальше портретов вождей на стене и модных сейчас цветов они не идут?.. Партия поставила перед литературой и, в частности, драматургией задачу — показать лучших людей нашей родины. Но передовой образ должен на сцене жить, двигаться среди самого передового, богатого, яркого, присущего нашей великой эпохе реального окружения.

Говорят, быт в наше время настолько изменился, что его трудно уловить. Думаю, что дело не в этом. Великие скульпторы Греции жили в эпоху изменчивого быта, но они сумели уловить эстетические идеалы своего класса и с потрясающей силой и страстью воплотили их в мрамор, создавая неповторимые памятники человеческой красоты.

Советский художник должен быть передовым бойцом за эстетические идеалы пролетариата.

Советский художник не должен обеднять нашу действительность. Он не должен заявлять: «Сегодня я видел у ударника Ивана Ивановича совсем не то, в жизни жилище и быт не такие». Это — пошлейший натурализм. Нужно увидеть и отобразить основное зерно нашей действительности, величайшую ее радость, богатство красок, величие чувств, полнокровность простоты и этим нанести решительный удар по сюсюкающим приспособленцам и мещанам, желающим диктовать свои вкусы с великой народной театральной трибуны.

Мне очень понравилось Ваше заявление, Ниссон Абрамович, когда, работая над «Платоном Кречетом» для студии Н. П. Хмелева, Вы недавно сказали: «Мне хочется показать наш так называемый провинциальный город, не выискивая в нем типичное для старой провинции, ибо это — прошлое, а найти в нем то ведущее, передовое, что характеризует его настоящее и определяет будущее. Возможно, что старые дома и мебель в этих городах количественно преобладают, но по существу они уже далекое прошлое». Вы сделали, правда, первый, но значительный шаг в этом направлении своим оформлением «Платона Кречета» в харьковском театре им. Шевченко, где, как настоящий художник, не остановились перед уничтожением первого неудачного макета, а во втором — добились положительных результатов.

Дорогой Ниссон Абрамович! Я надеюсь, что наши творческие встречи будут продолжаться и в дальнейшем и окажутся не менее плодотворными. В заключение мне хочется пожелать Вам успеха в оформлении страниц солнечной книги нашей замечательной жизни, и я уверен, что Вы этого достигнете.

СПЕКТАКЛЬ ВЫСОКОГО АКТЕРСКОГО МАСТЕРСТВА*

Восьмого в двенадцать часов ночи закончился первый спектакль «Царя Федора Иоанновича». У дверей театра свыше трехсот человек пятьдесят минут ожидало выхода актеров — исполнителей спектакля. Рабочие, студенты, актеры и режиссеры украинских театров встретили бурной овацией народного артиста республики Ивана Михайловича Москвина, исполнителя роли Федора. Он, усталый, взволнованный, приветствовал около театра зрителя столицы Украины от себя и от своих товарищей актеров.

Это был подлинный триумф. Трудящиеся столицы проявили свою большую любовь к мастерам драматического искусства, к артистическому гению народного артиста Ивана Михайловича Москвина и к тем, кто своим неутомимым трудом, поисками и гениальным талантом создал лучший театр Советского Союза — к народным артистам, орденоносцам Константину Сергеевичу Станиславскому и Владимиру Ивановичу Немировичу-Данченко.

Что же чаровало нас на спектакле, что заставляло нас с необычайным вниманием и волнением следить за каждым движением Ивана Михайловича, за каждым словом? Точнее, мы забывали о слове, а слушали великую симфонию интонаций и страстей актера Москвина. Тихие мелодии, прозрачные и солнечные, незаметно

* «Царь Федор Иоаннович» во МХАТе СССР им. Горького

переливались в надрывные бурные аккорды; великий композитор чаровал нас дивной музыкой человеческих чувств.

Тут большая равномерность, подлинная вершина мастерства и страстности, являющаяся высоким художественным совершенством.

Актер Москвин создал образ не просто безвольного, бессильного святоши царя Федора, а раскрыл перед нами ужасный образ беспредельного безволия и бессилия человека, превращенного в игрушку в руках Бориса. И даже когда нарастает протест в море безволия, то и он огравлен блестящим жестом руки актера в сцене «я царь — или не царь». В последней сцене, где Федор доходит до крайнего предела протеста — душит руками сторонника Бориса перед Архангельским собором, — в этой сцене мы видим только яркую новую форму того же страшного безволия.

Свыше шестисот раз играет Москвин роль царя Федора Иоанновича. Двадцатичетырехлетним юношей начал он играть этот образ, и сегодня нам казалось, что спектакль идет впервые, что мы на премьере. Почему так? Почему сейчас есть молодые талантливые актеры во многих театрах, которые после тридцати спектаклей теряют все, что было найдено на репетициях и премьере, и не раскрывают образа, не волнуются, не живут им, а «отображают чувства» вообще? Молодым актерам нужно учиться и долго учиться у художников, как сохранить образ, как пронести его через всю жизнь и всегда чувствовать премьеру с ее волнениями и настоящим творческим подъемом.

Народный артист республики Константин Сергеевич Станиславский прислал И. М. Москвину специальное письмо двадцать четвертого февраля по случаю шестисотого спектакля «Царя Федора Иоанновича». Этой пьесой в 1898 году открылся Московский художественный театр, Художественный руководитель МХАТа пишет в письме:

«Играть на протяжении многих лет эпизодическую роль — огромный труд, но играть такую роль, как Федор, на протяжении многих лет, с таким темпераментом и нутром, отдавая всего себя роли, — это потрясение... Шестьсот таких потрясений создают подвиг. Вы совершили такой подвиг... От души желаю, чтобы Ваш пример был образцом для всех наших молодых артистов».

Образ царя Федора И. М. Москвин пронес через всю жизнь, в течение которой он внес много нового в этот образ. И поныне гениальный актер работает над образом и творчески взволнован перед каждым спектаклем.

Мы не можем не остановиться еще на одной существенной и необычайно интересной черте актера Москвина — это великая мудрость художника, и особенно ярко она видна в этой роли, в роли бессильного и безвольного Федора... Мы ощущаем четко разработанную партию движений, большую внутреннюю связь между ними. В спектакле образ самого слабого человека в исполнении И. М. Москвина сценически стал самым активным, максимально насыщенным внутренним действием. Об этом образе нужно написать обстоятельное исследование, как о чудесном образце для многих поколений молодых актеров.

В спектаклях художников нас всегда восхищает то, что не замечаешь маленьких ролей, а чувствуешь прежде всего больших актеров. В «Федоре Иоанновиче» небольшую по количеству текста роль выполняет народный артист Тарханов. Он выступает в одной сцене, но с каким высоким мастерством! Тарханов создал классический образ, появление которого вызывает у нас представление о давнем прошлом.

Заслуженный артист республики Ершов в роли Бориса увлекает огромным волевым подъемом. Его скупой жест, острый ум, внешняя сдержанность, холодный блеск очей и буря страсти шаг за шагом поднимают образ на большую художественную высоту.

Но холодность, жестокость в борьбе, точный расчет в поступках Бориса Ершов не раз прорывает мягким, лиричным словом. Мы моментами чувствуем Бориса на крыльях мечтаний, во имя которых он с такой остротой и силой ведет борьбу.

Это особенно проявляется в блестящей сцене с Ириной. Роль Ирины исполняет заслуженная артистка республики Ф. В. Шевченко. Образ Ирины Ф. В. Шевченко раскрыт чрезвычайно интересно, с большой силой. Она превосходно разбирается в комбинациях брата Бориса, в ней идет борьба, и не только борьба женского сердца, она осмысливает государственные дела, прекрасно понимает никчемность мужа и величие брата, но она осмотри-

тельнее. Она действует с своеобразным, осторожным расчетом. Заслуженная артистка Шевченко дала сложный рисунок Ирины. В сцене у Бориса мы особенно почувствовали ее настоящий большой темперамент, проявленный в тонкой художественной форме.

В борьбе за управление государством основной силой против Бориса выступает князь Иван Петрович Шуйский — заслуженный артист В. А. Орлов. В роли Шуйского Орлов дает вначале необыкновенно монолитную фигуру, он с крупным художественным талантом раскрывает дальше обнаруженную Шуйским, который запутался в сетях Бориса, несостоятельность в борьбе с ним. Художественный театр, работая над трагедией А. Толстого «Царь Федор Иоаннович», отошел от штампованных боярских старорусских пьес, он уничтожил театральщину и бутафорию и дал по-настоящему внешнее восприятие эпохи. Поэтому так старательно разыскивали руководители театра подлинные исторические вещи, воссоздавали костюмы и в художественном оформлении — световом (незабываемый выход со свечами) и звуковым (колокола, шумы) передали с огромной художественной силой атмосферу, в которой разворачивается трагедия.

Мне хочется пожелать художественному театру, чтобы с такой же тщательностью, точно отражая эпоху характернейшими деталями — до освещения и звукового оформления включительно, что является настоящим психологическим фактором в данном спектакле, — театр подходил к пьесам, которые отображают нашу эпоху.

В этом спектакле мы видели прекрасных актеров Художественного театра, которые выполняли небольшие роли, но создали галерею художественных образов с большим художественным вкусом: заслуженный артист Ливанов, заслуженная артистка Степанова, заслуженная артистка Зуева, Петкер, Блинников.

Тридцать восемь лет живет спектакль и будет жить еще долго потому, что это — подлинное великое искусство актеров и режиссеров.

Вот почему шестнадцать раз поднимался занавес в театре и зал содрогался от рукоплесканий. Вот почему с такой любовью и теплотой трудящиеся столицы Украины приветствовали художников, мастеров лучшего театра Советского Союза.

ГЕРОИНЯ РОМАНА

Глубокой осенью, в 1905 году, ехал из Чернигова в село Выхвостово украинский писатель Михаил Михайлович Коцюбинский.

Дожди размыли дорогу, земля превратилась в серую кашу. Худая лошадь часто останавливалась, и ни ругань возницы, ни удары кнутовища не помогали. Кляча стояла по колена в грязи и не двигалась.

Писатель, дрожа от холодного ветра, промокший до нитки, слез с возка. На вопрос, скоро ли Выхвостово, возница спокойно ответил, что осталось еще две версты с гаком. Четыре часа тянулись две версты с гаком. Наконец, въехали в село. Писатель привстал и напряженно всматривался в серые хаты. Ни одного огонька. На улицах пусто, только где-то одиноко завывала собака, ее далекий лай еще больше подчеркивал мертвую тишину. Казалось, что люди куда-то ушли навсегда, оставив серые облупленные хаты и одинокую собаку, тоскливо завывавшую на пустой площади. «Тут... — тихо сказал возница, — тут вбивали багатіі людей бідних за те, що землю у пана хотіли забрати».

Писатель сошел с возка, расплатился с возницей и стал рассматривать площадь... Справа стоял большой деревянный дом. Это была сборня, где собирались крестьяне на сход. От нее влево тянулось болото. Здесь утром 31 октября 1905 года происходила кровавая расправа кулаков над бедняками. В судебном акте было сказано:

«В понедельник население села Выхвостова собралось на сход. Созывали народ на этот сход сельские старосты Новицкий и Герасим Ермак и полицейский стражник Захар Савелов. Старосты требовали, чтобы все решительно население собралось на сход, чтобы «ни одна мужская плоть» не осталась дома...»

И дальше: «Сельский староста Герасим Ермак принялся записывать всех явившихся на сход. В это время вошел в сборню Евстафий Валлах, который поздоровался с Мартинианом Бобровником (председателем волостного суда), протянув ему руку. Бобровник, не подавая руки Валлаху, ударил его по лицу, говоря: «Не достоин ты моей руки, подавай мне своего сына». В это время мимо сборни проезжал верхом на помещицкой лошади сын Евстафия Валлаха, Степан. Раздались крики: «Стражник, отбери панскую лошадь!» Стражник Савелов взял лошадь под уздцы. К Степану Валлаху бросились Мартиниан, Иван и Григорий Бобровники и Яков Шевченко, стащили его с лошади, повалили и стали бить его камнями. Степан Валлах поднялся с земли и пустился убежать, но Тихон Белан догнал его и ударом кола по голове свалил на землю, а Логгин Бобровник выстрелил в Валлаха два раза, убив его на месте. Видя это, Евстафий Валлах воскликнул: «Ой, браточки, за что это?» Яков Шевченко произвел выстрел в Евстафия, тот упал, обливаясь кровью, но дополз до сеней сборни. Его вытащили оттуда и поволокли к воде... Свидетели Прохор Федорченко и Анастасий Глушко удостоверяют, что когда Евстафия бросили в воду, он стал обнаруживать признаки жизни и пытался выйти из воды. Ильющенко, заметив это, ударил Валлаха обухом по голове, и Валлах скончался...»

Долго стоял писатель около сборни. Он не замечал, что дождь давно уже превратился в ливень, он держал шляпу в руке и смотрел в ту сторону, где чернело болото. Порывы ветра били в лицо, а над болотом стонали старые вербы, гнулись к воде... За сборней кто-то заплакал. «А может быть, это так стонут вербы?..» Писатель прислушался, и через минуту он снова услышал плач. Он быстро, спотыкаясь в темноте, пошел за сборню. У стены что-то белело. Подошел ближе.

Стояла женщина, прижавшись лицом к стене, она раскинула руки, словно хотела обнять стену, и плакала.

«Что с вами?» Женщина вскрикнула и быстро исчезла в ночи. То плакала жена убитого Степана Валлах — Марина Валлах, будущая героиня знаменитого романа М. Коцюбинского «Фата Моргана». Коцюбинский в романе изменил имя Марины на Маланку.

То плакала убитая страшным горем беднячка, о которой сегодня председатель колхоза «Борьба за урожай» села Выхвостово сказал мне:

— Поговорите с Мариной Валлах, у этой женщины золотые руки, хотя ей уже за шестьдесят лет.

Мне хотелось как можно скорее встретиться с Мариной Валлах. За ней послали, и, чтобы не терять времени, председатель колхоза предложил мне осмотреть конюшни. Шли около пасеки. Я не мог не остановиться перед изумительной картиной. Несметное количество пчел, попадая в яркие солнечные лучи, сверкало гигантским ожерельем маленьких бриллиантов, возникая и исчезая...

Председателю колхоза показалось, что я подсчитываю улы, и он спокойно сказал:

— Не трудитесь, их у нас четыреста пятьдесят штук, это точно...

Около конюшни нас встретил Опанас Гарбузюк.

— В тысяча девятьсот тридцать первом году у нас было семьдесят семь лошадей, и то калек, а сейчас шестьсот шестьдесят три. Прошу у мой университет... — широким жестом пригласил меня Опанас.

— Вот это двухлетки-производители, видите, каждый имеет отдельное помещение. Их у нас семнадцать штук. Хорошие коники в нашем хозяйстве, незаменимые, а также у артиллерии в почете. В питомнике нашем маток двадцать семь, двухлеток двадцать шесть и годовалых двадцать четыре. Производителей продаем другим колхозам.

Во дворе Опанас с гордостью показал коляски, сделанные им самим.

— Там, в километре от конюшни, наш ипподром, объезжаем молодняк и соревнования устраиваем.

С большим волнением рассказывал Опанас, как в 1932 году государственная конюшня дала им двух чистопородных жеребцов. С этого начинали...

— Жаль, что нет Саввы Муженка — нашего орденосца, который был на приеме в ЦК, он теперь наш начальник строительства, поехал в Киев за материалами

Жалеть будет, что без него познакомитесь с нашим комбинатом.

Около километра шли молодой аллеей, навстречу катились на велосипедах колхозники с рубанками, долотами, молотками.

— Откуда они?

— Это со строительства наши плотники и кузнецы — у нас в селе шестьдесят велосипедов, так что с работы едут, а вот эти — в поле.

Мы подошли к большому кирпичному дому.

— Здесь когда-то жили два больших кулака — братья Галушки, а теперь это наш комбинат. Здесь паровая мельница на два постава, а в этой незаконченной пристройке будет стоять динамо.

Он протянул мне накладную, в которой сообщалось, что динамомашина отгружена. Потом положил накладную на то место, где будет стоять динамо, и, показывая на нее пальцем, сказал:

— Как видите, электростанция у нас неплохая. К двадцатилетию, на праздник, мы зажигаем одну тысячу семьсот лампочек. Проводка уже готова, все есть, все достали, вот только с гвоздями загвоздка. Это за ними Савва поехал. В этом же помещении у нас крупорушка, маслобойня. У пана Гриневского хозяйство считалось лучшим в губернии, но, извините, портач он перед нами. Мужики наши крутили хвосты волам его, вот и все. А у нас теперь тракторами землю пашут, комбайном убирают. Табаку в этом году семьдесят два га, льну сто пятнадцать га, лошадей шестьсот шестьдесят три, коров четыреста девяносто да у каждого в индивидуальном пользовании по одной, а у многих и по две. Фруктовый сад сорок га, две конюшни, зернохранилище, свиней триста шестьдесят, гусей около восьми тысяч, электростанцию построили, кинокартины смотрим, передвижка приезжает. Последнюю смотрели «Мы из Кронштадта», ждем «Петра I», читали в газетах про эту картину... Одним словом, не хочу я вам всего пересчитывать. Про ясли и школу вам Марина Валлах расскажет. А люди — семьдесят четыре стахановских ланки, орденосеи член правительства Савва Муженко, ланковая Одарка Ильющенко, свиляр Кордик — прямо профессор, и много других. Как видите, пан Гриневский, бывший первый помещик в губернии, портач против нас...

У конторы колхоза нас ждала женщина.

— Вот это Марина Валлах — наши золотые руки, — сказал председатель.

— Та й чого ж вони у мене золоті?.. Такі ж, як у всіх, — застенчиво улыбаясь, ответила Марина.

С огромным волнением я смотрел на героиню «Фата Моргана» Коцюбинского — Маланку — Марину Валлах...

Нет на Украине ни одного школьника, ни одного грамотного человека, который не читал бы «Фата Моргана», произведения великого реалиста, не был бы знаком с ее прошлой, полной глубокого трагизма, каторжной жизнью... Она стояла передо мной, повязанная беленьким платочком, скромная, тихая, и застенчиво говорила:

— Ходім, я покажу вам наші яслі, моїх дітей. Ох, які вони красиві!.. Які красиві!

Она повторила это несколько раз и с нежной любовью показывала мне игрушки детей, маленькие кроватки в идеально чистых комнатах. Во время жнив здесь принимали сто пятьдесят детей. Марина счастливо улыбалась, рассказывая о малышах:

— Це моя сім'я... мої онуки...

Когда я ехал в Выхвостово, я хотел подробно расспросить Марину о 1905 годе, о ее трагедии, но сейчас я не мог задать ей ни одного вопроса. Я слушал ее ласковый, тихий голос. Я видел счастливую улыбку, озарявшую глубокие морщины, и чуть грустные глаза. Казалось, ее можно слушать бесконечно, как в детстве с особым, неповторимым волнением мы слушали чудесные сказки...

На прощанье она посмотрела на сад, на домик, где помещались ясли, и тихо сказала:

— Красиво у нас і добре. От тільки жити залишилось небагато.

То есть, жить осталось немного. И после небольшой паузы закончила:

— Хоч я думаю прожити ще порядно, порядно, бо дуже вже у нас красиво...

Когда я прощался с колхозниками, семидесятипятилетний дед Софон Кужельный, которому в 1905 году удалось бежать от жестокой расправы кулаков, рассказал мне, что дети этих кулаков пошли потом к гетману Петлюре, Деникину, а некоторые вначале пролезли в колхоз и много портили.

— Були у нас усякі, і німці були, забирали все,

худобу і хліб, аж поки хлопці наші з усіх сіл не пішли до Щорса і батька Боженка. Зібрались вони під червоне знам'я і як вдарили... З того часу не було вже нікого і не буде ворогів на наших землях.

«Не було і не буде»... Простые и величественные слова семидесятипятилетнего украинского колхозника Софона Кужельного.

— Не буде! — говорит украинский народ фашистским бандитам, проклятым троцкистам, буржуазным националистам, хотевшим снова надеть ярмо на свободный народ.

Не буде!

БЛИЗКИЙ И РОДНОЙ

Свободный народ Советской Украины глубоко чтит творчество гениального поэта грузинского народа Шота Руставели, оставившего всему прогрессивному человечеству бессмертную поэму «Витязь в тигровой шкуре». Сердце украинского народа переполнено горячим чувством любви к братскому грузинскому народу, который через века пронес бессмертное произведение своего великого сына, в жестокой борьбе с преследованиями церковной и светской власти спас гениальное творение Руставели от варварства феодалов.

Шота Руставели в поэме «Витязь в тигровой шкуре» выступает великим гуманистом с мировыми общечеловеческими идеями. Поэма была создана как документ острой политической борьбы своего времени, как боевой призыв, как пламенная речь трибуна, брошенная в массы на языке народа. Стих Шота Руставели, его строки были огненными стрелами против черных реакционных сил феодализма, против фанатичной религиозной и национальной борьбы.

Его поэма — поэма воинственного Ренессанса — направлена на борьбу со средневековьем. Из поэмы видно, что автор ее вышел из народа и был образованнейшим человеком своего времени, человеком бесстрашной воли. Путешественник, выдающийся политик, философ, он впитал в себя лучшие достижения культуры своего времени. Пламенный борец за новый тип человека, Руставели ставит выше всего человеческий разум. Он славит жизне-

дающее солнце, огонь и жизнь. Он подымается до великих философских обобщений, и его герои — это представители высшей культуры того времени. Его философия опередила учения великих гуманистов западноевропейского Ренессанса. На протяжении веков стих великого сына Грузии окрылял народ: и в бою и во время народных празднеств он никогда не сходил с уст. Гениальное творчество Руставели с великой любовью оберегалось народом свыше семи веков, ибо это — творчество живого сердца. И мы через семь веков слышим в бессмертной поэме его титанические ритмы... Не остановилось и не остановится его сердце никогда, ибо в нем — народная мудрость, светлый гений, прославивший живого человека, солнце, жизнь и ненавидевший черные силы средневековья. Творец поэмы был пламенным борцом, подлинным сыном народа и великим гражданином мира.

Вот почему Руставели близок нам, мы любим его бессмертное произведение, писатели учатся у него.

Народы бывшей царской России, освобожденные великим Октябрем под руководством великой большевистской партии, за двадцать лет построили могучую социалистическую державу, ставшую счастливым отечеством для всех прогрессивных деятелей прошлых веков.

В стране Советов впервые в истории человечества по-настоящему оценены великие прогрессивные деятели прошлых веков, и их произведения впервые стали принадлежать миллионам трудящихся.

ВЕЛИКИЙ НАРОДНЫЙ ВОЖДЬ

Когда я получил приглашение принять участие в закрытом конкурсе на пьесы к 20-летию Октября, я с великой радостью согласился. Но меня взволновало, что в пьесе должен быть выведен образ гения революции — Владимира Ильича Ленина. Первые два месяца во мне шла борьба. Казалось, что это невозможно. Когда я делился своими сомнениями с друзьями-актерами, они просили меня: «Если уж напишете пьесу, то в конце выведите образ Владимира Ильича, только без слов, так как это нам не под силу».

С таким настроением я поехал в Ленинград, чтобы встретиться с рабочими-красногвардейцами, которые в дни Октября видели Ленина.

На встрече я изложил им свой план будущей пьесы и рассказал условия конкурса.

Почти всю ночь мы беседовали. Рабочие взволнованно рассказывали яркие эпизоды, и, когда прощались, один старик слесарь спросил меня: «А в пьесе Владимир Ильич будет говорить?» Я ответил, что образ Ленина будет показан в конце, без слов.

— Нет, вы уж, товарищ писатель, сделайте так, чтобы мы услышали слово Владимира Ильича.

— Боюсь, что не выйдет... Знаете, образ Ленина — это же...

— Знаем, что трудно, но раз вам правительство поручило, значит, оно верит в силы писателей наших. Вам и

оправдать надо такое доверие. Так что, пожалуйста, чтобы со словами...

Пришлось изменить свое решение. В простых словах старика рабочего я прочел всю мудрость правительственного решения. Мне и моим товарищам драматургам доверили показать на сцене самый дорогой образ величайшего человека, и это доверие окрылило нас, заставило мыслить и чувствовать по-новому. Я понимал, что если удастся мне в двух сценах отобразить хотя бы две-три черты Ленина, то это будет великий праздник в моей творческой жизни.

Изучая материал, беседуя с людьми, видевшими Владимира Ильича, я решил в пьесе показать прежде всего органическую черту Владимира Ильича — его народность. В истории человечества никто из великих людей до Ленина не был таким подлинно народным вождем, как он, не понимал так глубоко дум и чаяний трудового народа. Из одной-двух фраз, сказанных рабочим, солдатом, крестьянином, Владимир Ильич умел извлечь все. В каждом человеке он, как в капле воды, видел отраженным бушующий океан революции.

Когда в моей пьесе украинский крестьянин-бедняк Тарас, поступивший в Красную гвардию, перед боем беседует с Владимиром Ильичем и потом обращается к нему с просьбой: «Запишите меня в вашу партию», то Владимир Ильич вместе с рабочим Путиловского завода дает рекомендацию в партию Тарасу. Это место вызывает всегда в зале бурю оваций.

Я видел, как люди аплодировали и на глазах у них были счастливые слезы.

Меня никто не спросил, была ли в жизни эта встреча. Ей верят...

Владимир Ильич в нашем сознании и в сознании будущих поколений останется навсегда величайшим народным вождем — другом всего человечества.

ГЕНИАЛЬНЫЙ СЫН УКРАИНСКОГО НАРОДА

Свободный советский народ стал единым хозяином и наследником всех достижений и ценностей передовой прогрессивной культуры прошлых веков. Вот почему все народы Советского Союза с огромной любовью и уважением относятся к пламенным борцам, которые в минувшую темную, зловещую ночь царского своеволия поднимали знамя борьбы, поднимали свой голос на защиту трудового обездоленного народа от крепостников, царских жестоких деспотов.

Таким пламенным борцом, революционером-демократом был великий поэт украинского народа Тарас Шевченко. Это он, вместе с великими русскими революционерами-демократами — Герценом, Чернышевским, Добролюбовым, звал народ на борьбу с самодержавием, которое превратило бывшую Россию в тюрьму народов.

Художественным словом, всем своим существом Тарас Григорьевич принадлежит украинскому трудовому народу. Это был поистине великий народный поэт. Это Шевченко среди темноты и варварства высказал то, что шло из глубины народных сердец, что наполняло верой миллионы угнетенных:

Не змирає душа наша,
Не змирає воля.

Эта воля, счастливая солнечная жизнь, о которой мечтали миллионы трудового народа, о которой мечтал

Шевченко, стала нашим достоянием после Великой Октябрьской социалистической революции, осуществленной под руководством Коммунистической партии.

Все огромное наследие Шевченко, его поэзия и проза, начиная от патетических страстных строф его гениальных поэм и до глубокой интимной лирики поэта, дневник — все пронизано, насыщено любовью к обездоленному трудовому народу и ненавистью к эксплуататорам.

Гневное слово Шевченко звало народ в бой против царизма, против панов украинских, польских, русских.

...Вставайте,
Кайдани порвіте
І вражою злою кров'ю
Волю окропіте,—

призывал поэт.

Он ненавидел острой, непримиримой ненавистью врага украинского народа — польскую шляхту. В героической поэме «Гайдамаки» и во многих стихах Шевченко высказывал великий гнев народа к польским угнетателям.

Шевченко ненавидел украинских панов-либералов, националистов, которые пытались оторвать его от передовых людей русского народа. Шевченко искал и находил друзей среди передовых людей Украины, среди передовых людей России, боровшихся с царскими сатрапами, он глубоко уважал Герцена, Чернышевского, Добролюбова. В них он нашел сподвижников, товарищей по борьбе. Великие демократы идейно были самыми близкими друзьями Тараса Шевченко.

Передовые люди русского народа видели в Шевченко гениального художника, выразителя народных дум и чаяний. «Он тем велик,— писал Герцен о Шевченко,— что он совершенно народный писатель, как наш Кольцов, но он имеет гораздо большее значение, чем Кольцов, так как Шевченко также политический деятель и является борцом за свободу». В то время, когда украинские паны-либералы — кулиши, мартосы и другие — изменяли своему народу и были верноподданными лакеями царизма, великие русские демократы поднимали свой голос за свободу украинского народа, за его культуру, за его язык.

Народные думы, чаяния и стремления были для Шевченко тем родником, который поддерживал в нем пламенный огонь, не угасавший в душе его с юных лет и до последних минут тяжелой жизни поэта.

Родился Тарас Григорьевич Шевченко 9 марта (25 февраля ст. ст.) 1814 года в семье крепостного крестьянина. Печальное детство сына крепостного крестьянина прошло в селах Моринцы и Кирилловка на Звенигородщине.

Маленький мальчик, сын крепостного, каждый день видел «неволю, роботу тяжкую», видел, как мать «ще молодую у могилу нужда та праця положила», как отец «не витримаў лихої долі, умер на панщині». Братья же «на панщину ходили, поки лоби їм поголили».

Много горя довелось пережить мальчику у помещика Энгельгардта. Ни угрозы помещика, ни розги конюхов, стегавших его по приказу Энгельгардта, — ничто не могло сломить непокорный характер юного Тараса. С детства Шевченко любил природу, имел склонность к рисованию, и каждую свободную минуту он рисовал. Когда помещик заметил большую одаренность своего казачка, он решил в Петербурге законтрактовать его на четыре года к «разных живописных дел мастеру» Ширяеву, чтобы сделать из него своего дворового художника. Это произошло в 1832 году, когда Шевченко было восемнадцать лет.

У Ширяева Шевченко впервые получил возможность учиться живописи. Наука его была тяжелой, так как приходилось исполнять разнообразные малярные работы. И о самом Ширяеве Шевченко вспоминает как о деспоте.

Имея свободное время только ночью, Шевченко ходил в Летний сад и рисовал статуи. Там он познакомился с известным художником Иваном Сошенко. Сошенко познакомил его с выдающимися деятелями русской культуры — Григоровичем, Жуковским, Венециановым, Брюлловым, которые высоко оценили Шевченко и освободили от крепостной неволи.

Брюллов и Венецианов, после долгих переговоров с помещиком Энгельгардтом, вырвали у него согласие на продажу Шевченко. За волю поэта помещик требовал две тысячи пятьсот рублей. Брюллов написал портрет Жуковского, портрет этот был разыгран в лотерею, и

22 апреля 1838 года Шевченко выкупили. «Общество поощрения художеств» зачислило Тараса Григорьевича пенсионером, и скоро он стал одним из любимейших учеников, товарищей Брюллова. В богатейшей библиотеке Брюллова Шевченко знакомится с сочинениями Гомера, Шиллера, Вальтера Скотта, Пушкина и других выдающихся писателей, изучает историю Греции, историю Украины. Он слушает курсы ряда наук — зоологии, физики, физиологии, изучает французский язык, посещает театры.

Еще у Ширяева Шевченко делал первые литературные пробы, начал писать на украинском и русском языках. Поэт пишет «Мар'яну-черницю», «Утоплону», «Причинну», работает над русской драмой «Слепая красавица». В 1840 году выходит из печати «Кобзарь», а в 1842 году в журнале «Маяк» появляются отрывки из драмы «Никита Гайдай», написанной на русском языке. Тогда же Шевченко работает над русскими поэмами: «Слепая», «Тризна».

В начале 40-х годов мы видим Шевченко в кругу передовых людей русской культуры. Все творчество Шевченко имеет реалистическую основу. Вот почему в 1839 году, когда Жуковский вернулся из-за границы и привез Брюллову сочинения Корнелиуса, Гесса и других художников «божественного искусства» и посоветовал Шевченко учиться у немецких «светил», Шевченко крайне отрицательно отнесся к увлечению Жуковского.

Все, что не имело реалистической основы, что исходило из сверхреального или шло от слаславного приукрашивания действительности, что питалось идеалистической мистикой, — все это не только не волновало Шевченко, но было ему органически чуждым.

В 1843 году Шевченко возвращается на Украину. Он едет на Киевщину, Черниговщину, Полтавщину и на каждом шагу видит разнузданный помещичий произвол. Печальные картины встают перед взором поэта. Шевченко ощущал и видел на каждом шагу эксплуатацию, обнищание крестьянства, угнетенного непосильной тяжестью помещичьего произвола.

Богатую, буйную и чарующую украинскую природу закрывали черные непроглядные тучи — горе закабаленного народа.

Ни один украинский поэт не отобразил с такой нежностью в своем творчестве неисчерпаемую любовь к своему краю, к своему народу, к чарующей украинской природе:

...Дивлюся — аж світає,
Край неба палає,
Соловейко в темнім гаї
Сонце зустрічає.
Тихесенько вітер віє,
Степи, ліни мріють,
Між ярами над ставами
Верби зеленіють.
Сади рясні похилились,
Тополі по волі
Стоять собі, мов сторожа,
Розмовляють з полем.
І все то те, вся країна,
Повита красою,
Зеленіє, вмивається,
Дрібною росою,
Споконвіку вмивається
Сонце зустрічає...
І нема тому почину,
І краю немаз!

Почему же тосковала душа поета среди цветущих садов, среди лесов, где «соловейко сонце зустрічає», в краю, «повитім красою»? Почему плакала душа поета кровавыми слезами? Об этом скажет нам сам поэт. Послушаем же его правду — его благородное слово:

Он глянь, — у тім раї, що ти покидаєш,
Латану свитину з каліки знімають,
З шкурою знімають — бо нічим обуть
Княжат недорослих; а он розпинають
Вдову за подушне, а сина кують,
Єдиного сина, єдину дитину,
Єдину гадію! в військо оддають!
Бо його, бач, трохи! а онде під тинном
Опухла дитина — голоднее мре,
А мати пшеницю на панщині жне.

Вернувшись в 1844 году в Петербург после своей поездки на Украину, Шевченко пишет поэму «Сон», направленную против царизма.

В 1844—1845 годах Шевченко сближается с участниками кружка Петрашевского. Их социалистическо-утопические идеи и оппозиционность к самодержавию, к крепостному строю были близки Шевченко.

В 1845 году, в марте, Шевченко заканчивает курс Петербургской академии художеств. Советом Академии он был удостоен звания некласного художника и, по просьбе поэта, 25 марта командирован на Украину для художественных занятий.

Вернувшись на Украину, поэт едет на свою родину — Звенигородщину. В 1845 году на Украине он пишет выдающиеся, исполненные революционного освободительного пафоса произведения — «Еретик» («Іван Гус»), «Сліпий» и др.

В селах Шевченко встречается с крестьянами, читает им отрывки из своих произведений, пишет большую поэму «Кавказ». В этой поэме с грустной иронией в гениальных сатирических строках поэт так характеризует судьбу народов в царской России:

А тюрм! А люду!.. Що й лічити!
Од молдаванина до фіна
На всіх языках все мовчить,
Бо благоденствує!

И это «благоденствие» Шевченко рисует в поэме «Кавказ» как кровавую колониальную политику царизма:

За горами гори, хмарою повиті,
Засіяні горем, кровію політі.
Отам-то милостивіі ми
Ненагодовану і голу
Застукали сердешну волю
Та й цькуємо. Лягло костьми
Людей муштрованих чимало.
А сльоз, а крові? напоїть
Всіх імператорів би стало
З дітьми і внуками, втїпять
В сльозах удов'їх.

В поэме «Кавказ» Шевченко становится на защиту угнетенных народов Кавказа.

В поэме «Еретик» Шевченко показывает освободительную борьбу чешского народа против немецких захватчиков. Большими благородными словами он рисует образ Гуса:

Мов кедр серед поля
Ливанського,— у кайданах
Став Гус перед ними!
І окинув нечестивих
Орліми очима.
Затрусилась, побіліли,
Мовчки озирали
Мученика.

И заканчивает поэму началом восстания Жижки из Табора против немецкого гнета.

Имя поэта не сходит с уст народа. Его уважают и любят за страстные и пламенные строки, которые звали к борьбе за волю и человеческое счастье.

В 1846 году в Киеве поэт встречается на литературных вечерах с членами Кирилло-Мефодиевского общества и сближается с его радикальными представителями.

Шевченко привлекают оппозиционные настроения «братчиков»* по отношению к крепостническо-самодержавному строю.

«Когда я уведомил Шевченко о существовании братства,— рассказывал Костомаров,— он сразу же проявил готовность присоединиться к нему, но отнеся к его идеям с большой страстностью и крайней нетерпимостью, что стало уже тогда причиной многих столкновений между мною и Шевченко».

Для Шевченко, который звал к кровавой расправе с помещиками, с царскими сатрапами, с угнетателями, христианско-евангельская тактика и программа Кирилло-Мефодиевского общества была чуждой. Он требовал от «братчиков» настоящей революционной борьбы. Вот почему Кулиш и другие старались любой ценой сдерживать революционное бунтарство поэта и держать его подальше от общества. Шевченко приходил на заседания «братчиков», читал свои пламенные стихи и резко протестовал против «умеренности» либеральных «братчиков».

Чем больше росла слава поэта на Украине, тем больше была обеспокоена полиция. И по доносу студента Петрова о существовании в Киеве тайного общества, где не раз читались явно «противозаконные» стихи Шевченко, в которых «Малороссия» призывалась к восстанию, был получен приказ из Петербурга арестовать всех «братчиков» и Шевченко и немедленно доставить в Петербург. 5 апреля 1847 года под Киевом жандармы арестовали Шевченко и отправили в Петербург.

В докладе Николаю I шеф жандармов подчеркивал, что «не так серьезные» идеи «братчиков», как «возмутительные» сочинения Шевченко.

На допросе Шевченко держал себя мужественно. Царизм боялся судить поэта, ибо хорошо знал, что Шев-

* Так называли себя члены Кирилло-Мефодиевского общества.

ченко был популярным и любимым поэтом, вокруг имени которого уже сложились в народе целые легенды. Поэта наказали без суда.

«Художника *Шевченко*, за сочинение возмутительных и в высшей степени дерзких стихотворений, как одаренного крепким телосложением, определить рядовым в Оренбургский отдельный корпус, с правом выслуги, поручив начальству иметь строжайшее наблюдение, дабы от него, ни под каким видом, не могло выходить возмутительных и пасквильных сочинений». К этому решению Николай I собственноручно добавил:

«Под строжайшее наблюдение, с запрещением писать и рисовать».

Об этом приговоре Шевченко пишет в дневнике:

«Если бы я был изверг, кровопийца, то и тогда для меня удачнее казни нельзя было бы придумать, как сослав меня в Отдельный оренбургский корпус солдатом. Вот где причина моих невыразимых страданий. И ко всему этому мне еще запрещено рисовать. Отнять благороднейшую часть моего бедного существования! Трибунал под председательством самого сатаны не мог бы произнести такого холодного, нечеловеческого приговора. А бездушные исполнители приговора исполнили его с возмутительной точностью.

Август-язычник, ссылая Назона к диким гетам, не запретил ему *писать и рисовать*. А христианин N запретил мне то и другое. Оба палачи».

Десять лет держал царизм Шевченко в ссылке. Десять ужасающих лет, подорвавших здоровье поэта, но не сломивших его волю. Несмотря на запрещение писать и рисовать, Шевченко в ссылке нарушает «высочайший указ» и пишет. Там создал он свои повести. Рискуя жизнью, он пишет на русском языке повести: «Художник», «Музыкант», «Прогулка с удовольствием и не без морали» и другие, а также рисует.

На последнем году ссылки Шевченко начинает писать дневник, как он называет его — «Журнал». Эта книга — чрезвычайно интересный литературный документ в наследии Шевченко.

В дневнике мы встречаем драгоценные строки, которые помогают нам на основе всего наследства Шевченко наиболее полно представить себе великого поэта, разобраться в его философских взглядах и его эстетических критериях, в его отношении к крепостной системе, к демократическим идеям, к выдающимся прогрессивным деятелям России, а также Западной Европы.

Шевченко прекрасно понимал, из чего состоит нация. Нация для Шевченко — не верхушка дворянства, а народ. Он призывает художников отдать свой талант только народу.

Когда в руки Шевченко попал труд по вопросам эстетики польского философа-идеалиста Карла Либельта, поэт отметил в дневнике свое критическое отношение к идеалистической философии. Из строк дневника, которые Шевченко посвятил Либельту, мы чувствуем материалистическую основу мировоззрения Шевченко.

Если в поэтических произведениях Шевченко выступает перед нами как реалист, то в своем восприятии объективного мира, в своем мировоззрении Шевченко базируется на материализме. Стихийный материализм Шевченко шел от его народности, от его знакомства с учением выдающихся демократов — Чернышевского, Добролюбова, Герцена, от знакомства с учением французских энциклопедистов.

Очень интересно проследить, за что именно Шевченко резко критикует Либельта и как он формулирует свое отношение к объективной реальности.

«С Либельтом я немного знаком по его «Деве Орлеанской» и по его критике и философии. На первый взгляд он мне показался мистиком и непрактиком в искусствах. Посмотрим, что дале будет. Боюсь, как бы вовсе не раззнакомиться». И дальше вскоре записывает о Либельте:

«...жестко, кисло, приторно. Настоящий немецкий супвассер... Либельт, он только пишет по-польски, а чувствует (в чем я не сомневаюсь) и думает по-немецки. Или по крайней мере пропитан немецким идеализмом (бывшим, не знаю, как теперь?). Он смахивает на нашего В. А. Жуковского в прозе. Он так же верит в безжизненную прелесть немецкого тощего, длинного идеала, как и покойный В. А. Жуковский».

Читая книги Либельта, Шевченко все время записывает свои впечатления:

«Он [Либельт], например, человека-творца в деле изящных искусств вообще, в том числе и в живописи, ставит выше природы. Потому, дескать, что природа действует в указанных ей неизменных пределах, а человек-творец ничем не ограничен в своем создании. Так ли это? Мне кажется, что свободный художник настолько же ограничен окружающею его природою, насколько природа ограничена своими вечными, неизменными законами. А попробуй этот свободный творец на волос отступить от вечной красоты-природы, он делается богоотступником, нравственным уродом, подобным Корнелиусу и Бруни. Я не говорю о дагерротипном подражании природе. Тогда бы не было искусства, не было бы творчества, не было бы истинных художников, а были бы только портретисты вроде Зарянка».

Современник Шевченко, художник Сергей Константинович Зарянка был известен своей манерой точно копировать оригинал. Этим объясняется отрицательное отношение Шевченко к нему, так как он свое искусство подчинял дагерротипии, то есть фотографии.

Природа, живой человек, живая реальность были основой творчества Шевченко, его мировоззрения.

Стихийный материализм Шевченко в критике Либельта, его высказывания в других местах, критический реализм в творчестве, его высказывания о роли развития техники, о французских энциклопедистах — все это свидетельствует о материалистическом мировоззрении поэта, хотя Шевченко, разумеется, не мог быть и не был последовательным материалистом в нашем понимании, как это пытались утверждать некоторые вульгаризаторы.

Величие Шевченко, его литературное наследие, его пламенное сердце борца, демократа-революционера, его преданность трудовому народу, его борьба против царизма, против помещиков — украинских, русских, польских, — его гневное слово, как и вся его жизнь борца, не нуждаются ни в каких прикрасах.

Шевченко не был пролетарским революционером и не мог им быть, потому что он жил в эпоху, которую так гениально показал нам в своих произведениях Владимир Ильич Ленин, характеризуя мировоззрение Чернышев-

ского — демократа-революционера, идейного друга великого украинского поэта:

«Чернышевский был социалистом-утопистом, который мечтал о переходе к социализму через старую, полуфеодальную, крестьянскую общину, который не видел и не мог в 60-х гг. прошлого века видеть, что только развитие капитализма и пролетариата способно создать материальные условия и общественную силу для осуществления социализма. Но Чернышевский был не только социалистом-утопистом. Он был также революционным демократом, он умел влиять на все политические события его эпохи в революционном духе, проводя — через препоны и рогатки цензуры — идею крестьянской революции, идею борьбы масс за свержение всех старых властей».

Революционно-демократическое мировоззрение Шевченко, его идейная дружба с великими русскими революционерами-демократами — все это вызывало ненависть к нему со стороны украинских националистов, панов-либералов.

Когда Шевченко, возвращаясь в 1857 году из ссылки, ожидал в Нижнем-Новгороде разрешения вернуться в столицу, Кулиш отказался приехать к нему, но из Москвы, на перекладных, зимой, рискуя здоровьем и зная, как на это посмотрит полиция, едет в Нижний, чтобы проведать замученного ссылкой великого украинского поэта, семидесятилетний выдающийся русский актер Щепкин.

Достаточно ознакомиться с богатейшим наследием Шевченко, чтобы понять, что Тарас Григорьевич стоял на вершине передовой культуры того времени. Читая дневник, мы на каждой страничке встречаем чрезвычайной глубины реалистические оценки и обобщения по поводу разных событий, прочитанных книг, роли художника в обществе.

В предисловии, которое Шевченко готовил ко второму изданию «Кобзаря», он так определил роль писателя:

«Чтобы знать людей, нужно пожить с ними.

А чтобы о них писать, нужно самому стать человеком, а не бумагомарателем. Вот тогда пишете и печатаете, и труд ваш будет трудом честным».

Шевченко в украинской литературе, как Пушкин

в русской литературе, является основоположником новой украинской литературы и украинского литературного языка.

Неисчерпаемым источником сюжетов и языка служила для Шевченко жизнь трудового народа и его язык. Горький говорил о Шевченко:

«...он заслуживает высокой оценки именно как первый и истинно народный поэт, который не искажал субъективными прибавлениями народных дум и чувств.

В его жалобах на личную судьбу слышна жалоба всей Малороссии, в его воспоминаниях о казацкой воле — вы почувствуете воспоминания всего народа».

Язык Шевченко стал образцом в классической украинской литературе.

Шевченко глубоко уважал и любил Пушкина, Лермонтова, Щедрина, Гоголя. Достаточно вспомнить его отзыв о «Губернских очерках» Салтыкова.

«Как хороши «Губернские очерки», в том числе и «Мавра Кузьмовна» Салтыкова... Я благоговею перед Салтыковым. О Гоголь, наш бессмертный Гоголь! Какою радостью возрадовалась бы благородная душа твоя, увидя вокруг себя таких гениальных учеников своих».

Так же тепло и любовно относился Шевченко к декабристам. Увидев «Полярную звезду» Искандера (Герцена) за 1856 год, на обертке которой были портреты декабристов, Шевченко записал в дневнике:

«...портреты первых наших апостолов-мучеников меня так тяжело, грустно поразили, что я до сих пор еще не могу отдохнуть от этого мрачного впечатления. Как бы хорошо было, если бы выбить медаль в память этого гнусного события. С одной стороны — портреты этих великомучеников с надписью: «Первые русские благовестители свободы», а на другой стороне медали — портрет неудобозабываемого Тормоза с надписью: «Не первый русский коронованный палач».

Какими жалкими кажутся нам попытки украинских националистов, которые старались в своих грязных писаниях оторвать Шевченко от его друзей — передовых людей русской культуры. Взаимная любовь и уважение

между Шевченко и его друзьями — прогрессивными деятелями русской культуры, выдающимися литераторами — были в течение всей жизни поэта.

Мы не можем не вспомнить также о том, как выдающиеся русские литераторы помогали Тарасу Григорьевичу выкупить его родных из крепостной неволи. «Комитет общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым» обратился к помещику, польскому магнату Флиорковскому, крепостными которого были два брата и сестра великого украинского поэта, с письмом о выкупе.

Вот это письмо:

«Мы, нижеподписавшиеся, члены комитета общества литераторов и ученых, обращаемся к вам с покорнейшей просьбой в надежде, что вы примете ее во внимание...

Уважаемый и любимый сочлен нашего общества, известный всем русский поэт Тарас Григорьевич Шевченко, имеет между крепостными вашими крестьянами Киевской губернии, Звенигородского уезда, в селе Кирилловка, двух родных братьев — Никиту и Иосифа — и сестру Ирину. Он очень желает, чтобы они получили свободу, и скорбит в разлуке с ними. Не откажите, милостивый государь, великодушно исполнить горячее желание Тараса Григорьевича и отпустите братьев и его сестру на волю...

Если вы, милостивый государь, убедительнейшею этою нашею усерднейшею просьбою согласитесь отпустить на волю родных Т. Г. Шевченко, но не иначе, как за выкуп, то покорнейше просим вашего уведомления — какую именно сумму желаете вы получить за них, чтобы мы могли известить об этом г. Шевченко...»

Это письмо подписали Тургенев, Чернышевский, Анненков и др. Чествуя светлую память нашего гениального поэта, мы с глубокой любовью и благодарностью вспоминаем и чтим имена великих друзей Тараса Григорьевича, передовых, прогрессивных представителей культуры великого русского народа.

В Нижнем-Новгороде, в ожидании разрешения вернуться в Петербург, Шевченко пишет «Неофиты», «Юродивый», «Доля», «Муза», «Слава». «Неофиты» он посвящает Щепкину.

10 февраля 1858 года Шевченко получает разрешение вернуться в Петербург. Он едет через Москву, где встречается с Аксаковым и знакомится с декабристом Волконским, который вернулся из Сибири.

27 марта 1858 года поэт прибыл в Петербург. С огромным почетом встречают его литераторы и художники.

Шевченко в Петербурге становится близко к «Современнику», где объединяются лучшие представители русской революционной демократии — Чернышевский, Добролюбов, Некрасов, Салтыков, Курочкин и др.

У Костомарова Шевченко встречается с Н. Г. Чернышевским; на вечерах у Никитенко — с Некрасовым; на квартире у Костомарова происходит встреча выдающегося грузинского поэта Акакия Церетели с Шевченко. В своих воспоминаниях Церетели пишет о Шевченко:

«Встреча осталась у меня светлым воспоминанием на всю мою жизнь. Признаюсь, я впервые понял из его слов, как нужно любить родину и свой народ».

В грузинской газете «Сахалко» за 1914 год есть описание вечера в Тбилисском университете, посвященного столетию со дня рождения Тараса Григорьевича.

«Встреченный горячими аплодисментами, выступил Акакий Церетели. Он поздравил присутствующих украинцев с их национальным праздником и с удовлетворением вспомнил то время, когда он в Петербурге имел возможность познакомиться с Тарасом Шевченко, сердце которого пылало истинной и бескорыстной любовью к народу. Церетели охарактеризовал большие заслуги Шевченко перед украинским народом и призвал украинцев так любить свою родину, как любил ее Шевченко, что будет для него лучшей наградой и нерукотворным памятником. Потом Церетели в знак уважения к достойному сыну украинского народа склонил колени перед бюстом Тараса Григорьевича Шевченко, а народ, присутствующий на собрании, почтил вставанием память великого поэта».

В Петербурге Шевченко отдается не только литературной работе, но и принимает участие в выступлениях в пользу воскресных школ. Публика встречает поэта горячими аплодисментами.

Шевченко принимает участие в политических протестах против черносотенной писанины журнала «Иллюстрация», который поместил грязные антисемитские статьи зоологических шовинистов-погромщиков. В этом протесте выдающиеся литераторы писали:

«Никакой честный человек не может оставаться равнодушным при таком позорном поступке, и вся русская литература должна как один человек с негодованием протестовать против него...

Да послужит этот протест примером и предостережением для будущего и да оградит он навсегда нашу литературу от подобных явлений».

Под этим протестом против антисемитских статей журнала «Иллюстрация» подписались: Марко Вовчок, Жемчужников, Аполлон Майков, Салтыков-Щедрин, Тургенев, Чернышевский, Шевченко и известный хирург Пирогов.

В 1858 году в «Колоколе» Герцена было напечатано письмо к крепостным России:

«Слышите, вы, бедняки, тщетны ваши надежды на меня,— говорит вам царь. На кого же надеяться теперь, на помещиков? Но ведь они заодно с царем, а царь явно держит их сторону. На себя только надейтесь, на силу рук своих; наточите топоры и за дело...»

Шевченко, ознакомившись с этим письмом, также призывает народ точить топоры против царя:

...Добра не жди,
Не жди сподіваної волі —
Вона заснула: цар Микола
Її приспав. А щоб збудить
Хиренну волю, треба миром,
Громадою обух сталить
Та добре вигострити сокиру —
Та й заходитися вже будить.

Через некоторое время в «Колоколе» было помещено письмо к Герцену от русских революционных демократов с призывом: «К топору зовите Русь».

В 1859 году Шевченко едет на Украину. Но, опережая его, мчатся курьеры с приказом следить за поэтом, и в Петербург летят доносы, что Шевченко, встречаясь с народом, «кроме богохульства, говорил еще, что не нужно ни царя, ни попов, ни панов».

В июле поэт был арестован, и ему предложили вернуться немедленно в Петербург. В Петербурге Шевченко готовит к печати новое издание «Кобзаря». Революционные стихи Шевченко распространяются нелегально вместе с произведениями Чернышевского, Добролюбова, Герцена.

До последних дней своей жизни Шевченко звал народ к свободе, к борьбе с крепостническим самодержавным строем. Его поэтическое слово слышно было далеко за пределами России. В Лейпциге в 1859 году издается сборник стихов Шевченко и Пушкина. В том же году появляется первый перевод произведений Шевченко на болгарский язык.

26 февраля (ст. ст.) 1861 года не стало гениального поэта. Его преждевременная смерть была следствием ужасной жизни. Его убил царизм, подорвав здоровье поэта в тюрьмах, ссылках, подвергнув жесточайшему полицейскому насилию каждый день его сознательной творческой жизни.

Весть о смерти великого кобзаря как молния облетела весь Петербург, Москву, Украину. Полиция приняла все меры к тому, чтобы не допустить демонстрации. Но за гробом поэта шло много людей. Горячие речи прозвучали на Смоленском кладбище над гробом поэта, невзирая на присутствие большого количества полицейских.

Некрасов посвящает памяти Шевченко стихотворение, исполненное любви и уважения к украинскому поэту. В Лондоне в герценовском «Колоколе» печатается теплый некролог на смерть Шевченко.

Много дней велись переговоры с царскими чиновниками, пока, наконец, было вырвано у них разрешение перевезти тело поэта на Украину и похоронить над Днепром, выполнить его завещание.

Из Петербурга через Москву, где на Арбате собрались студенты, литераторы, чтобы почтить память Шевченко, друзья поэта повезли его тело на Украину. Села и города встречали гроб с телом Шевченко. Молодежь произносила над его гробом горячие речи, прощалась с великим кобзарем. В Киеве студенты и крестьяне за городом выпрягли лошадей, сами впряглись в воз и со слезами на глазах повезли гроб поэта.

На Чернечу гору под Каневом съехались крестьяне. Тысячи людей прощались с выдающимся сыном украинского народа. 10 мая 1861 года поэт был похоронен на Чернечей горе. Несколько месяцев крестьяне из разных сел насыпали курган, поставили на нем деревянный крест. С того времени не зарастала тропа на могилу гениального поэта. Ни полиция, ни жандармы, никакие преследования не могли остановить тысячи и тысячи людей, которые ежегодно весной приходили на могилу поэта, приносили цветы и с любовью читали наизусть его бессмертные стихи.

Преследования Шевченко со стороны царских сатрапов не прекратились и после его смерти.

Кто же защищал великого украинского поэта, его поэтическое наследие, его светлую память от царских сатрапов? Его защищал трудовой народ, русская революционная демократия, партия рабочего класса.

Когда в 1914 году минуло сто лет со дня рождения Шевченко, царизм запретил отметить светлую память поэта. И против этого запрещения резко выступил орган большевистской партии — «Правда». В статье «Крепостники и Шевченко», напечатанной 25 декабря 1914 года, огонь был направлен против черносотенцев и либералов. Статья была редакционная. В ней отмечалось, что уже первым изданием «Кобзаря» в 1840 году Шевченко сразу стал в ряду выдающихся национальных поэтов.

С сарказмом, направленным против царизма, большевистская газета «Правда» писала:

«Ведь он [Шевченко] совершил сразу два великих преступления: он, во-первых, вышел из народа, из крепостных крестьян, и он, во-вторых, оказался не просто поэтом, а поэтом-демократом, певцом угнетенных масс народа. За это в крепостной России поэт был в 1847 г. арестован и сдан в рядовые...

За что же продолжают гонения против Шевченко теперь? Да за то же самое. Потомки крепостников относятся к народному поэту, вышедшему из крестьян, с той же злобной ненавистью, что и их приснопамятные отцы.

Для большей наглядности кампанию начали организованные черносотенцы — друзья Пуришкевича. Пуришкевичи потребовали, чтобы чествования

памяти Шевченко не были допущены, чтобы памятника не позволили открывать... И был разослан соответствующий официальный циркуляр, предписывающий так именно и поступить.

Память одного из величайших народных поэтов отмечена будет... запретительным циркуляром...»

Либералы сделали вид, что они не соглашаются с циркуляром о запрещении юбилея Шевченко, и по этому поводу написали статью, но «Правда» разоблачает их жульнический маневр.

«Наши либералы тоже протестуют против этого,— пишет «Правда» — Но в их протесте — добрая доля холопства и раболепия. Пуришкевичей стараются они усостыжить указанием на то, что, обозля украинцев, «мы» помогаем-де Австрии, которая на «сепаратистских струнах разыгрывает свою политику».

Не поэтому протестует против гонителей Шевченко демократия, рабочий класс. Рабочие протестуют потому, что в поведении гонителей Шевченко видят остатки крепостнического варварства, всевластия митрофанушек».

Кроме этого, «Правда» печатает статью под заголовком «Памяти Т. Г. Шевченко». В ней подробно излагается биография поэта и говорится:

«...страдалец-поэт, почти всю свою сознательную жизнь проживший под запретом, больше полустолетия спустя после своей смерти попрежнему остается под запретом».

И дальше:

«...Тарас Шевченко, этот разносторонний могучий талант, на многие годы лишенный возможности проявиться, все-таки не потерял веры в жизнь и жажды действия...»

И злая доля была ему отмерена полной мерой, что еще больше дает великому малорусскому поэту право на вечную славу и добрую память потомков, за благо и счастье которых он всю свою жизнь боролся».

Сразу же после смерти Шевченко, когда еще не увяли венки на его могиле, украинские националисты, такие как Кулиш, не только отвернулись от великого поэта, но грязными словами, исполненными черной ненависти

к революционной поэзии Шевченко, назвали его музу «пьяной музой».

Матросы, кулиши и иже с ними националисты извращали, фальсифицировали произведения Шевченко и глубоко ненавидели его. Они действовали заодно с пуришкевичами, черносотенцами. Только большевистская партия, возглавляемая великим гением революции Лениным, защищала Шевченко от черносотенцев, от националистов, от всех тех, кто старался извратить образ великого народного певца.

Ленин первым распознал и разоблачил лютых врагов — украинских буржуазных националистов. Еще до Октябрьской революции, в 1914 году, Ленин призывал:

«Да здравствует тесный братский союз рабочих украинских, великорусских и всяких иных наций России!»

Гениальный Ленин уделял исключительное внимание вопросам украинской литературы языка.

В произведении «Критические заметки по национальному вопросу» Ленин указывает, что путь развития украинской культуры — в ее неразрывной связи с культурой русского народа.

Ленин пишет:

«Когда речь идет о пролетариате, это противопоставление украинской культуры в целом великорусской культуре, тоже в целом, означает самое бесстыдное предательство интересов пролетариата в пользу буржуазного национализма».

И дальше там же:

«Есть две национальные культуры в каждой национальной культуре. Есть великорусская культура Пуришкевичей, Гучковых и Струве, — но есть также великорусская культура, характеризующаяся именами Чернышевского и Плеханова. Есть *такие же две культуры в украинстве...*»

Украинский народ знает так называемую «культуру» зоологических националистов — грушевских, петлюр, ефремовых, винниченко, шаповаловых — иноземных наймитов. И украинский народ знает свою настоящую культуру, которая связана прежде всего с именем гениального сына украинского народа Шевченко, с именами выдающихся писателей Франко, Коцюбинского, Леси Украинки.

Ленин писал:

«Запрещение чествования Шевченко было такой превосходной, великолепной, на редкость счастливой и удачной мерой с точки зрения агитации против правительства, что лучшей агитации и представить себе нельзя... После этой меры миллионы и миллионы «обывателей» стали превращаться в сознательных граждан и убеждаться в правильности того изречения, что Россия есть «тюрьма народов».

В октябре 1917 года под руководством героической партии была уничтожена тюрьма народов, была свергнута власть буржуазии. Украинский народ при помощи великого русского народа освободился от кабалы помещиков, капиталистов, разгромив контрреволюционное нашествие Петлюры, Деникина, Пилсудского и немецких интервентов.

30 июля 1918 года Владимир Ильич, как глава Совета Народных Комиссаров, подписывает декрет о сооружении в Москве и других городах памятников выдающимся деятелям прошлого. Рядом с именами лучших деятелей — революционеров, писателей, философов — стоит имя Тараса Григорьевича Шевченко. В Петрограде, в торжественной обстановке, был открыт первый в мире памятник поэту, борцу-революционеру.

В послеоктябрьское время украинские буржуазные националисты, маскируясь, пытались в своих писаниях доказать, будто Шевченко был националистом. Так писали они не только о Шевченко, а и обо всех прогрессивных деятелях украинского народа в прошлом. Они хотели своей подлой писаниной доказать, что, мол, на Украине в прошлом не было ни одного общественного деятеля или выдающегося писателя, который не был бы националистом. Этим самым они пытались доказать, что украинской классической литературе свойственен национализм как нечто органическое для нее. Подлые предатели-националисты, работавшие по заданию фашистских разведок, были разоблачены и беспощадно разгромлены советским народом, руководимым Коммунистической партией большевиков.

Имя Шевченко было, есть и будет дорого всем народам Советского Союза.

ВМЕСТЕ С ЖИЗНЬЮ

Работая над современной тематикой, я немало поездил по селам, изучал колхозную деревню. С очень интересными жизненными фактами пришлось мне там столкнуться. Наше украинское село сильно выросло и продвинулось вперед.

Никогда не забуду, как попал я однажды в хату-лабораторию. Заведовал ею колхозник лет пятидесяти. Ему помогала пятнадцатилетняя девочка, его ассистентка. Они мне рассказали, что выводят около миллиона телемусов и очень увлекательно описали, как ведется борьба с вредителями сельского хозяйства.

На стене висели, вероятно вырезанные из газет, портреты Дарвина, Мичурина, Лысенко. Их украшали золотые венки из колосьев пшеницы, а внизу была от руки сделана надпись: «Товарищи Дарвин, Мичурин, Лысенко». Когда я спросил, почему написано «товарищ Дарвин», — колхозник спокойно мне ответил.

— Конечно же, Дарвин является нашим товарищем.

Нет теперь на селе бригадира или звеньевых, которые в результате огромного своего культурного роста и в силу больших задач, стоящих перед социалистическим земледелием, не обладали бы целым комплексом знаний. Они каждодневно применяют эти знания на практике, чтобы добиться высоких урожаев зерновых и технических культур или достигнуть крупных успехов в животноводстве.

В литературе прошлых эпох, и еще так недавно, крестьянин изображался писателями-интеллигентами, даже

сочувствовавшими народу, как существо забитое. Но за каких-нибудь два с небольшим десятка лет он поднят нашей великой партией и стал теперь самым передовым земледельцем в мире.

Много ночей провел я в степи, беседуя с бригадирами, звеньевыми, и это были чудесные беседы. Просто удивительно, с какой легкостью, с каким знанием дела колхозники говорили со мной о сложных биологических вопросах, которые поднимал академик Лысенко. И мне понятно стало, что достижения Мичурина и Лысенко действительно на каждом шагу помогают жить, что сложные теоретические высказывания их превратились в реальную силу.

Когда писатель жалуется, что его книга не то что не расходуется,—сейчас каждая книга разоидется, так велик покупательный спрос,—а вот что нет настоящего отзвука на произведение, что нет диспутов, обсуждений, что он мало получает писем, и когда он делает отсюда вывод, что культура еще отстает,—он глубоко ошибается. Не читатель виноват, а часто виноваты мы сами, писатели. Не до конца еще мы поняли, что только глубоко осознанная современная тематика, образы людей, создающих нашу действительность, могут взволновать читателя.

Однообразие нашей тематики в первую очередь является отражением писательского быта. К великому сожалению, добрая половина литераторов годами не выезжает из своего города, вращаясь в узком кругу между редакциями и писательской организацией. Потому-то и герои так похожи, так родственны во многих книгах, пьесах, кинокартинах.

Какие чудесные биографии у выдающихся людей нашей родины! По-настоящему в художественных произведениях мы их не отразили, и у нас нет художественно-биографической литературы. А ведь биография человека является основой творчества каждого писателя во все эпохи. Тем более в нашу чудесную эпоху читатель хочет узнать себя, увидеть своих лучших друзей в художественной литературе. Такая литература будет интересна и для будущих поколений.

Особенно мало мы знаем крупные характеры выдающихся деятелей национальных республик. В этом отношении советская литература в большом долгу перед

читателем. Как-то так получается, что передовые люди, где бы они ни были,— и на Крайнем Севере, и у южных морей, и на Памире,— видны нашей партии, нашему правительству. За большие дела правительство награждает их высокими наградами, орденами. В газетах мы постоянно читаем об этом, но в поле зрения литераторов их попадает очень и очень мало. У нас, писателей, нет настоящей большой переписки с людьми, хотя бы частично такой, какую имел, например, А. М. Горький.

Мне кажется, что в этом году перед нами, литераторами, встают особые задачи. Мы подходим к 25-летию победоносного строительства социализма, и писатели должны создать чудесный венок произведений, в книгах своих ярко и глубоко показать нашу современность, наших выдающихся людей, построивших под руководством партии могущественную державу социализма.

К 25-летию Октябрьской революции я задумал написать две пьесы: одну — из жизни передовых людей нашей металлургии, другую — из жизни Красной Армии. Летом я хочу поехать по стране, встретиться с лучшими людьми, работающими в металлургической промышленности, а также побывать в частях Красной Армии.

Мой киносценарий «В степях Украины» принят Киевской киностудией к постановке. Ставить будет режиссер Игорь Савченко, постановщик фильма «Богдан Хмельницкий». В этом сценарии мне удалось намного раздвинуть рамки пьесы, внести новые сюжетные линии, новый материал, показать самый передовой колхоз Украины — колхоз Чеснока, богатые стада животноводческих ферм, тучные поля и чудесные пейзажи родной Украины.

В этом году к осени я должен закончить новый киносценарий — о знаменитом полководце украинского народа в XVII столетии, Иване Богуне.

Богун — очень интересная фигура. О нем народ создал много чудесных песен, и не удивительно, что в эпоху гражданской войны его именем был назван один из полков Щорсовской дивизии. Мне хочется показать рыцарскую душу Богуну, который весь свой военный талант и свои чудесные личные качества бойца отдал на служение народу.

Писатели буржуазного мира не имеют возможности творить и потому, что бушует вторая империалистическая война, и потому, что большинству из них пришлось начинать жизнь как бы сначала. У многих из них произошло крушение идеала, принципов. То, что представлялось им вечным, оказалось минутным мифом. То, во что они верили, изменило им. Мы же, советские писатели, вооруженные великой теорией Марксизма—Ленинизма имеем возможность единственно правильно оценивать происходящие события.

Еще не так давно буржуазные писатели пробовали упрекать нас в тенденциозном подходе к действительности. Как много в больших столицах мира было сказано красивых слов о гуманизме! Сколько вообще было произнесено пышных речей... Но мы видели, что часто эти хорошие слова имеют целью усыпить бдительность народных масс.

Советские писатели прекрасно понимают, что, о чем бы они ни писали, какие бы темы ни брали,— основной, главнейшей является задача — крепить мощь нашей великой Родины, Отечества трудящихся всего мира, художественным словом. Красная Армия провела огромную работу по перестройке. Рабочий класс борется за минуты и секунды в производственном процессе. Колхозное крестьянство дает невиданные урожаи. Мы же, советские писатели, художники, в своей области еще отстали. И мы обязаны отдать все свои силы, весь талант, работать намного больше, чем работали до сих пор.

Смелее надо брать острые темы нашей современности, а не оглядываться на группку эстетствующих критиков и симпатизирующих им писателей. Не клясться на каждом шагу именем Маяковского, а действительно идти в жизнь так, как это делал Маяковский.

Наша литература, наша живопись располагают большими кадрами талантливых людей с творческим опытом, партия и правительство создали нам для работы все условия, и я глубоко уверен, что к 25-летию Октября мы придем с произведениями, достойными великого советского народа.

С ЛЕНИНЫМ В СЕРДЦЕ

До Саратова оставалось немного, но пробраться туда не было никакой возможности. Ветер нес тучи, пути замело, и машина стала. Вдруг из-за гигантских снежно-белых завес появилась старая женщина. Она поглядела на дорогу и исчезла. Через час она появилась снова. За ней на дорогу вышла корова, вторая, и вскоре остановилось целое стадо.

К женщине подошли две девушки. Коровы окружили их, опустив головы. Девушки о чем-то спорили со старухой. Я подошел к ним.

— Откуда скот гоните?

— Из Полтавы, — ответили девушки.

Я посмотрел на коров. Трудно было поверить. Скот был в таком состоянии, будто его только что выгнали из теплых колхозных ферм. Старуха подошла к одной из коров. Она сурово оглядела ее и любовно погладила рукой. Девушки с красными от холода лицами пытались дыханием согреть замерзшие руки. Они рассказывали, что жили в колхозе под Полтавой, там в селе столетние вербы и самые красивые тополя, что идут они уже третий месяц за Волгу, в определенное место, и что коровы эти — гордость всей Полтавы, а тетку Марину — заведующую фермой — знают даже в Москве.

— Сколько лет тетке Марине?

— Шестьдесят два года, — ответили девчата.

Я подошел к тетке Марине. Она накрыла корову

своим козухом, обняла ее за шею и что-то шептала. На груди у старухи сверкал орден Ленина.

Через несколько минут, опираясь на палку, она пошла вперед. За нею двинулось все стадо и исчезло в тучах снега.

Старая колхозница подняла стадо и простилась с селом в ясный солнечный день, когда спелые плоды падали с веток, но их никто не собирал. Замер колхоз имени Ленина. Последняя машина оставляла село. На вышитых полотенцах вынесли бронзовый бюст Ленина. Бюст стоял перед зданием правления, но его сняли, чтобы враг не надругался над памятью великого человека, которому украинский народ обязан своей свободой, своим счастьем. В молчании стояла толпа. Но когда поставили на машину бронзовый бюст, кто-то зарыдал. Не плакали люди, видевшие за последние дни много горя. А в эту минуту не выдержали. Председатель колхоза хотел что-то сказать, и не смог. Он только махнул рукой. Машина тронулась. Долго бежали люди за машиной, глотая слезы.

Враг думал, что ему удастся найти на Украине предателей, найти выроdkов и заразить народ отравой шовинизма. Гитлер знал, знал по опыту, что националистическая пропаганда, натравливание одного народа против другого дали ему больше, чем бронированные дивизии. Но здесь, на Украине, лопнула надежда Гитлера. Не квислингов нашел он на нашей земле, а тысячи партизанских отрядов, народную ненависть к поработителям.

Ни террор, ни зверства фашистских разбойников не поставили и не поставят на колени украинский народ. Никто не вырвет из наших рук победоносное знамя коммунизма. Гитлер понял, что не потопить ему святого чувства дружбы украинского и русского народов. Великий русский народ и его выдающийся сын — гений человечества Ленин — помогли брату своему, народу Украины, выйти из векового гнета и создать свое свободное цветущее государство. Да, теперь фашисты поняли, что нет силы, которая могла бы разорвать узы братства украинцев с великим русским народом, со всеми народами нашей родины. Украинцы поклялись, что еще до того, как старый Днепр разольется по зеленым лугам,

они разгромят врагов, и бурные воды Днепра навсегда смоят фашистскую нечисть.

С орденом Ленина на груди, с Лениным в сердце шестидесятидвухлетняя крестьянка Марина, преодолевая дожди и бури, мороз и вьюгу, прошла более тысячи километров, спасая народное добро от грабителей. Скоро, скоро вернется Марина со своими стадами в родное село, и снова среди цветов будет стоять бронзовый бюст Владимира Ильича Ленина в колхозе, который с гордостью носит его имя.

1942

ГУДИТ УКРАИНА

С колоссальной глубиной, страстностью и любовью отобразил Тарас Шевченко горе, страдание, слезы и гнев обездоленного крестьянина-бедняка, погибавшего от голода и непосильного рабского труда на помещичьей земле. На богатейших землях трудолюбивый украинский крестьянин от зари до зари гнул свою спину и не мог спасти себя, свою семью от голода, а труд становился все каторжной, и нужда, казалось, навек поселилась в каждой хате.

Изобразив страшную картину вечного гнета и страдания украинского крестьянина, его лучший сын, Тарас Григорьевич Шевченко, верил, что придет время, и заговорит Днепр, и сотнями рек потечет в синее море вражья кровь. Шевченко предчувствовал, откуда придет освобождение, и поэтому на склоне лет написал в дневнике: «Пароход в ночном погребальном спокойствии мне казался огромным, глухо рокочущим чудовищем с раскрытой огромной пастью, готовый проглотить помещиков-инквизиторов. Великий Фультон. И великий Уатт. Ваше молодое, не по дням, а по часам растущее дитя в скором времени пожрет кнуты престола и короны, а дипломатами и помещиками только закусит, побалуется, как школяр леденцом. То, что начали во Франции энциклопедисты, то завершит на всей нашей планете ваше колоссальное гениальное дитя. Мои пророчества бесспорны».

Эти замечательные слова горели золотом на черном граните у могилы поэта, у памятника, созданного свободной Советской Украиной.

Впервые за всю свою многовековую многострадальную историю украинский крестьянин стал в семье свободных советских народов полновесным хозяином своей богатой земли. Впервые украинский крестьянин разогнул свои плечи, поднял голову и спокойно смотрел в будущее.

Машины заменили тяжелый ручной труд. Новейшие достижения агрономической науки уничтожили страх земледельца перед стихийными силами природы. Все народы Советского Союза гордились созидательным трудом украинского крестьянина. Имена лучших земледельцев стали известны далеко за пределами Советского Союза. Каждый год приносил все больше радостных успехов. Украина гордилась великолепными плодами своего труда, завоеванием мировых рекордов, гордилась своим многомиллионным крестьянством, избравшим навеки единственный путь к счастью — путь колхозный, давший невиданный расцвет человеческого труда, уничтоживший навеки голод, нужду и непосильный рабский труд... Из года в год украинский крестьянин убеждался, что земля, на которой из поколения в поколение трудились деды и прадеды, только впервые в колхозном труде начала давать невиданные урожаи, и называли старую землю украинцы обновленной землей.

Даже лютые враги украинского народа — бандиты гитлеровских орд, разгромившие Европу, когда ворвались в пределы Украины, ахнули, увидев украинскую пшеницу и рожь. Они писали в своих дневниках и письмах, что ни в одной стране ничего подобного не видели и не представляли себе, что могут быть такие урожаи.

Захватив большую часть украинской земли, немецкие фашисты вслед за своей голодной грабьармией послали тысячи так называемых сельскохозяйственных офицеров, матерых колонизаторов, наводить огнем и мечом порядок на оккупированных землях. В западных областях Украины создано пятьсот семьдесят больших помещичьих имений. Крестьяне согнаны с земли и превращены в немецких рабов. Из Волыни, Подолии и Киевской области четыреста тысяч украинских крестьян захватчики вывезли на сельскохозяйственные работы в Германию, которая стала огромным рынком рабства. Там гибнут от голода и каторжного труда сыны Украины, Белоруссии, Польши, Чехии, сыны поработенных славянских народов.

Каждый день приходят вести, что все новые и новые тысячи украинцев насильно вывозят оккупанты в Германию на рабские работы.

Недавно Гитлер назначил кровавого прусского палача Эриха Коха своим наместником на Украине. Этот матерый фашистский бандит, получив назначение в декабре 1941 года, написал письмо к своим друзьям по банде, находящимся в армии: «Я, как рейхскомиссар, взял на себя такую богатую ископаемыми и от природы благословенную Украину, чтобы, согласно воле фюрера, открыть ее и сделать полезной для Европы. Это тяжелая и почетная задача, так как тут дело идет о величайшей работе по заселению, какого не знает человеческая история...»

Гитлеровский палач Кох решил открыть «неизвестную» Украину и начать работу по заселению, то есть вывезти часть украинского крестьянства вглубь Германии, часть истребить, а остальных превратить в рабов немецких помещиков и кулаков. Чем больше Красная Армия бьет фашистских разбойников, тем больше Гитлер и компания разжигают у своих солдат низменные чувства, толкая их на грабежи и обещая после войны сделать каждого отличившегося бандита рабовладельцем на украинской земле.

Кох пишет в этом же письме фронтовикам из Пруссии: «Таким образом, это доверие фюрера дает мне возможность обеспечить хозяйственное будущее каждого из вас в отдельности. Теперь я имею возможность выполнить свое обещание в таком объеме, какой раньше никто, наверное, не мог считать возможным. Я использую каждого из вас согласно его желанию и способностям, не спросив ни о деньгах, ни об имени, а лишь о согласии верности основам национал-социализма».

Письмо Эриха Коха гаулейтору из Восточной Пруссии есть не что иное, как типичный, ничем не прикрытый бандитский разговор начистоту, показывающий, что есть основа национал-социализма. Эрих Кох по воле Гитлера решил заселить Украину грабителями, предупреждая их о главном — что денег будет много, а за разбой спрашивать не будут. Так обращается атаман банды к своим бандитам, чтобы поднять их дух, чтобы остановить их отступление.

Гитлеровские атаманы формируют в Германии из фашистской молодежи банды под громким названием

«солдат-фермеров». Выступивший накануне Нового года Аксман заявил, что лозунгом гитлеровской молодежи на 1942 год должно быть: «Сельскохозяйственная служба на Востоке». Он сказал: «На восточных территориях нужны люди, которые понимают миссию Германии». Сопливые гитлеровские молокососы идут на охоту за рабами на Украину, выполняют кровавую рабовладельческую политику фашистской Германии.

В украинских селах захватчики под угрозой расстрела предложили крестьянам снести зерно для весенних посевов. Крестьяне знают, что Германия пухнет от голода и что гитлеровцы хотят вывезти семена, поэтому всякими способами саботируют приказ немецкого командования. Гитлеровский правитель Розенберг приказал обрабатывать землю «кооперативными товариществами». А потом, после урожая, обещает выделить землю особенно отличившимся перед немецким командованием, то есть уголовным элементам, петлюровско-белогвардейской мрази. Так гитлеровцы хотят насадить себе в помощь в каждом селе несколько кулаков, а все крестьянство лишить земли и заставить его работать на помещичьих фольварках.

Еще не сошел снег с полей, еще реки скованы льдом, но уже увеличивается не по дням, а по часам количество народных мстителей-партизан. Ждут весны украинские крестьяне, ждут не для посева, а для молотбы. Будут молотить проклятых оккупантов так, что и костей своих не соберут фашисты.

Украинский народ знает, что с давних времен немецкие империалисты зарились на богатую Украину. В 1918 году гетманские карательные отряды разъезжали по селам в широких синих штанах и жупанах. Под подкладкой гетманских жупанов было клеймо: «1905 год. Цейхгауз Вена». Уже в 1905 году немецкие империалисты нашили жупаны и только в 1918 году нарядили в них кулацких сынков гетманцев.

Лютый фашистский зверь убийствами, виселицами хочет уничтожить у украинцев надежду на свободу, поставить их на колени. Но легче вырвать из груди сердце украинца, нежели сделать его рабом!

Чем ярче светит солнце, тем сильнее гудит Украина.

От села к селу летит радостная весть с востока. Знает народ, что его сыны-богатыри громят фашистские орды. Знает и готовится к всенародному восстанию в тылу

врага, к священному бою за свою честь, волю и землю, за свою национальную культуру, за поруганную могилу великого Шевченко.

Проклятым фашистским разбойникам украинский народ отвечает словами Шевченко:

Уб'ють, заріжуть вас, душевбивці,
І із кровавої криниці
Собак напоять.

Приближається весна, приближається время священного народного суда над поработителями.

Розкуються незабаром
Заковані люди.
Настане суд,
заговорять
і Дніпро і гори.
І потече сторіками
кров у синє море.

1942.

ПЕРЕЯСЛАВ — ПОЛТАВА

Великое испытание выпало на долю Украины в этой войне. Гитлеровцы хотели закабалить свободолюбивый украинский народ, в рабов превратить его вольных сыновей.

Но в самые тяжелые дни, когда всю украинскую землю заполнили орды гитлеровских разбойников, израненная и скровавлённая Украина не склонила свою гордую голову перед немецким палачом. Чем больше терзал ее враг, чем больше изощрялся он в издевательствах над народом, тем яростнее дрались ее сыновья за свою Отчизну. Черная ночь фашистской оккупации не смогла погасить в сердце Украины священное знамя бсрьбы, великой веры в свое избавление, потому что народ украинский знает, что за его свободу, за его родную землю, за его слово и песню бьются сыновья всех народов-братьев непобедимого Советского Союза.

Оккупанты возводили чудовищные укрепления, построили железную линию дотов и крепостей, лихорадочно спеша отделить украинскую землю от России, от всего Советского Союза. Но украинцы знали, что нет такой силы, которая могла бы разъединить народы-братья. Украинцы знали, что в тяжком горе и мучениях их не оставит родной брат — русский народ, с которым на веки вечные соединились его пути три столетия тому назад в славном городе Переяславе на великой казацкой Раде.

Пришел день торжества. Доблестная Красная Армия освобождает украинскую землю от захватчиков. Великое

знамя родины поднято над древними городами земли украинской — Переяславом и Полтавой.

Переяслав. Сколько в этом слове родного и близкого сердцу украинца! Здесь великий гетман Украины Богдан Хмельницкий со своей войсковой старшиной, с представителями народа и казаков решали судьбу Украины. В Переяславе определились исторические судьбы нашего народа, обеспечившие ему национальную и государственную независимость. Переяслав — колыбель, где родился братский нерушимый союз украинского и русского народов.

8 января 1654 года седуусые рыцари Запорожья ударили в войсковые барабаны, и торжественный гул колоколов Переяслава возвестил выход гетмана Богдана Хмельницкого с послами русского царя на площадь к народу и казакам, собравшимся на историческую Раду. Боевые знамена полков шевелил днепровский ветер. Перед Хмельницким стояли представители казачьих полков, покрывших себя неувядаемой славой в кровавой сече за независимость матери-Украины: переяславцы, нежинцы, чигиринцы, корсунцы, черниговцы, белоцерковцы и посланцы всех куреней и полков войска Украины.

В своем обращении к войску и народу Хмельницкий напомнил о жестоком угнетении украинского народа польской шляхтой, он перечислил кровавый список вопиющих злодеяний, содеянных ею на Украине. «Шесть лет живем мы,— сказал гетман,— в беспрестанных войнах и кровопролитиях с врагами нашими, которые хотят уничтожить нас, нашу церковь, чтобы и имя русское не упоминалось на нашей земле...»

Здесь, в Переяславе, гетман Хмельницкий принял историческое решение, указав путь Украине — путь братства и вечной дружбы с великим русским народом.

Через большие испытания пронесли народы-братья эту святую дружбу, несмотря на гнет и произвол ненавистного им царизма. На полях жестокой брани украинцы рядом с русскими защищали родную землю от иноземных нашествий. Радость и горе делили они столетиями, ибо они твердо верили в свое светлое будущее.

Вчера столица нашей Родины Москва салютовала доблестным освободителям славной Полтавы.

Полтава. Сколько песен и дум сложили о тебе украин-

ский и русский народы!.. Полтава — символ торжества победоносного русского оружия.

На призыв Петра I в грозную для Родины годину поднялся украинский народ, посадил на коней своих лучших сынов. Полки украинских казаков не пошли за предателем — гетманом Мазепой, они вместе с русскими братьями боролись во имя великой победы над чужеземными интервентами.

Свято хранил в своих сердцах народ заветы великого Богдана Хмельницкого. Путь, начертанный им в Переяславе, дал свои плоды в исторической Полтавской битве, когда украинский народ отвернулся от Мазепы и на ратном поле шел плечом к плечу с русскими братьями, громя иноземных захватчиков.

Эта дружба народов ярким пламенем горела в сердцах Шевченко и Чернышевского, звавших Русь к борьбе против ненавистного царизма, жестоко угнетавшего украинцев, русских и другие народы царской империи.

Эта скрепленная кровью дружба народов передавалась из поколения в поколение и в нашу великую эпоху поднялась на небывалую высоту. Украинский народ в семье советских народов впервые ощутил так глубоко, так полно радость свободы.

Как ни старались питлеровцы, они не смогли огнем и мечом вырвать свободу из сердца Украины. Не смогли и не смогут! Украина не была оставлена в тяжелую годину ее братьями-народами ни на мгновение. В этом — великая непобедимая сила Украины, в этом — счастье украинского народа.

Каждый день приносит нам новые победы над озверелыми фашистами. Освобождаются от вражеского гнета и произвола исторические города Украины, в которых рождалась и крепла святая дружба народов-братьев.

В этой дружбе черпает силу украинский народ, беззаветно сражаясь за Родину.

ВЕЛИКИЙ КАМЕНЯР

Иван Франко — один из самых любимых писателей Украины. Его славное имя стоит рядом с именами Шевченко, Коцюбинского, Леси Украинки. Верный сын Украины, глубоко и беззаветно преданный интересам своего народа, борец за его свободу и счастье, знаменосец его бессмертной созидательной силы — таким знает Ивана Франко украинский народ и за это чтит его из поколения в поколение. Произведения писателя вошли в сокровищницу украинской культуры. Стихи поэта, его проза, его статьи — великое и грозное оружие в руках нашего свободолюбивого народа. Всю свою жизнь поэт мечтал о том дне, когда украинские земли, когда его многострадальный народ будут воссоединены в одном украинском свободном государстве. Его пламенные патриотические произведения немало способствовали осуществлению этих вековых стремлений и чаяний украинского народа.

В дни Отечественной войны произведения поэта-патриота звучат с новой силой и помогают нам в борьбе против озверелого и ненавистного врага. Взмолвленное и мудрое слово Франко служит братскому содружеству народов нашей советской Отчизны в борьбе против фашистских людоедов. Произведения великого писателя были, остаются и всегда будут неисчерпаемыми источниками пламенного патриотизма, верности народу, любви к Родине.

Красная Армия освободила украинскую землю. Народы нашей великой Родины, объединенные братской

дружбой, как один встали на защиту Украины и изгнали фашистские орды из пределов земли, горячо любимой Иваном Франко и воспетой им с необычайной силой. На могилу поэта во Львове освободители — бойцы Красной Армии — возложили цветы в знак любви и уважения к певцу и великому гражданину земли украинской.

Окрыленное слово Ивана Франко сопутствует нам в ратных подвигах и в труде, в борьбе за счастье и независимость нашей Отчизны.

Иван Яковлевич Франко родился 15 августа 1856 года (по новому стилю) в селе Нагуевичах, Дрогобычского уезда, в Западной Украине — Галиции. В кузнице отца собирались крестьяне, рабочие промыслов. В детскую душу Франко глубоко запали горькие слова о тяжелой жизни, непосильном труде. Он видел бедняков, слушал их грустные песни, и в его душе на всю жизнь запечатлелись образы обездоленных людей, их глаза, в которых часто загорался огонь буйного протеста, их руки, покрытые мозолями. И, вероятно, потому почти во всех своих произведениях Иван Франко так много, и каждый раз по-новому, описывает руки рабочего, бедняка-крестьянина.

Он полюбил труд с детства, и мало есть писателей, которые так воспели бы человеческий труд, как это сделал в своих бессмертных произведениях Иван Франко.

Литературным родником, из которого он пил всю жизнь животворную влагу, был «Кобзарь» Шевченко. Это — первая книга, которая в юности произвела на него потрясающее впечатление. Он заучил почти весь «Кобзарь» на память.

Дальше он знакомится с произведениями Льва Толстого, Тургенева, Помяловского. Еще в школьные годы он пишет стихи, драмы, повести, переводит с иностранных языков

В 1875 году Франко окончил гимназию в Дрогобыче и поступил в Львовский университет.

С огромным увлечением читает он произведения Белинского, Чернышевского, Герцена, печатает в журнале «Друг» перевод романа Чернышевского «Что делать?», знакомится с «Капиталом» Маркса в оригинале.

Он знакомится также с открытыми письмами выдающегося украинского ученого и политического деятеля

Драгоманова, который призывал молодежь учиться у русской и западно-европейской литературы и писать на родном языке.

В то время Австрия отдала украинский народ в Галиции на расправу польской шляхте, и она, выслуживаясь перед Веной, уничтожила все прогрессивное, подавляла малейшие проявления революционной мысли.

В 1877 году полетели в Вену из Львова доносы, и Франко впервые арестовали и судили как социалиста. Поэт был брошен в тюрьму.

После первого процесса Франко до конца своей жизни не мог освободиться от полицейского надзора. Его арестовали снова. Но ни тюрьма, ни тяжелая жизнь, ни клевета украинских «патентованных» националистов, для которых Франко был самым страшным судьей (он бичевал их в своих произведениях, в статьях), — ничто не могло сломить его. Он не изменил своему народу.

В 1898 году, когда праздновался двадцатипятилетний юбилей литературной и общественной деятельности Ивана Франко, писатель на огромное количество приветствий ответил:

«Как селянин, вскормленный черствым мужицким хлебом, я считал своей обязанностью отдать всю свою жизнь этому простому народу. Воспитанный в суровой школе, я с малых лет усвоил две заповеди: первая — чувство святой обязанности перед народом, вторая — необходимость неутомимой работы».

После выхода из тюрьмы Франко изучает «Капитал» Маркса. Он изучает экономику Галиции, быт рабочих и пишет произведения о жизни и борьбе пролетариата Галиции — «Boa Constrictor», «Борислав смеется», «Бориславские рассказы». В этих произведениях он показывает жестокую эксплуатацию рабочих, выводит образы хищников-капиталистов. Он первый из украинских писателей с огромной глубиной показал быт рабочих на бориславских нефтяных разработках.

В 1879 году Франко редактировал польскую рабочую газету «Ргаса» («Труд»). Имя его было популярно среди львовских украинских, польских и еврейских рабочих. Он вместе с близкими ему людьми пишет программу украинских и польских социалистов в Восточной Гали-

ции, переводит 24-ю главу первого тома «Капитала» на украинский язык, а также несколько статей Энгельса на украинский и польский языки.

В 1881 году он издает брошюру «Чого хоче галицька робітнича громада» («Чего хотят галицкие рабочие»).

Вокруг Франко было мало друзей и много врагов. Польские и украинские буржуазные националисты не могли простить писателю его острое сатирическое слово.

В 1890 году вышли его рассказы «В поті чола» («В поте лица»). Затем он выпускает новым, дополненным изданием сборник «З вершин і низин» («Вершины и низины»), как бы подводя итог двадцати годам поэтической работы. В 1893 году появляется его пьеса «Украденое счастье».

Под непосредственным впечатлением революции 1905 года Франко создал свое крупнейшее поэтическое произведение — поэму «Моисей».

Умер Франко 28 мая 1916 года, во Львове.

Перу Ивана Франко принадлежит, по неполным библиографическим данным, 4637 произведений — тут и стихи, и проза, и драматургия, и научные работы, история, этнография.

Он написал больше тысячи статей на польском и украинском языках, сделал много переводов произведений классиков русской, немецкой, английской, французской, чешской литературы, а также переводил выдающиеся работы по философии и экономике.

Это был энциклопедически образованный человек, крупный ученый.

Но самая большая заслуга Франко перед украинской литературой — его выдающиеся революционно-демократические художественные произведения: повесть «Захар Беркут», цикл рассказов «Борислав», повести «Борислав смеется» и «Boa Constrictor», а также его поэтическое наследие.

Лирические стихи Франко из цикла «Зів'яле листя» («Увядающие листья») стоят на уровне шедевров мировой поэзии.

Его знаменитая поэма «Моисей» насыщена революционным пафосом, любовью к народу.

Коцюбинский говорил, что в творчестве Франко «люди делятся на два лагеря — на угнетателей, против

которых он острит, как меч, свое слово, и угнетенных, которым он отдает свое сердце...»

Огромное литературное наследие Франко еще мало разработано. Только теперь большой коллектив ученых взялся за эту работу. Готовится полное издание сочинений Франко. Пишутся исследования о его жизни, деятельности, творчестве.

Вместе с Советской Украиной народы СССР, объединенные братской дружбой, чтут память достойного сына украинского народа — великого революционно-демократического писателя, отдавшего всю свою замечательную жизнь трудящимся.

1945.

СВЕТЛЫЙ ТАЛАНТ

Почему наше Советское правительство, Коммунистическая партия, наш великий украинский народ с горячей любовью и глубоким уважением вспоминают светлое имя Леси Украинки?

Почему лучшие писатели народов Советского Союза с большой любовью переводят произведения нашей поэтессы и несут ее пламенное слово своим народам?

Потому, что Леся Украинка в тяжкие времена царского произвола отдавала свой могучий талант, богатырскую силу своей музы трудовому народу, «шлях прокладала ясный через темне бурливе море», своим пламенным словом билась за волю и счастье всех обездоленных.

И народ устами своих лучших сынов почтил ее самым дорогим, высоким, благородным и почетным именем, назвав Лесю Украинку другом рабочих.

«Леся Украинка,— писала большевистская «Правда» в своем некрологе по поводу смерти поэтессы,— стоя близко к освободительному общественному движению вообще и пролетарскому в частности, отдавала ему все силы, сеяла разумное, доброе, вечное. Нам надо сказать ей спасибо и читать ее произведения.

...Леся Украинка умерла, но ее бодрые произведения долго будут будить нас к работе, к борьбе. Добрая вечная память писательнице — другу рабочих».

Друг рабочих, поэт революционной борьбы и героического действия, глубокой философской освободительной

идеи и мужественной страсти, Леся Украинка после Шевченко снова подняла нашу поэзию на вершины мирового искусства.

Глубокая культура поэтессы всесторонне расширила ее талант. Леся Украинка знала восемь иностранных языков — французский, английский, немецкий, итальянский, польский, латинский, греческий, болгарский. В пятнадцать лет она переводила произведения Адама Мицкевича, а позже — Виктора Гюго, отдельные произведения Гоголя, Шекспира, Гомера, Генриха Гейне. Она любила и блестяще знала не только русских, но и прогрессивных писателей Запада, была глубоко осведомлена во всемирной истории народов.

Мы знаем в истории мировой литературы немало поэтов, творчество которых отмечено высокой культурой, совершенством формы, однако их книги чем дальше, все больше покрываются пылью и интересуют теперь только отдельных исследователей литературы.

Почему же Леся Украинка так страстно обращается к нам и будет обращаться вовеки своим искренним и великим словом? Потому, что она продолжала великие бессмертные традиции гениального Шевченко, она вобрала в себя лучшие образцы русской революционной поэзии, потому, что ее мировоззрение формировалось под живительным влиянием прогрессивных революционных идей рабочего класса великого братского русского народа.

Роль поэта Леся Украинка видит не только в активном революционном действии, а и в том, чтобы быть носителем новых идей.

Будешь дотолє зарницею брезжити во тьме,
Край твой печальный доколе зарей не осветится вешней,
Нужно дорогу искать всем, кто ходит в тяжелом ярме.
Глянут живущие в этой огромной темнице,
Скажут: «Вот в нашем краю наступила весна,—
В небе крылами жар-птицы блистают зарницы,
Скоро рассеется ночь, хоть покуда темна».

(«Полночные думы»)

Будить народ к великим героическим подвигам, светить ему среди тьмы, вселять веру в победу — вот в чем усматривала Леся Украинка задачи поэта и литературы.

Она ненавидела всем своим существом украинских буржуазных националистов — предателей народа, которые своими подлыми отравляющими делами помогали

помещикам и капиталистам беспощадно эксплуатировать и угнетать трудовой народ. Она срывала отвратительную маску с украинской буржуазии, с ее писателей-декадентов, которые своими жалкими произведениями пытались отравить народ, посеять в нем неверие в революционную борьбу.

Леся Украинка почувствовала движущую силу революции в рабочем. Она писала: «Сознающий свое положение рабочий — это такой рабочий, который сознает свое право и не надеется ни на кого, кроме себя и своих товарищей, таких же, как и он, рабочих (к рабочим принадлежат и те, что занимаются писательским трудом, если только они не продают своей совести богачам и держатся вместе с рабочими так, как держатся Маркс, Энгельс и много других...). Сознающие свое положение рабочие не должны обращать внимание на то, кто из них к какой вере или народу принадлежит. «Рабочий-немец, например, не должен считать себя лучше поляка, а поляк — русского, а русский — украинца и т. д.», а должен держаться сообща, солидарно, ибо у всех у них один враг — класс богачей, капиталистов, пользующихся рабочим трудом. Оттого-то для каждого рабочего должны быть святыми следующие слова: «Рабочие всех стран, соединяйтесь!», потому что только тогда для рабочих свобода станет прочной, когда она во всех странах станет одинаковой, когда никто не сможет прийти со стороны разрушить ее... Рабочие всех стран, соединяйтесь! Соединяйтесь, как свободный с свободным, равный с равным. Чья правда, того будет и сила».

Леся Украинка почувствовала великую и святую правду трудового народа. Поэтесса боролась сизмала со страшной болезнью, которая с каждым годом все больше и больше разрушала ее тело, но не могла одолеть ее воли. Чья правда, того будет и сила, — и в больном теле родилась великая сила — сила гиганта, которую мы чувствуем сегодня, и мы с горячей любовью и уважением склоняем свои головы перед светлым образом великой поэтессы украинского народа — искреннего друга рабочего класса.

1946.

ШОЛОМ - АЛЕЙХЕМ

Великие писатели-гуманисты своим творчеством выходят за национальные границы. Они дороги всем цивилизованным народам и особенно советскому народу, который является законным наследником передовой, прогрессивной культуры человечества.

Выдающийся еврейский писатель Шолом-Алейхем (Шолом Рабинович, родился в Переяславе в 1859 г., умер в Нью-Йорке в 1916 г.) родной и близкий Украине не только тем, что он здесь жил и творил, с великой любовью изображая украинскую природу, — родной и близкий нам прежде всего потому, что свое сердце, свою любовь, свой блестящий талант он отдал трудовому обездоленному народу.

Когда мы вспоминаем имя Шолом-Алейхема, то даже у людей суровой складки появляется на устах теплая улыбка, ибо немногие из писателей владели с таким мастерством тайной трагикомедийного письма.

В самых трагических коллизиях Шолом-Алейхем находил теплый, солнечный, всепобеждающий юмор, потому что он верил в силу человека, в свой высокоодаренный народ.

Но не только этим очаровывают нас произведения Шолом-Алейхема.

Силу его таланта нужно искать в его исключительной любви к человеку труда. В труде видел Шолом-Алейхем красоту человека, красоту его сердца, его души.

Он ненавидел тупых, жестоких мироедов-эксплуататоров — еврейскую буржуазию.

С великой любовью, нежностью воспевал Шолом-Алейхем еврейский трудовой народ, бедняков, обездоленных искателей правды и свободы.

Я останавлиюсь только на образе Тевье-молочника. Сколько в нем силы, мужества, человечности! Какой бы тяжелой ни была его жизнь, какие бы черные тучи ни собирались над его седой головой, Тевье мужественно идет трудной, тернистой дорогой жизни.

Когда известный мастер украинской сцены М. М. Крушельницкий готовился к раскрытию на сцене образа Тевье, я спросил его: «В чем вы видите зерно образа?» И он ответил мне: «В исключительной силе мужества и благородной мудрости простого человека труда».

Не только лиризм и трагикомедийность, но и чрезвычайной силы пафос борьбы за человеческую правду, за правду трудового народа, за его мужество, за счастье обездоленных — эти стороны таланта Шолом-Алейхеа дали неумирающую силу его творчеству.

Эту силу ощутил в произведениях Шолом-Алейхеа гениальный Горький, который написал ему трогательное письмо:

«Искренне уважаемый собрат. Книгу Вашу получил, прочитал, смеялся и плакал — чудесная книга. Перевод, мне кажется, сделан умело и с любовью к автору, хотя местами чувствуется, что на русском языке трудно передать печальный и сердечный юмор оригинала. Я говорю — чувствуется.

Книга мне сильно нравится, — еще раз скажу — превосходная книга.

Вся она искрится такой славной, доброй и мудрой любовью к народу, а это чувство так редко в наши дни.

Крепко жму руку.

М. Горький.

Капри. 21.IV.1910».

По всему миру разбросан еврейский народ. В буржуазных странах даже после такой трагедии, какую пережили евреи, подвергшись нечеловеческим мукам и страданиям от фашистских разбойников, «еврейский вопрос» и поныне является разменной монетой в руках буржуазных дипломатов.

В Советском Союзе великая партия большевиков объединила все народы в братской дружбе.

Вместе со всеми народами нашей Родины еврейский народ сражался в Великой Отечественной войне за свою родную советскую землю, за свою культуру, за свое счастье. На груди лучших сынов и внуков Тевье — ордена, звезды Героев Советского Союза.

Еврейский народ нашел правду, счастье и свободу в Советской державе.

Мы рады отметить, что сила таланта Шолом-Алейхе-ма была всегда направлена на служение высоким идеалам борьбы за раскрепощение трудящегося человека.

ВСТРЕЧИ

Для нас, советских литераторов, Горький является непревзойденным образцом великого писателя-гражданина нашего времени. В Горьком сочетались в цельном, гармоническом единстве — огромный талант художника, мудрость мыслителя, величие борца, страстность политика и могучий творческий дух человека. Родоначальник советской литературы — он был подлинным художником-трибуном революции, певцом народа, его борьбы и труда, глашатаем идей нового, социалистического мира.

Весь жизненный и творческий путь Горького — пример беззаветного служения народу, Родине, революции.

Нам, писателям Советского Союза, современникам Горького, которым выпало счастье начинать свою творческую деятельность под его руководством, навсегда останутся памятными встречи и беседы с ним.

Каждая встреча с Горьким, каждое его слово, совет, пожелание, полное неподдельной искренности и мудрости, вдохновляли нас, зажигали творческой страстью.

С настоящей отцовской заботой относился Горький к нам, литераторам союзных республик, интересовался нашей жизнью, нашими творческими планами, работой. Какой, помню, трогательной радостью светились его глаза, когда, выйдя на трибуну Первого съезда советских писателей в 1934 году, встреченный овацией всего зала, он увидел перед собой собравшихся в единый коллектив писателей национальных республик.

Он видел осуществление своей долголетней мечты — «Союз свободных» — дружную, многонациональную семью советских литераторов...

Мне пришлось несколько раз встречаться и беседовать с Горьким. Эти встречи неизгладимо запечатлелись в моей памяти.

Горький всегда говорил с какой-то особенной и нежной любовью об украинском народе, об украинской литературе и фольклоре.

— Ваши народные песни и думы, ваши сказки и пословицы — это настоящие жемчужины, — говорил он. — Сколько в них души, мудрости, красоты! Народ — великий художник, очень великий...

Горький пел с нами украинские народные песни, восхищался их напевностью и лиризмом.

Высоко ценил Горький украинскую литературу.

— Вам, украинцам, — сказал как-то мне Горький, — есть чем гордиться в своей культуре. Каких могучих людей дала ваша литература, какую славную традицию!.. Шевченко, Франко, Леся Украинка — ведь это не только поэты гигантского таланта и неисчерпаемой творческой энергии, — они люди с большим человеческим сердцем и разумом, с героической силой духа. У них есть чему поучиться не только украинцам.

С особой теплотой вспоминал Горький о своей дружбе с Коцюбинским:

— Какой замечательный, душевный человек и какой талант!.. Как жаль, что так рано ушел он от нас...

Нас, литераторов национальных республик, всегда поражало глубокое знание Горьким литературы народов СССР. Он живо и постоянно интересовался каждым из нас, нашим идейным и творческим ростом, помогал нам, советовал, учил и воспитывал.

Помню, однажды, интересуясь, над чем работаю я и мои товарищи, он сказал:

— Мало еще, еще очень мало связаны наши писатели с жизнью, с народом. Не видят, какие большие перемены произошли у нас за годы советской жизни. Вот я получаю много, очень много писем от колхозников, рабочих, студентов... Какие чудесные люди — новые люди — выросли у нас... Народ — исполин. Каждый маленький человек стал большим, настоящим, полноценным деятелем и творцом... А вот писатели наши не всегда это видят, не

всегда замечают новое, потому что мало знают наших людей, их дела, думы, настроения, их духовные запросы.

И вдруг спросил:

— А разъезжаете вы много?

И, как бы отвечая сам на свой вопрос, добавил:

— Больше в кабинетах сидят наши писатели, мало ездят, мало общаются, а это непростительно. А если ездят, то в мягких или международных вагонах. Правда ведь?

Я улыбнулся:

— Это верно, Алексей Максимович.

— Вот это и плохо. Не в мягких вагонах ездить бы писателям. Это, правда, удобно, да без пользы. Я в свое время много исходил, даже слишком много. Это, конечно, не обязательно, но если уж ездить — то третьим классом. Сколько жизненного материала поприбавилось бы для писателя и какой материал!..

Говоря о творческих задачах советских литераторов, Горький неоднократно и настойчиво напоминал нам.

— Нужно побольше хороших книг о нашей жизни, о рождении нового, прекрасного мира,— говорил он.

— Ведь мы, писатели Союза Советов,— свидетели неповторимого, великого преобразования человечества. И мы должны запечатлеть это для поколений. А какой благодарный материал для художника дает наша эпоха! Посмотрите глубже, проникновеннее, и вы увидите, сколько ярких конфликтов, коллизий, драматизма таится в этом материале. Новый мир, который уже прочно утверждается в нашей стране,— мир торжества свободы, разума и труда — не просто приходит на смену старому. Мир капитала — страшный, нечеловеческий, звериный мир не только сопротивляется и будет сопротивляться новому,— он наступает и стремится во что бы то ни стало сломить его. Это надо помнить каждому. Борьба разгорается в больших, международных масштабах, и нам надо быть всегда и неустанно на страже. Мы должны беспощадно разоблачать международную реакцию, звериную сущность капитала, показать его настоящее, хищническое лицо, часто прикрываемое розовой маской и славословием профессиональных гуманистов.

— И в то же время литераторы Союза Советов,— продолжал далее Горький,— обязаны показать, как в новой советской системе общественной жизни, вопреки всему,

рождается новый мир и новый человек — творец этого мира, которому чужды индивидуализм, собственничество, обывательщина, зазнайство и многие другие язвы капитала. У нас уже много таких людей и будет их все больше, их рождает наш социалистический строй. И мы, литераторы, должны этому всемерно содействовать...

Горький призывал писателей к упорной работе над укреплением священной и нерушимой дружбы народов, их морально-политического единства.

— В дружбе этой, в единстве, в коллективизме, — говорил он, — наша сила. Помните это, товарищи.

Дороги и священны для нас заветы Горького. Его творчество, его жизнь, его мысли и дела навсегда останутся для нас, советских писателей, путеводной звездой к созданию великой советской литературы, достойной нашей героической эпохи.

1946

ТЕАТР ВЫСОКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Должен ли работать драматург с театром? На этот вопрос отвечали и отвечают по-разному.

Было время, когда театры смотрели на авторский текст, как на канву для спектакля, и тогда, конечно, никакой работы с автором не вели.

Это были формалистические театры.

Они просто во имя ложной идеи уничтожали авторский замысел, убивали слово, делали все, чтобы протаскать на сцену свои буржуазные идейки. Могли передовые драматурги работать с таким театром? Безусловно, нет.

Драматурги боролись с такими театрами, режиссерами и критиками, которые поддерживали буржуазно-эстетские взгляды формалистов на сцене. Формалисты потерпели крах, они стали банкротами.

Советский театр впитал в себя лучшие, прогрессивные традиции старого театра и, вооружившись методом социалистического реализма, поднялся на небывалую высоту. Наш театр стал народным. Его интересуют прежде всего идеи и проблемы, которыми живет великий советский народ.

Между советской драматургией и советским театром сегодня нет идейных разногласий. Наши цели ясны, они общие. Это не значит, что между драматургом и отдельными режиссерами или актерами не может быть творческих споров и дискуссий.

Мы знаем, что не все у нас еще гладко. Еще есть режиссеры и актеры, которые не освободились до конца от

формализма. С ними надо крепко спорить. Они своевольничают с текстом автора, во имя своей художочной идеи разрывают ткань пьесы, стараются втиснуть большую жизнь, отраженную в пьесе, в маленькие рамки своих эстетских представлений. Так как все труднее таким режиссерам своевольничать с советской пьесой, они бросились на западноевропейский материал. И здесь они удивительно верны себе...

Они не искали лучших пьес западной драматургии, они не обратились к трагедиям Шекспира, а предпочли пошлые пьески западноевропейских драмоделов.

С такими отдельными деятелями театра мы будем вести серьезную борьбу.

Великая партия большевиков, советский народ вооружили советское искусство самой передовой в мире философией марксизма-ленинизма высоко подняли знамя театрального искусства, и мы должны беречь как зеницу ока наш театр от чуждых влияний.

Драматург не может быть равнодушен к судьбе театра, стоять в стороне. Творческая работа драматурга не заканчивается тогда, когда его рука ставит последнюю точку в пьесе. В одном театре опытные режиссеры и актеры подскажут новые мысли, и автор, приняв их, исправит свое произведение, это пойдет на пользу общему делу. В другом — драматург, встречаясь с театральным коллективом, поможет ему разобраться в сложных образах и проблемах нашей действительности.

Советский театр — это театр высокой советской литературы. Это не уменьшает значения театра. Только буржуазные формалисты хотели рассорить драматурга с театром. Мы это знаем хорошо. Не будем забывать уроки борьбы с эстетствующими декадентами.

Мы утверждаем наш театр как театр высокой литературы не потому, что хотим сказать — драматургия выше театра. Нет, тысячу раз нет! Мы стоим на этой позиции потому, что не мыслим себе театра без великих идей нашего народа, воплощенных в художественном слове пьесы, которую творчески раскрывает театр, — не иллюстрирует своими средствами, а творит.

В истории театра были случаи, когда между драматургом и театром была полная гармония, когда цель была общей. Это были отдельные случаи, и они приводи-

ли к расцвету творчества писателя и художников театра — актеров.

Ближе стать друг к другу. Во имя великого дела нашего советского искусства переступить через мелкие обиды и амбицию, творить вместе, помогая друг другу, меньше думать о том, кто из нас первый, главный — драматург или театр, а глубоко понимать, что первый и главный среди нас — передовой советский труженик и нет большей чести, чем служить своим талантом великому советскому народу.

1947

ТЕАТР-ЗНАМЕНОСЕЦ

Художественный театр по праву называют знаменем русской театральной культуры. Об этом с гордостью говорит каждый русский человек. И каждый украинец и белорус, узбек и грузин говорит о Художественном театре, как о своем родном, любимом театре.

Я был несколько раз за границей — во многих странах, встречался там с выдающимися актерами, режиссерами, писателями, и первый вопрос, который они задавали мне, когда интересовались нашей советской культурой, был вопрос о судьбах Художественного театра и его выдающихся мастеров.

Почему это так? Потому что Художественный театр, его основатели и весь его коллектив за пятьдесят лет своей славной творческой деятельности учили людей лучше жить, несли правду жизни на сцену. Его горячие слова доходили до сердца каждого честного человека.

Честь и слава Художественному театру за это.

Не было на Украине в прошлом, до революции, ни одного прогрессивного деятеля в области литературы или театрального искусства, который не говорил бы с любовью о великом русском театре.

После Октябрьской революции советское правительство, партия большевиков окружили театр таким вниманием и заботой, о которых не могли раньше мечтать Станиславский и Немирович-Данченко.

Я вспоминаю свои встречи с Художественным театром. Молодым писателем в 1934 году я пришел с пьесой «Платон Кречет» к Владимиру Ивановичу Немировичу-Данченко. Я принес ему пьесу, написанную на моем родном украинском языке. Она еще не была переведена. Я сказал, что буду читать по-украински. «Я пойму, я же Данченко», — ответил Владимир Иванович.

Он очень внимательно слушал меня и сразу же, когда я кончил чтение, сказал: «Художественный театр будет ставить вашу пьесу».

Когда после этого я встретился с режиссером И. Судаковым, с артистами Б. Добронравовым, В. Топорковым и другими мхатовцами, я увидел, что нахожусь в театре, где не говорят: «дopiшите», «сделайте острее», «углубьте», — я увидел настоящих пытливых мастеров, которые засыпали меня сотнями вопросов, стремясь прежде всего понять, что хотел сказать писатель каждым своим словом. Художественный театр, впитавший в себя традиции передовой русской культуры, научил меня понимать, что самое прекрасное в искусстве — это правда жизни, и первый долг писателя — запечатлеть ее в своем произведении.

Большое спасибо Художественному театру, который так много дал нам, советским драматургам. Хочется сделать все возможное, чтобы создать произведения, достойные этой великой сцены, этих великих мастеров.

Честь и слава Художественному театру!

ПЕВЕЦ УЗБЕКСКОГО НАРОДА

Мы отмечаем великий праздник многонациональной культуры советских народов-братьев — пятисотлетие гениального сына братского узбекского народа Алишера Навои, одного из самых талантливых поэтов старых времен, человека, прославившегося разнообразнейшей деятельностью. Навои был выдающимся философом, филологом, музыкантом, государственным деятелем, а прежде всего поэтом, человеком, всю свою деятельность, все наилучшие творения своего разума и своего сердца посвятившим родному народу, человеком, который сам сказал о себе:

Высоким званьем «человек» достоин зваться тот,
Кто о народе никогда не ослаблял забот.

Вспомним, что эти слова были сказаны пятьсот лет тому назад, в эпоху мрачного средневековья, в эпоху жесточайшего феодального гнета, который царил тогда на родине поэта. И нам станет ясно, каким светлым разумом обладал Алишер Навои, как далеко смотрел вперед этот великий гуманист.

В нашей стране, где существует братская дружба народов, культурное достояние каждого отдельного народа принадлежит всей многонациональной культуре нашей чудесной страны. Все советские народы широко отметили столетие со дня трагической гибели гениального русского поэта Александра Сергеевича Пушкина. Представители всех советских республик съехались в Киев весной

1939 года, когда мы отмечали столетие со дня рождения великого певца украинского народа, нашего бессмертного кобзаря — Тараса Шевченко. Так же торжественно почтила вся наша советская страна память гениального поэта Грузии — Шота Руставели, таким же всенародным праздником явились дни, когда отмечалось осенью прошлого года восьмисотлетие великого певца Азербайджана — Низами Гянджеви.

Александр Пушкин, Тарас Шевченко, Шота Руставели, Низами Гянджеви, Алишер Навои — все это немеркнущие светочи нашей многонациональной культуры, которые гордо возвышаются над всеми просторами мира, которые являются воплощением духовной мощи, духовного величия наших народов, их неодолимого стремления к правде и свету, к лучшему будущему.

Не так давно мы были свидетелями дикой выходки некоторых членов английского парламента. Эти титулованные дикари выступили в парламенте с клеветническими заявлениями, в которых сделали попытку опозорить узбекский народ, принизить его национальное достоинство, представить его народом неполноценным. Деятели советской культуры через газету «Известия» дали достойный ответ английским расистам, доказав рядом неопровержимых фактов все лицемерие утверждений, высказанных с трибуны английского парламента людьми, которые никак не могут понять, что нельзя повернуть свободные народы к эпохе рабовладения и феодалского произвола.

Невольно вспоминается сегодня этот факт. Пятьсот лет тому назад жил и творил Алишер Навои. Пятьсот лет тому назад он выразил мысли, которые на много столетий опередили его время. Пятьсот лет тому назад выдвинул узбекский народ из своей среды этого гениального поэта, этого великого мыслителя-гуманиста. Разве ж это не свидетельствует о необычайной духовной мощи узбекского народа, разве это не поднимает братский народ Узбекистана на высшие ступени мировой культуры?

Когда через столетия оглядываешься на бурную жизнь Навои, нельзя не склонить голову перед памятью этого гениального человека. Легендами, преданиями овеяно славное имя Навои. И недаром одно из наибольших ирригационных сооружений, созданных в годы героических пятилеток, узбекский народ назвал именем героя поэмы Навои — легендарного строителя Фархада. Фархад-

строй — это величественное название говорит о новой славе узбекского народа, о его новом рождении в семье свободных советских народов, о его бессмертии, о его непобедимости, о его непреодолимом стремлении построить вместе со всеми советскими народами-братьями в своей стране коммунизм.

Народность — характернейший признак творчества Навои, как и каждого действительно гениального поэта. В свой жестокий век он сознательно отдал свое перо народу, стремясь в своих газелах, стихах, поэмах как можно глубже и полнее раскрыть его бессмертную душу.

Навои писал:

Народ поет, а я писець при ньому,
Тому й близький народу я своему.

Столетия показали, насколько Навои «приближен к народу и взыскан им». Гениальный поэт вошел в наше солнечное сегодня. Он сегодня приближен и «взыскан» всеми народами нашей советской отчизны и в том числе народом Украины — верной сестры Советского Узбекистана. Искреннюю дань любви и признания приносит украинский народ памяти Навои. Поэты Советской Украины — Павло Усенко, Микола Терещенко, Николай Ушаков выехали на родину Навои, чтобы приветствовать узбекский народ от имени Союза советских писателей Украины в день великого торжества — пятисотлетия Навои. Они повезли с собой подарок братьям-узбекам — книгу Навои «Фархад и Ширин» в прекрасном переводе на украинский язык нашего выдающегося поэта Миколы Бажана, много и плодотворно поработавшего над тем, чтобы донести бессмертное слово Навои до украинского читателя. В результате успешного труда Миколы Платоновича Бажана украинскому народу предоставлена возможность читать Навои на своем родном языке и благодаря этому глубже познать этого чудесного поэта и братский узбекский народ, давший нам Навои.

Торжеством ленинской национальной политики, праздником дружбы свободных советских народов являются нынешние юбилейные дни Навои. Москва и Киев, Минск и Тбилиси, Ереван и Баку — все республики и все народы нашей необъятной Родины дружно приветствуют сегодня братский узбекский народ.

НАШ БЕЛИНСКИЙ

Прошло сто лет со дня смерти гениального человека, великого сына братского русского народа, революционера-демократа Виссариона Григорьевича Белинского, но сердце его не могли убить ни жестокий царизм, жандармы и крепостники, ни сама смерть. Могучие удары, величественные ритмы его сердца ощущаем мы спустя много десятилетий в благородном, страстном слове, в его бессмертных творениях.

Владимир Ильич Ленин писал:

«Безграничная преданность Революции и обращение с революционной проповедью к народу не пропадает даже тогда, когда целые десятилетия отделяют посев от жатвы».

Вот почему мы с такой любовью и уважением вспоминаем сегодня светлый образ нашего великого предшественника и боевого союзника — Виссариона Григорьевича Белинского.

С каждым годом все ярче, все глубже раскрывается перед нами гениальное творчество «неистового Виссариона».

Страстный патриот, борец против насилия, друг трудящихся, руководитель литературы, борец за высокие принципы идейности, народности и реализма, Белинский был настоящим русским богатырем, бесстрашным революционером-демократом.

В письме к Гоголю он так характеризовал крепостническую Россию: «Ужасное зрелище страны, где люди торгуют людьми, не имея на это и того оправдания, каким лукаво пользуются американские плантаторы, утверждая, что негр не человек».

«Мы живем в страшное время», — писал Белинский.

Но ни дикое насилие царизма, ни кровавая расправа николаевской реакции с лучшими сыновьями русского народа не сломили веры Белинского в свой великий народ, в его историческую миссию, в его светлое будущее. Среди темной ночи вспыхнули ярким пламенем его пророческие слова: «Завидуем внукам и правнукам нашим, которым суждено видеть Россию в 1940 году, стоящую во главе образованного мира, дающую законы и науке и искусству и принимающую благоговейную дань уважения от всего просвещенного человечества».

Только безграничная любовь, глубокое понимание истории своего народа, орлиный взгляд сквозь десятилетия, вера в богатырскую силу русской нации могли родить в его сердце такие слова: «Любить свою родину, значит — пламенно желать видеть в ней осуществление идеала человечества, в меру сил своих споспешествовать этому».

С огромной любовью, нежностью и глубоким уважением говорил Белинский об украинском народе: «Украина — страна поэтическая и оригинальная в высшей степени. Украинцы одарены несравненным юмором, в жизни их простого народа так много человеческого, благородного».

Мы, украинцы, сегодня, в день столетнего юбилея великого сына русского народа, склоняем головы перед светлым образом Виссариона Григорьевича Белинского. Украина никогда не забудет, как в жесточайшие часы царского произвола, когда за решетками тюрем были украинское слово и песня, Белинский почувствовал в поработанном царизмом украинском народе непреодолимую силу в единении с русским народом, почувствовал его великое и славное будущее. Это он сказал: «Соединившись навеки с единокровной ей Россией, Украина открыла к себе двери цивилизации, образованию, искусству, науке... Вместе с Россией ей принадлежит теперь великое будущее».

От глубины сердца мы провозглашаем в древнем Киеве — столице Советской Украины: честь и слава вечно живому, пламенному сыну братского русского народа — Виссариону Григорьевичу Белинскому!

Основоположник русской революционной демократии, Белинский был вместе с тем основоположником русской материалистической эстетики. Он гениально разработал теоретические принципы реалистического направления в русской литературе.

Белинский был великим и оригинальным мыслителем-материалистом своего времени. Он по праву считается одним из творцов русской классической философии XIX столетия. Глубоко революционными и философскими идеями насыщены классические произведения Белинского. Он одним из первых в России начал борьбу против реакционной теории «чистого искусства».

«Начиная с Белинского, все лучшие представители революционно-демократической русской интеллигенции не признавали так называемого «чистого искусства», «искусства для искусства» и были глашатаями искусства для народа, его высокой идейности и общественного значения», — так говорит товарищ Жданов.

Белинский боролся за служение искусства общественным интересам.

«Уже с Белинского, гениального отца новейшей критики и литературы... видим в зародыше те чисто реалистические взгляды, которые так ясно и глубоко разработали его наследники», — так оценивает творчество Белинского классик украинской литературы, революционер-демократ Иван Франко.

Белинский глубоко ненавидел безликих космополитов, которых он называл «существами безнравственными, бездушными, недостойными называться священным именем человека».

Как близки теперь нам эти чувства Белинского!

У нас есть чем гордиться перед всем миром. Мы горды бурным расцветом национальных культур народов Советского Союза.

Белинский не мог и мечтать о таком могучем расцвете культуры нашей Родины, которая под руководством великой коммунистической партии превратилась в самую передовую страну в мире.

Сегодня вместе со всеми народами-братьями нашей необъятной Родины Украина чтит память великого сына русского народа, революционера-демократа Виссариона Григорьевича Белинского.

Мы выражаем чувство глубокой благодарности и горячей любви к нашему старшему брату, великому русскому народу, самые выдающиеся сыны которого в далекие, прошлые времена помогали украинскому народу бороться за свою честь и свободу.

1948.

ХРИСТО БОТЕВ

Христо Ботев — самый выдающийся из болгарских революционеров, поэтов и публицистов национально-освободительной борьбы XIX столетия.

Коротким был жизненный путь воина-поэта. Но не количеством прожитых лет измеряется жизнь человека, а тем, что сделал он для свободы, независимости и счастья своего народа. Если с этой точки зрения мы посмотрим на путь Христо Ботева, то он предстанет перед нашими глазами во всей своей величественной красе, полной борьбы и горения, мужества и революционной самоотверженности.

Кто в грозной битве пал за свободу,
Тот не погибнет...—

писал Христо Ботев, и мы сегодня убеждаемся, как оправдались эти пророческие слова поэта.

«Гениальный поэт, воспевший борьбу за народную свободу и национальную независимость, Христо Ботев,— говорил Димитров,— был талантливейшим и дальновиднейшим вождем болгарского национально-освободительного движения минувшего столетия. Демократическое и республиканское дело Христо Ботева и наших возрожденцев продолжает наш народ в лице его политических, общественных, хозяйственных и культурных организаций, и это дело восторжествовало в победе Отечественного фронта 9 сентября 1944 года, в осуществляемой теперь

внешней и внутренней политике правительства Отечественного фронта...» -

«В нынешней борьбе за демократию, за народную республику и национальную независимость, за прогресс и подъем нашей нации Христо Ботев,— говорил дальше Димитров,— это знамя, которое все выше и выше будет развеваться над новой, демократической Болгарией».

Великая русская литература была той духовной силой, которая способствовала созреванию революционного сознания Христо Ботева. Пушкин и Лермонтов, Гоголь и Некрасов, Белинский и Чернышевский, Добролюбов и Писарев — вот славные учителя великого представителя болгарской революционной демократии. На украинской земле — в Одессе и Николаеве — формировались его мечты об освобождении Болгарии из-под ярма турецких янычар. Под непосредственным влиянием русской революционной демократии созрела идея революционной борьбы народных масс, которая представляет собой краеугольный камень жизни и творчества Христо Ботева.

Только двадцать стихотворений осталось нам из поэтического наследия Христо Ботева, но в каждом из них теплится искра его нетленной революционной жизни, его изумительно цельного характера, в котором отразились лучшие национальные черты его народа. Когда думаешь о Христо Ботеве, невольно в воображении встает бессмертный образ горьковского Данко, который вырвал свое пылающее сердце из груди, чтобы осветить людям дорогу среди темной ночи. Вот оно пылает, это горячее, честное сердце, и день ото дня ярче становится его пламя, ибо сбывается то, о чем мечтал поэт,— его народ выходит на широкую, вольную дорогу.

Произведения Христо Ботева перевел с болгарского на украинский язык поэт-академик Павло Тычина.

Это серьезный вклад в нашу культуру. Украинский читатель теперь имеет возможность познакомиться с прекрасными творениями Христо Ботева и благодаря им почувствовать все величие и красоту души болгарского народа.

1949

ВЕЛИКИЙ ПУШКИН

Все народы могучего Советского Союза свято чтут память великого Пушкина. Не заросла народная тропа к нерукотворному памятнику поэта-титана, она становится все шире, все величественней. Сегодня имя Пушкина называет в нашей стране «всяк сущий в ней язык», на всех языках братских советских народов звучат бессмертные стихи гениального певца великого русского народа.

От всей души приветствуем мы братский русский народ, который дал такого славного сына и вдохновил своего гениального певца могучей силой поэтического выражения дум, чаяний и порывов народных. Хвала и честь великому русскому народу, из недр которого вышел и которому полностью отдал свой могучий талант великий Пушкин.

Сегодня разнообразное и многокрасочное творчество Пушкина принадлежит всем народам Советского Союза. Имя Пушкина поднимается среди имен гениальнейших писателей мира. Он — истинно народный, подлинно национальный поэт великой России. Ему суждено стать народным поэтом именно в таком понимании, которое он определил, заявив, что народность в поэзии — это «способ выражений мыслей и чувств», свойственных народу. Пушкин был выразителем дум и лучших чувств своего народа. «Шевченко, Пушкин, Мицкевич — люди, которые воплощают дух народа с наибольшей красотой, силой и полнотой», — писал буревестник революции Алексей Максимович Горький.

Гений Пушкина необъятен, как море, необозрим, как безграничные просторы нашей родины. Гениальный поэт, прозаик, драматург, литературный критик, редактор — он, по выражению Чернышевского, «...первый поднял у нас литературу на ступень национального дела».

Значение Пушкина выходит далеко за пределы литературы. Этот гениальный человек сумел охватить своим орлиным взглядом все стороны русского бытия. Он читал прошлое своего народа, как раскрытую книгу. Он видел впереди необозримую даль будущего. С необыкновенной прозорливостью определил роль Пушкина в истории отечественной культуры его гениальный собрат и наш земляк Николай Васильевич Гоголь, который сказал:

«При имени Пушкина тотчас осеняет мысль о русском национальном поэте. В самом деле, никто из наших поэтов не выше его и не может более называться национальным: это право решительно принадлежит ему. В нем, как будто в лексиконе, заключилось все богатство, сила и гибкость нашего языка. Он более всех, он далее раздвинул его границы и более показал все его пространство. Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа: это — русский человек в окончательном его развитии, в котором он, возможно, явится через двести лет».

Пушкин любил Россию и русский народ, как подлинный и искренний патриот. Глубокое презрение и ненависть вызывали в нем те безродные космополиты и псевдопатриоты его времени, те бездушные существа, которые молились на Западную Европу, по-обезьяньи перенимали ее обычаи, чуждались родного языка, не читали русских книг. О них с ненавистью и сарказмом писал великий поэт:

«Некоторые люди не заботятся ни о славе, ни о горестях своей Отчизны, ее историю знают только со времени князя Потемкина, имеют некоторое представление о статистике только той губернии, где находятся их имения...»

Этому псевдопатриотизму поэт противопоставлял пламенную любовь к Родине, подлинный патриотизм, сущность которого он блестяще определил в таких словах:

«Только революционная голова, подобная Орлову или Пестелю, может любить Россию так, как писатель только может любить ее язык. Все должно творить в этой России и в этом русском языке».

Без революционного порыва не представлял себе великий поэт наш подлинного патриотизма. Он не представлял себе любви к Родине без пылкого стремления видеть ее свободной, счастливой и могучей. За такую Родину он воевал своим поэтическим словом, всей жизнью своей в тяжкие годы режима Николая Палкина, в годы, когда всю Россию сжимала холодная костлявая рука аракчеевых, бенкендорфов, дубельтов, всех этих «наперсников разврата», палачей «Свободы, Гения и Славы», убивших Пушкина.

В словах Пушкина о подлинной любви к родине мы узнаем автора оды «Вольность», «Послания в Сибирь», и других его революционных стихов, друга декабристов, певца свободы. Страшная судьба постигла «апостолов свободы» — декабристов, но Пушкин остался верным их идеалам и во весь голос заявил об этом в своих бесмертных произведениях.

Пушкин был первым великим реалистом в русской литературе. В этом он опередил всех европейских писателей своего времени. Он прокладывал путь реализму не только художественными произведениями, но и своими высказываниями о творческом методе литературы, и мы удивляемся теперь, как он глубоко понимал все преимущества и значение реалистического метода для развития литературы.

Во времена Пушкина еще не существовал термин «реализм». Но как точно формулирует он принципы реализма в таких, скажем, словах: «Истина страсти, правдоподобность положений в предвиденных обстоятельствах — вот чего требует наш разум от писателя».

От драматургии Пушкин требовал «правдоподобности положений и правды диалога», от прозы — опять-таки правдоподобности, а также «мыслей и мыслей, ибо без них блестящие выражения ничему не служат», от поэзии он требовал «суммы идей более значительных, чем это обычно заведено».

Таким образом, переводя это на язык современных понятий, творческие принципы Пушкина — это глубокий реализм в соединении с высокой идейностью.

Вот почему мы называем Пушкина всегда живым и дали ему имя нашего «вечного современника».

Украинский народ гордится тем, что поэзия Пушкина звучит сегодня в каждой колхозной хате, в доме каждого

рабочего. Великой и вечной благодарностью воздаёт Украина русскому поэту за ту любовь, которую он всегда оказывал украинскому народу. В своей бессмертной «Полтаве» Пушкин воспел вековечное единство русского и украинского народов. Украинские города — Киев, Одесса, Днепропетровск, Тульчин, село Каменка на Кировоградщине и донныне хранят память о пребывании там великого русского поэта. Его взгляд очаровывали украинское небо, тихая украинская ночь, горячие южные звезды Украины. Его лицо оведали украинские ветры. Украинские кобзари пели ему свои песни и думы. До сих пор в украинских селах живут легенды и сказы о поэте.

Под влиянием пушкинской музыки формировался мощный талант нашего бессмертного кобзаря — Т. Г. Шевченко. Великий каменярь Иван Франко считал пушкинские стихи «идеалом чистоты, силы и художественности», отмечая, что у Пушкина «как у правдивого художника, даже будничная действительность становится прекрасной, освещенной внутренним светом любящей человеческой души».

На всю нашу поэзию, на всю нашу украинскую литературу, на все развитие нашей украинской культуры имел огромное влияние А. С. Пушкин.

Мы, украинские советские писатели, гордимся тем, что учимся у великого Пушкина, гордимся тем, что сегодня стихи Пушкина звучат на украинском языке в переводах Максима Рыльского, Павла Тычины, Микола Бажана, Андрея Малышко, Владимира Сосюры и других советских поэтов. Мы гордимся тем, что украинские советские композиторы неутомимо работают над воплощением пушкинской поэзии в музыкальных образах. Мы гордимся тем, что наше изобразительное искусство вплело много чудесных цветов в венок всенародной любви к Пушкину.

Более ста лет тому назад прозвучали пророческие слова Пушкина:

Товарищ, верь: взойдет она,
Звезда пленительного счастья,
Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластья
Напишут наши имена.

И мы воздаем высокую честь поэту, который всем своим существом порывался навстречу грядущим дням свободы.

РЕЧЬ НА ОТКРЫТИИ ПАМЯТНИКА Н. В. ГОГОЛЮ В МОСКВЕ

Дорогие товарищи! Гениальные творения Николая Васильевича Гоголя дороги всем народам нашей великой Родины. Украинский народ будет вечно благодарен великому русскому писателю Гоголю за его нежную, его пламенную любовь к Украине, к ее думам и песням, к ее чарующей природе. Героическое прошлое Украины, кровавую борьбу народа с польской шляхтой за свою землю, честь и свободу так глубоко, так страстно и так поэтично раскрыл Гоголь в своем бессмертном произведении «Тарас Бульба». В каждой строке этого произведения мы через сто с лишним лет ощущаем живое бие пульса великого сердца писателя, воспевшего безграничную преданность Родине, высоко поднявшего чувство дружбы как самое святое и самое великое чувство человека.

«Нет уз святее товарищества! Отец любит свое дитя, мать любит свое дитя, дитя любит отца и мать. Но это не то, братцы: любит и зверь свое дитя! Но породниться родством по душе, а не по крови, может один только человек. Бывали и в других землях товарищи, но таких, как в Русской земле, не было таких товарищей».

Как глубоко правдивы эти строки, раскрывающие благородную душу простых людей на Руси! И как много сделал Николай Васильевич Гоголь своим творчеством для укрепления уз товарищества, для укрепления свя-

шенной дружбы между братскими народами — русским и украинским. Великий поэт Украины Тарас Григорьевич Шевченко выразил чувство народа, его горячую любовь к гениальному русскому писателю, своему великому земляку. Т. Г. Шевченко в своем дневнике писал, прочитав произведения Щедрина: «Я благоговею перед Салтыковым. О Гоголь, наш бессмертный Гоголь! Какою радостью возрадовалась бы благородная душа твоя, увидя вокруг себя таких гениальных учеников своих!..»

Мы любим Гоголя прежде всего за то, что он, великий художник, первый с невероятной силой нанес удар в самое сердце крепостникам своими «Ревизором» и «Мертвыми душами» — величайшими произведениями русской и мировой литературы. Гоголь как великий патриот своей родины видел не только ужасы крепостного строя, он чувствовал, он верил в духовную мощь русского народа, он мечтал о том времени, когда Русь будет иной и ей дадут дорогу другие народы и державы. Но даже фантазия великого Гоголя не могла предвидеть то время, когда сорочинские и миргородские хлопцы и девочки, воспитанные великой коммунистической партией, станут хозяевами жизни, активными строителями коммунистического общества.

Настало время, когда новая, советская Россия вместе с народами-братьями, объединенными навеки нерушимой дружбой, указывает светлый путь к счастливой жизни всем нациям и всем народам мира. И на этот великий и светлый путь вышли народы Китая и народы ряда стран Европы, строящие на своей земле социализм.

Мечтал Гоголь о том времени, когда «...Европа придет к нам не за покупкой пеньки и сала, но за покупкой мудрости...»

Мы, советские люди, счастливы, что живем в эпоху, когда мудрость строителей коммунизма светит путеводной звездой всем народам не только Европы, но всего мира!

СОДОБЛАД «О СОВЕТСКОЙ ДРАМАТУРГИИ» НА ВТОРОМ ВСЕСОЮЗНОМ СЪЕЗДЕ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Дорогие друзья! Глубокоуважаемые гости! Наше советское театральное искусство — искусство многонациональное. И если на Первом съезде мы говорили об отдельных удачах драматургии и театра той или иной братской республики, то сегодня мы говорим о могучей литературе народов СССР, где есть не одни только славные имена, но и славные традиции, не одни только отдельные успехи многонациональной советской драматургии, но и ее общенародное и мировое признание.

Многонациональность нашей драматургии и театра обогащает и развивает их народность. Яркая национальная форма активнее раскрывает лучшие черты народа, — народная судьба яснее читается для нас в конкретных проявлениях национального характера.

Театры всех наших братских республик, талантливо показывающие жизнь, борьбу, национальный характер своего народа, ярче и глубже раскрывают для нас характер всего нашего советского народа. Театр каждой республики знакомит нас со своим классическим наследием, песней, с богатством устного творчества, неистощимым родником народного юмора и фантазии. Можно смело сказать, что это — одно из важнейших завоеваний нашей коммунистической культуры, основанное на нерушимой дружбе советских народов, на глубоком уважении и

любви ко всем национальным культурам не только братских советских народов, но и ко всему светлому и прогрессивному, что создали национальные культуры всех народов мира на протяжении многих столетий.

Во все времена передовое реалистическое театральное искусство стремилось отразить интересы и чаяния народных масс. Не случайно Пушкин говорил о том, что трагедия родилась на площади. Великий поэт утверждал, что «нашему театру приличны народные законы драмы Шекспировой...» В комедиях Аристофана и в трагедиях Эсхила, стоящих у истоков мировой драматургии, ярко проявилась народность театрального искусства. Шекспир и Мольер, Гете и Шиллер, Пушкин и Островский, Горький и Чехов — эти титаны мировой драматургии потому и бессмертны, что их искусство уходило в народ самыми глубокими своими корнями.

Кому как не нам развивать именно эти лучшие традиции классического наследства, развивать и обогащать, оплодотворяя их всем богатством коммунистического мировоззрения, марксистским учением о народе как творце истории!

Но, говоря о необходимости широкого показа советского общества в нашей драматургии, мы вовсе не стремимся поддерживать странное представление, еще бытующее среди некоторой части наших драматургов и критиков, будто народным писателем является только тогда, когда он изображает рядового колхозника или рабочего, что упрощенно сводит весь вопрос о народности только к объекту изображения.

Нет ничего ошибочнее этой точки зрения. Еще Гоголь говорил, что истинная национальность «состоит не в описании сарафана, но в самом духе народа. Поэт даже может быть и тогда национален, когда описывает совершенно сторонний мир, но глядит на него... глазами всего народа, когда чувствует и говорит так, что соотечественникам его кажется, будто это чувствуют и говорят они сами». Нам кажется, что одинаково народны и «Егор Булычев...» М. Горького, где победа народа раскрыта через сознание богатого купца, и «Любовь Яровая» К. Тренева, и «Разлом» Б. Лавренева, рассказывающие о путях интеллигенции к революционному народу, и «Шторм» В. Билль-Белоцерковского, посвященный героической борьбе пролетариата за революцию, и «Броне-

поезд 14-69» Вс. Иванова, рисующий рост самосознания крестьянства, и «Оптимистическая трагедия» Вс. Вишневского, показывающая, как железная воля партии переплавляет анархизм и стихийность в сознательную революционную борьбу. Поэтому одинаково народны и «Поэма о топоре», в которой главные герои — простые рабочие, и «Мой друг» Н. Погодина, где рассказано о командире советского производства, и «Далекое» А. Афиногенова, раскрывающее прекрасный духовный облик советского офицера.

Наша великая Коммунистическая партия зовет нас к высокой миссии, чтобы драматургия и театр были подлинно народными. Этот благородный призыв и неуклонное требование основаны не только на принципах строительства нового, невиданного в истории советского, многонационального по форме и социалистического по содержанию искусства, но и на многовековом опыте развития мировой культуры, где испытания веков выдержали те творения, которые отражали с наибольшей силой и страстью жизнь, борьбу, стремления и чаяния наций и народа.

Вот почему мы ощущаем сегодня биение сердца ушедших поколений в этих великих творениях.

И какими жалкими нам кажутся потуги всевозможных декадентов и других врагов нашего советского искусства, старающихся опорочить высокие принципы нашего искусства и тем самым опорочить все светлое и великое, что создало мировое искусство!

И какими смешными нам кажутся некоторые наши путаники, которые на каждом шагу клянутся социалистическим реализмом и вместе с тем стараются навязать нам свои фальшивые эстетические критерии, поднимают на щит те произведения драматургии и театра, которые далеки от жизни, от народа!

Эти путаники рьяно выступают против всего новаторского в области содержания и формы нашего театрального искусства, фальшиво и вредно толкуя великие труды Константина Сергеевича Станиславского.

Эти путаники мирятся с серым натурализмом, а каждый свежий поиск яркой сценической формы обзывают формализмом. Они не хотят понять, что под формализмом мы понимаем прежде всего отсутствие содержания, что формализм в искусстве определяется не по яркой

сценической форме, а по отсутствию в произведении содержания, что формализм и натурализм одинаково вредны и чужды нашему театральному искусству.

Некоторые товарищи могут подумать, что я говорю только о путаниках-критиках. Нет, они есть и среди драматургов, и среди режиссеров и артистов, есть среди художников сцены.

Наши драматургия и театр должны стремиться быть богатыми по содержанию, как богата великими свершениями наша жизнь. Наши драматургия и театр должны стремиться быть богатыми разнообразием сценической формы, как богата, многокрасочна беспредельно яркая в своих проявлениях наша жизнь.

А если учесть и то существенное обстоятельство, что мы живем в многонациональной братской семье и на пространстве одной шестой земного шара, где даже небо сияет неповторимыми красками над каждой республикой, что мы живем в обществе, где человек, лишенный предрассудков, творит новую жизнь, не боясь никаких преград, окрыленный великими идеями ленинизма, то как же можно мириться с бесплодными дискуссиями — нужны ли нам трагедия, водевиль или психологическая драма, нужен ли гротеск, и так далее и так далее.

Разве мало мы слышали речей и читали таких же ханжеских статей, которые начинались с того, что нам нужны яркие и острые спектакли, но тут же путаники обрушивались на малейшее проявление свежего, яркого в исполнении артиста, в работе режиссера, в декорациях художника...

Партия учит нас поддерживать все новое, свежее, даже если оно еще не завоевало общего признания, бережно относиться к дерзаниям людей, которые стремятся всем сердцем обогатить нашу культуру, бережно относиться к старшему поколению деятелей театра, которое не хочет почивать на лаврах, к талантливой, но еще не окрепшей молодежи, у которой мечты, как безбрежное море, вечно беспокойное и вечно прекрасное.

В приветствии ЦК КПСС заложены глубокие, волнующие мысли, отеческая забота о судьбе нашей литературы. «Партия призывает писателей к смелым творческим дерзаниям, к обогащению и дальнейшему развитию всех видов и жанров литературы, повышению уровня художественного мастерства — с тем, чтобы в полной мере удо-

влетворять все возрастающие духовные запросы советского читателя».

Этот яркий боевой документ нашей партии окрыляет и зовет к новым вершинам творчества литературу и искусство.

Какие жанры нам нужны? Какие формы сценического искусства нам нужны? Где искать ответ?

Если глубоко и проникновенно поймет драматург то, о чем он пишет, свою ответственность перед народом, если глубоко и проникновенно артист, режиссер поймут с позиций жизни, что они должны раскрыть, — тогда пусть их никто не удерживает от смелого решения, от смелого выбора той формы, которая наиболее ярко даст возможность творцу раскрыть и донести к самому сердцу зрителя волнующие человека жизненные явления.

Мне могут сказать: позвольте, как не удерживать?.. Ведь в искусстве быть подлинным новатором может только человек большого таланта, но не все им обладают.

Но и таланты не рождаются, они создаются. Смелость приходит в борьбе, и дерзает человек только тогда, когда он ставит перед собой большую задачу. Нужно только найти ключ к сердцу человека, вселить в него веру в собственные силы, окрылить его душу большой, всенародной задачей.

Эти ключи у нас есть. Их дала нам партия. Это — коллективная ответственность, коллективная помощь, создающие подлинные условия для расцвета каждой индивидуальности.

Святая обязанность товарищей по профессии — горячо поддерживать все новые, свежие начинания и товарищеской критикой удерживать от ложного пути. Жизнь подтвердила, что нет более правильного суждения, нет более объективных и точных критериев, как те, которые вырабатывает коллективный разум в свободном столкновении и борьбе мнений.

Наша советская драматургия росла и крепла на основе успешного завершения строительства социализма. Пафос строительства пронизывает лучшие пьесы тридцатых годов. Советские драматурги творчески следовали завету Горького: «Основным героем наших книг мы должны избрать труд, то есть человека, организуемого процессами труда...» Особенно ярко и полно воплотилась

эта генеральная тема нашей драматургии в замечательных пьесах Н. Погодина.

Жизнь советской интеллигенции запечатлена в пьесах тридцатых годов. «Скутаревский» Леонова, «Далекое» и «Машенька» Афиногенова, «Обыкновенный человек» Леонова, «Беспокойная старость» Рахманова, «Слава» Гусева, «Таня» Арбузова, «Глубокая разведка» Крона рассказали нам о новых путях и судьбах тех людей, для которых вопрос о том, с кем идти в революции, был давно и бесповоротно решен, о судьбах тех людей, жизнь которых неотделима от жизни своего народа.

Жизнь Красной Армии в мирных условиях глубоко отразил в своих «Бойцах» Ромашов, о героических днях Октября и гражданской войны создает пьесы Вишневский. Драматурги пишут в эти годы и о колхозном строительстве и о пробуждении революционного сознания простых людей всего мира, отражают самые живые и насущные темы современности.

Многообразны темы и жанры советской драматургии этих лет. Героические трагедии, психологическая драма, сатирическая комедия украшают репертуар наших театров. Это были годы мужания и зрелости советской драматургии, все более совершенно, все более глубоко и художественно рассказывающей о советском человеке в труде, любви, в быту, борьбе, дружбе, в ненависти к врагу.

Лучшие пьесы Тренева и Алексея Толстого, Погодина и Лавренева, Ромашова и Афиногенова, Самеда Вургуня и Вишневского, Джабарлы и Вагаршяна, Кочерги и Файко, Крапивы и Дадиани, Леонова и Билль-Белоцерковского, Шаншиашвили и Яшена, Шкваркина и Катаева, Гусева и Арбузова, Глебова и Крона, Яновского, Самуйленка и Кербабаева запечатлели героическую эпоху трудовых пятилеток, поведали о людях, самоотверженно строивших социалистическое общество, примером своим укреплявших новую, социалистическую мораль.

С началом Великой Отечественной войны перед советской литературой встали новые задачи. В лучших пьесах, созданных в годы войны, — в «Русских людях» Симонова, «Нашествии» Леонова, «Песне о черноморцах» Лавренева, «Офицере флота» Крона, «Сказке о правде» Алигер, «Сталинградцах» Чепурина, «Генерале Ватутине» Дмитерко, «Константине Заслонове» Мовзона, «Победи-

телях» Чирскова и других,— был запечатлен исторический подвиг советского народа, одержавшего великую победу в борьбе с фашизмом.

В исторических пьесах этих лет Алексея Толстого, Тренева, Соловьева, Кочерги, Самеда Вургунa, Демирчяна, Ауэзова, Сельвинского, Шаншиашвили оживали героические эпизоды славной борьбы народов за свою независимость и свободу.

Замечательная мысль Пушкина о том, что целью драмы является судьба человеческая, судьба народная, с особой силой воплотилась в драматургии Отечественной войны. Изображая героя-воина, писатели стремились поднять этот образ до воина-народа; раскрывая типические черты советского человека этих лет, драматурги раскрывали типические черты национального народного характера. В биографии положительного героя была запечатлена историческая биография народа-победителя. В конкретной личной судьбе героя была отражена величественная судьба народа.

Лучшие пьесы времени Отечественной войны были пьесами острых и больших конфликтов, резких и сильных столкновений, причем речь идет не только об открытом, ясно видимом, решаемом всем народом антагонистическом конфликте с фашизмом, но и о конфликтах, еще имеющих в самой нашей действительности, о пережитках прошлого в сознании наших людей.

В пьесах тридцатых годов и эпохи Отечественной войны был ярко и правдиво показан образ советского человека. Этот новый человек раскрывался драматургами в богатстве его чувств и стремлений. Положительные герои драматических произведений этих лет были подлинным примером патриотизма, пролетарского интернационализма, новой, социалистической морали, образцом для людей, их воспитательное воздействие на массы было велико и благотворно.

Огромным достижением советской драматургии и всей литературы было создание образа великого вождя партии и основателя Советского государства Владимира Ильича Ленина. Значение этого выдающегося события в развитии драматургии, свидетельствовавшего об ее идейной и художественной зрелости, чрезвычайно велико.

Пьесы «Человек с ружьем» Погодина, «На берегу Невы» Тренева и другие вдохновляли трудящиеся массы

на дальнейшие победы, на самоотверженный творческий труд.

Историческая победа советского народа в Великой Отечественной войне обязывала наших писателей к еще более активному, подлинно творческому, важному для народа делу.

Однако в послевоенные годы среди некоторой части драматургов и театральных деятелей появились настроения успокоенности. Им казалось, что после войны можно почтить на лаврах, снизить боевое звучание искусства. Сцены советских театров стали заполняться пошлой стряпней буржуазных драмоделов или бездумными пьесами некоторых наших писателей. Такие пьесы, как «Вынужденная посадка», «День рождения», «Новогодняя ночь», «Окно в лесу» и др., были построены на пустых, бессодержательных анекдотах, искажали и оглуляли образы советских людей.

Партия не могла пройти мимо такого чужеродного для нашего искусства явления. 1946—1948 годы отмечены историческими постановлениями ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам. Постановления ЦК ВКП(б), основанные на конкретных явлениях нашего искусства, в то же время давали ясную картину дальнейшего развития советской литературы, определяли ее принципиально новые черты в эпоху построения коммунистического общества.

Перед советскими художниками стояла задача ответить на исторические постановления ЦК ВКП(б), на требования народа и запросы жизни новыми произведениями, достойными великой эпохи построения коммунистического общества. Советское искусство должно было показать всему миру моральную красоту и силу советского человека-победителя. Чтобы полнее и ярче выявить замечательные духовные качества наших людей, советские художники должны были разоблачить буржуазные пережитки в сознании, правдиво показать и заклеймить те отрицательные явления, которые есть еще и в нашей действительности и в борьбе с которыми раскрываются лучшие стороны характера советского человека.

Создание образа положительного героя-современника не могло быть оторвано от живой, горячей жизни сегодняшнего дня нашей родины. Актуальность тематики и отличала лучшие пьесы советских драматургов после-

военного времени. Это было одной из важнейших предпосылок для создания образа положительного героя, в основе которого должна была лежать подлинная правда жизни.

Однако актуальность темы, предопределяя собой возможность создания выразительного образа положительного героя, еще далеко не решает этой важнейшей проблемы в целом.

Необходимым условием для создания выразительного образа положительного героя является умение видеть жизнь во всех противоречиях, подмечать в ней правдивые конфликты, в преодолении которых укрепляется новое.

Было ли достигнуто все это в нашей послевоенной драматургии? В лучших пьесах — несомненно. В «За тех, кто в море» Лавренева, в «Великой силе» Ромашова, в «Чужой тени» Симонова, в «Московском характере» Софронова, в «Законе чести» Штейна, в «Поют жаворонки» Крапивы, в «Жизни в цитадели» и в «Двух лагерях» Якобсона, в «Любови на рассвете» Галана, в «Днепровских зорях» Баша, в «Шелковом сюзане» Каххара, в «Степи широкой» Винникова, в «За вторым фронтом» Собко, в «Его звезде» Мосашвили, в «Семье Аллана» Мухтарова, в «Поэме о любви» Мусрепова, в «Губернаторе провинции» бр. Тур и Шейнина, в «Новых временах» Мдивани, в «Девичах-красавицах» Симукова, в «Годах странствий» Арбузова, в «Сердце не прощает» Софронова и во многих других наших пьесах.

Во всех этих произведениях, разнообразных по жанру, глубоко различных по авторской манере, но одинаково актуальных по тематике и остро конфликтных, был создан именно такой положительный герой современности, который в активной борьбе — наступлении — решал самые насущные вопросы современности.

Однако именно на этих положительных примерах, когда у писателя было все для того, чтобы положительный герой вырос в большой, обобщенный, масштабный образ, интересно проследить те просчеты наших драматургов, которые во многом обеднили образ положительного героя.

Создавая образ положительного героя, драматурги не всегда прибегают к отбору, к концентрации лучших черт и качеств характера и зачастую довольствуются простым поверхностным отражением некоторых черт характера

современного человека, что обедняет и сам образ, подсмотренный в жизни, и пьесу.

К сожалению, во многих пьесах мы прежде всего ощущаем только первые впечатления от жизни, в которых авторы не обобщили и не отобрали самое существенное для их авторского замысла.

В драматургии и в театре должны изображаться не просто наши добрые знакомые, которых мы видим ежедневно. Мы должны отбирать все, что есть в этих людях лучшего, а оно рождается, растет, крепнет, развивается только в борьбе за наши высокие идеалы. Без борьбы не может расцвести душа человека.

Положительный герой должен воплощать в себе прекрасное, как его представляет себе советское общество. Прекрасное есть тот идеал коммунистического общества, которое мы строим, поэтому положительный герой нашей советской литературы должен быть не приниженным, не обыденным, а нести в себе черты будущего, которые в нем заложены. Эти черты нужно увидеть, раскрыть, а не выдумывать, как нам советуют некоторые критики.

Не раз за границей при встречах с нами некоторые писатели капиталистических стран ставили нам в упрек, что мы провозгласили основой всей нашей драматургии и всей литературы образ положительного героя.

Мне кажется, что пришло время, когда писатели всего мира должны глубоко подумать над тем, почему на протяжении столетий многие и многие самые правдивые литераторы говорили человеку: смотри — все твои, даже титанические усилия в борьбе со злом терпят поражение; как бы ни горело твое сердце, оно не может осветить для миллионов людей мрак ночи. Они показывали трогательную благородную любовь мужчины к женщине, но всегда тупые, злобные силы ее жестоко разрушали. Какие потрясающие благородные чувства дружбы мы видели в великих произведениях прошлого, но не слеза радости появлялась в глазах читателя-зрителя, когда он закрывал книгу или уходил из театра, а горькие слезы глотал человек, оплакивая гибель, безжалостный разрыв великих чувств любви и дружбы, которые уничтожала страшная действительность, жестокий мир насилия и наживы! Как глубоко, с невероятной силой великие писатели прошлого показывали страдания души, создавали потря-

сающие человеческие драмы, но они все кончались разрывом любимого с любимой, мужа с женой, детей с родителями, друга с другом, и самые высокие чувства были растоптаны, разорваны и разбиты теми же жестокими условиями жизни. Не солнечное «Здравствуй, любимая!», а «Прощай», не «Здравствуй, друг», а «Прощай!», не «Здравствуй, отец!», а «Прощай», не «Здравствуй, Родина», а «Прощай!» — так на протяжении столетий говорили человеку литераторы мира. Они не знали, как изменить существующую действительность. Борясь своими замечательными произведениями за будущее, они мучительно искали человека-героя, мужественно писали о тех ярких, но еще одиноких лучах света во тьме.

Кто же во весь голос, на весь мир, сказал человеку: как бы тебе ни было трудно, как бы ни была тяжела твоя борьба — ты победишь, ты никогда не будешь в одиночестве, ты встретишь друзей, тебя не оставят?.. Кто решился сказать человеку полным голосом, впервые в истории, великое, окрыляющее слово: «Здравствуй, верный друг! Здравствуй, любимая! Здравствуй, отец! Здравствуй, родина!»

Это сказала наша советская литература, неразрывно и открыто связавшая себя с победоносным революционным пролетариатом.

Есть ли более величественная, гуманная и благородная задача для писателя, чем отдать весь свой талант, все свои силы во имя встречи людей, племен, народов, во имя неразрывной дружбы и любви, во имя торжества человека над темными силами зла!..

Вот почему мы с такой страстью утверждаем победу положительного героя.

Против этого у нас как будто никто не выступает. Но чем же, если не борьбой против положительного героя, является утверждение о необходимости его идеализации? Как могут эти поборники лакировки не видеть величия современного советского человека, красоту его души, его героической борьбы во имя высоких идеалов и требовать от нас, литераторов, чтобы мы создавали выдуманные, искусственные персонажи, как будто в нашей современной жизни одни серые люди, требующие подкрашивания, идеализации!

Только те, кому не по душе наша действительность, только они могут требовать идеализации положительного

героя. Не идеализированного героя без сучка и задоринки, не красивого, возвышенного болтуна ждет от нас, драматургов, зритель, а борца за светлые идеалы коммунизма, который не только преодолевает враждебные силы, сопротивляющиеся новому миру, но и преодолевает в себе присущие каждому человеку в той или иной мере человеческие слабости, «родимые пятна» капитализма. Зритель хочет видеть, как наш современный человек закаляет свою душу в героической борьбе за светлое счастье своей Родины и всех народов мира, как он своими поступками на любом участке становится примером для окружающих.

«Теория бесконфликтности», получившая особое распространение в последние годы, не могла не помешать развитию нашей драматургии и жизненности ее главного героя — советского человека-труженика. Писать правду жизни — это значит видеть ее трудности, ее противоречия, ее конфликты, правдиво и честно отражать их в своих произведениях, показывая и закономерное их решение, подсказанное опять-таки самим ходом советской действительности, — победу нового, прогрессивного над всем отживающим и косным. Если в пьесе не отражен большой жизненный конфликт, то ясно же, что положительный герой становится бездейственным, неинтеллектуальным, так как ему не за что бороться в такой пьесе, а идеалы его не могут быть раскрыты вне активной борьбы со злом.

Правдивому и большому конфликту в наших пьесах зачастую вредит узко «производственная» тематика многих наших произведений.

Такие пьесы становились справочниками по тем или иным отраслям сельского хозяйства и промышленности, но никак не взволнованным рассказом о человеческих судьбах. Утверждение Горького о том, что труд должен стать героем наших книг, мы не всегда правильно понимали и труд человека возводили в самоцель. А труд есть то, что делает человека человеком, есть средство к достижению самой высшей формы человеческого бытия — коммунизма. Поэтому человек труда — главная тема нашей драматургии. Однако, говоря о необходимости отражать в нашей драматургии большие социальные конфликты, нельзя в то же время представить себе дело так, что конфликты — самоцель в художественном произведении,

конфликт во что бы то ни стало, конфликт ради конфликта. Этот негласный лозунг практически высказывается в целом ряде последних пьес («Гости», «Наследный принц», «Деятель», «Гибель Помпеева» и т. д.) и ведет к искажению жизни. Как лакировка действительности есть клевета на действительность, так и приписывание ей таких противоречий, которых она по природе своей иметь и порождать не может, есть все та же клевета на самые основы нашей жизни. Мы критикуем эти пьесы не за то, что авторы называли их сатирическими, но за то, что, обличая то или иное явление, драматурги эти сами скатывались на позиции мелкообывательские и теряли ясную революционную перспективу. Подлинный активный борец за коммунизм — человек, которому ненавистно зло, мешающее людям жить и работать. Но бояться зла, непомерно преувеличивать его силу и значение — значит стать не борцом за коммунизм, а паникером. Именно так и произошло с авторами упомянутых пьес. Отойдя от боевых позиций социалистического реализма, они исказили нашу действительность, оклеветали наших людей.

Задача создания остро сатирических произведений, которые бы клеймили все отжившее, все, тормозящее развитие нашего общества, — одна из центральных задач советских драматургов.

Призыв партии неустанно и творчески изучать наследие Гоголя и Салтыкова-Щедрина обращает особое внимание советских художников на одну из ведущих традиций русской классической драматургии — традицию комедийную. И в наши дни комедия продолжает оставаться одним из самых сильных средств выжигания всех и всяческих пережитков прошлого, мощным средством воспитания новой, коммунистической морали.

Великие сатирики прошлого и советские драматурги решают принципиально различные идейные задачи. Сатира прошлого направлена на разрушение чиновничье-бюрократического общества. Наша сатира утверждает и укрепляет Советское государство, борясь с недостатками, еще имеющимися в нашей действительности. Ясно поэтому, что если советский драматург, создающий сатирическую комедию, механически заимствует сюжет гоголевского «Ревизора», то он не может не заимствовать и идейной задачи великого сатирика. Ведь совершенно же

неверно думать, что можно воспользоваться сюжетной схемой какого-либо произведения, его композицией, художественной системой образов и отбросить при этом идейную задачу этого произведения, его основную идейную направленность, его сатирическую мишень в том случае, если речь идет о сатирической комедии. Гоголевский «Ревизор» бессмертен, как ярчайшая гневная сатира на существующий строй, как совершенное художественное воплощение идейного замысла автора, раскрытого в обобщенных типических характерах. Чему должен учиться советский сатирик у великого русского писателя? Гневному гражданскому пафосу, умению подмечать самые существенные, волнующие общество проблемы, совершенному мастерству типизации образа. Но понять мысль об учебе у Гоголя как необходимость непосредственного перенесения его идейного замысла и сюжетной схемы на материал советской действительности — значит превратить живую и плодотворную традицию в мертвую догму, в схоластическое эпигонство, сделать живую и глубокую правду, запечатленную некогда Гоголем, неправдой о нашей действительности.

Чтобы советская комедия достигла своего подлинного расцвета, нужно и дальше совершенствовать этот важнейший жанр в нашей драматургии, преодолевать в нем те недостатки, которые уже наметились в некоторых наших популярных комедиях. Недостатки эти лежат в первую очередь в легком, а зачастую в чисто внешнем разрешении конфликта, когда борьба характеров подменяется ведомственным устранением противоречий. Недостатки эти лежат в приверженности наших драматургов к раз использованным образам и сюжетным ситуациями, которые от частого и однообразного повторения становятся уже схемами и штампами.

Недостатки многих наших комедий заключены еще и в том, что хорошим юмором, смелой шуткой наделены в них зачастую только отрицательные персонажи. Положительные же герои не остроумны, они не борются шуткой, не разят острым народным словом. А как бы выросли наши комедии, если бы наступление в них вел не вялый докладчик авторских идей, а живой, веселый, остроумный человек, чья шутка была бы крепче, злее, умнее всего, что говорит и делает его противник! Именно

тогда наши комедии смогли бы стать подлинно народными произведениями.

В пьесах наших непременно должен быть интересный, умело разработанный сюжет. Почему-то важнейшие компоненты художественной формы — сюжет и фабула, важнейшее качество пьесы — занимательность кажутся многим второстепенными. От этого и получается, товарищи, что занимательные, хотя и неглубокие по содержанию пьесы привлекают зрителя подчас больше и становятся репертуарнее, чем высокоидейные, но сюжетно малоинтересные, скучные произведения. Этот факт часто замалчивается нашей критикой, а между тем говорить о нем необходимо.

Только в органическом сочетании высокой идейности, больших характеров и острых сценических ситуаций возможен подлинный успех драматургии.

Образ положительного героя являются главной, основной темой нашего творчества. Народ-созидатель хочет через искусство еще глубже и лучше узнать новые, воспитанные нашим советским строем характеры своих людей-тружеников. Именно в нашем обществе, не разделенном на антагонистические классы, мог воспитаться и вырасти такой герой, чей характер вбирает в себя все лучшие черты характера всего народа, объединенного единой исторической целью — строительством коммунизма. Советская драматургия — учитель и воспитатель трудящихся, а эту свою важнейшую роль она сможет выполнить только тогда, когда в основе ее будет лежать пример труда и подвига — пример нашего героического современника, нашего советского труженика.

Вне больших философских обобщений невозможно полностью и до конца успешно решить задачу создания положительного образа. К большому ущербу для советской драматургии, забыта или во всяком случае отеснена на второстепенное место замечательная традиция классической драмы — поднимать частный факт до большого философского обобщения, что так мастерски умел и любил делать великий пролетарский писатель Горький. Ведь в пьесах Островского, Чехова, Горького запечатлены не только отдельные судьбы, злободневные факты или актуальные для своего времени проблемы. Пьесы эти пережили свое время и обрели бессмертие не только как великолепные исторические памятники эпохи. Они живут

живой жизнью, так как в них заложены такие громадные обобщения, такие мысли и чувства, которые, не отрываясь от конкретных, породивших их общественных условий, будут жить всегда, так как в них судьба человеческая неразрывна с судьбой народной.

Отсутствие во многих наших пьесах подтекста, второго плана, передающего самую интимную душевную жизнь героя, боязнь образного мышления, точного реалистического символа, неумение углубить характер главного героя характеристиками побочных действующих лиц, более ясно раскрывающими те или иные черты в облике центрального персонажа,— все это ведет к серости некоторых наших произведений.

Говоря о необходимости повышать профессиональное мастерство писателя, нельзя обойти молчанием такой важнейший вопрос, как язык наших пьес.

Язык героев должен ярко и полно раскрывать конфликт пьесы. В языке, так же как и в действиях, поступках героев, должны ощущаться большие и важные столкновения, противоречия, борьба людей разных взглядов на жизнь, на труд. Именно таким языком, активно раскрывающим и характеры героев и существо конфликта, написаны замечательные пьесы Горького и лучшие пьесы советских драматургов.

Но, к сожалению, герои многих наших произведений все еще разговаривают одним и тем же гладким, не индивидуализированным, спокойным, авторским языком. И тогда начинаешь путать героев пьес. Это значит, что автору не до конца ясен внутренний мир его героев, их цели, желания, смысл той борьбы, которую они ведут.

Мало еще пользуются наши драматурги живым и богатым источником подлинно народного языка, заключенного в фольклоре, в сказках, легендах. Мы знаем, какие замечательные перлы истинно народной мудрости, юмора рассыпаны в тех произведениях, авторы которых внимательно слушают речь своего народа. Достаточно вспомнить хотя бы пьесы Островского, в самих заглавиях которых заключена неиссякаемая народная мудрость.

Необходима борьба за индивидуализированный, прекрасный язык наших драм, язык, при помощи которого с наибольшей глубиной и выразительностью раскрывались бы и характеры героев и конфликты.

Лучшие наши пьесы всегда были пьесами больших

конфликтов, крупных обобщений и сильных характеров. Именно эти пьесы определяют основные процессы, идущие в нашей драматургии,— все более пристальное изучение жизни, все большую писательскую активность, все большую близость произведений к народу и его запросам. Ну, а что делает пьесу не просто одной из многих хороших пьес, но и произведением, стоящим в первых рядах, произведением новаторским?

Это умение драматурга увидеть в жизни новый, никем доселе не подмеченный конфликт, обратить свое внимание на новые, не раскрытые ранее стороны жизни, на новые, только что возникающие явления и раскрыть их глубоко, всесторонне и оригинально. Такие пьесы, несущие в себе зерно нового, где типическое взято не только в его результате, но и в его рождении, пьесы-флагманы, пьесы, открывающие новые темы, новых людей, новые пласты жизни,— такие пьесы особенно дороги нашему народу.

Одной из таких пьес была, например, пьеса Симонова «Чужая тень». Константин Симонов показал опасность влияния буржуазной идеологии, увидел людей, на которых она воздействует, и создал пьесу, где в ярких художественных образах была глубоко раскрыта идея советского патриотизма, победившего в войне. Победа ждала драматурга там, где он показал не только уже готовый характер, но и характер формирующийся, меняющийся, характер, в котором под влиянием жизни происходит острый психологический перелом,— характер Трубникова. К. Симонов не соблазнился легким решением конфликта. Трубников идет до логического конца в своих заблуждениях. Именно потому и содержательна борьба, потому и значителен воспитательный смысл пьесы, что с Трубниковым нелегко бороться. Воспитательная сила пьесы велика еще и потому, что борьба идет не только против, но и за Трубникова, борьба за его политическое прозрение, борьба за человека. А борьба за человека всегда была важнейшей чертой лучших произведений русской и мировой литературы.

В другом жанре, жанре народной драмы, пишет свои пьесы еще со времен «Сталинградцев» Ю. Чепурин. И в его сравнительно недавней пьесе «Весенний поток» заложены те же черты, которыми определялась для нас пьеса К. Симонова. Чувство нового, понимание народ-

ного характера, умение видеть существенные противоречия времени отличают эту пьесу Чепурина.

Существенные стороны нашей жизни, до него мало кем затронутые, отразил в своей пьесе «Годы странствий» драматург А. Арбузов.

Внимание к советской молодежи, к формированию характера молодого человека — важнейшая задача драматургов. Глубокий моральный конфликт лежит в основе этой пьесы. Нравственные нормы советского человека, его гуманистическая, высокая мораль — вот тот новый критерий, по которому проверяются поступки и мысли людей. Не суду подсудны те отступления от этой морали, которые допускает герой пьесы Ведерников, их осуждают его товарищи, их судит общество, высший нравственный суд. Это новое типическое явление нашей действительности, когда человек, не виновный в преступлении, но виновный в отступлении от советской морали, должен нести ответ перед теми, для которых это отступление невозможно, верно подмечено драматургом и перенесено в его пьесу как новая норма поведения жизни людей.

Пьесу Арбузова полюбили зрители. Но самому Арбузову надо задуматься над тем, что в его пьесах истинно живое и что в них внешне эффектное, рассчитанное на нетребовательный вкус. Это и нарочитая камерность, и ложно-психологическая запутанность, и не всегда четкая, определенная авторская позиция, и мелодраматизм. Психологическая драма, в манере которой пишет Арбузов, должна развиваться в нашей драматургии. Но дальнейшее ее развитие лежит на пути преодоления всех тех недостатков, о которых мы говорили.

Новая драма Анатолия Софронова «Сердце не прощает», как и те пьесы, о которых мы говорили, отмечена активным вторжением в жизнь, умением подмечать типическое. Личное неотделимо в нашем обществе от общественного.

Драматург сумел раскрыть сущность этих слов и показать, как неотделимы эти понятия, не потому, что муж хочет сеять одно, а жена — другое, почему они и не могут быть вместе, как это нередко бывало в наших пьесах, а потому, что без общности больших интересов нет и не может быть взаимного уважения, крепкой семьи, настоящей любви. Конфликт пьесы Софронова порожден жизнью. Создав образ сильной русской женщины Екате-

рины Топилиной, для которой нет и не может быть никаких компромиссов, драматург продолжил традицию русской литературы, с такой любовью и пониманием нарисовавшей целую галерею замечательных русских женщин.

С интересной новой пьесой «Персональное дело» выступил к съезду драматург А. Штейн. В пьесе этой подняты важнейшие вопросы о доверии к человеку, о необходимости бережно и свято охранять доброе имя советских тружеников от перестраховщиков, бюрократов, карьеристов. Над этой пьесой сейчас работают крупные театры. Мы надеемся, что в содружестве с таким опытным драматургом, как Александр Штейн, театры создадут значительные спектакли по его пьесе.

Говоря о наших современных пьесах, мы яснее понимаем те важные и существенные процессы, которые идут сейчас в нашей драматургии, те ее достоинства, которые предстоит развивать и упрочить, и те недостатки, которые еще необходимо преодолеть. Различны авторские манеры, творческие почерки и художественные особенности наших драматургов, объединенных единым методом советской литературы — методом социалистического реализма. Полное и наиболее яркое развитие каждой подлинно творческой индивидуальности — залог огромного эмоционального воздействия нашей драматургии, залог ее идейности, жизненности и красоты.

Однако наряду со всемерной поддержкой разнообразных и плодотворных направлений в нашем искусстве должна не ослабевать борьба с пустым и опасным оригинальничанием, с любыми попытками протащить под флагом многообразия форм нашего искусства буржуазный космополитизм, формализм и натурализм.

Мы должны не ослаблять нашей борьбы с этими чуждыми тенденциями, уметь распознавать их под любой маскировкой.

Но, с другой стороны, мы должны внимательно и чутко относиться к людям, которые имели серьезные ошибки в прошлом, но затем делом доказали, что они уяснили смысл и характер своих заблуждений, стали на правильный путь. Надо помочь им скорее стать вновь в ряды активно действующих критиков. Между тем в издательствах, редакциях газет и журналов есть еще много перестраховки, а точнее говоря — трусости в отношении

работ, написанных людьми, подвергавшимися в свое время справедливой критике.

Можно было бы указать на то, что хорошая книга Г. Бояджиева о Марецкой в течение ряда лет лежала в издательстве «Искусство» и вышла только в последнее время. В течение нескольких лет критик Ю. Юзовский работал над капитальным трудом «Горький-драматург». Однако издательство «Искусство» все еще никак не решается выразить свое ясное отношение к этому труду. Мне кажется, что нам пора покончить с неправильным и вредным отношением к людям, которых по тем или другим причинам критиковали. Если наши коллеги по перу, которых критиковали, исправляют делом свои ошибки, то к ним нужно проявить чуткое товарищеское отношение. А у нас, к сожалению, перестраховщики делают все для того, чтобы человек, которого справедливо критиковали, больше не мог печататься. Приклеят ярлык и радуются. А ведь это ничего общего не имеет с принципиальной критикой, к которой призывает нас наша партия.

Надо признаться честно, что мы, драматурги, не раз равнодушно проходили мимо подобных уродливых явлений. Некоторые из нас даже считали, что чем больше бьют театральных критиков, тем лучше. Может быть, я ошибаюсь, но мне кажется, что у нас сложились ненормальные отношения между драматургами и критиками. Виноваты и драматурги и критики. Очень легко и бездоказательно некоторые наши критики анализируют произведения драматургов и непозволительно выдают свои, часто бледные, мысли за мысли народа. Правильно ведь, товарищи? А драматурги с такой же легкостью зачеркивают все хорошее и важное, что сделала наша театральная критика, без которой успехи драматургии и театра немислимы.

Мы приходим ко Второму Всесоюзному съезду писателей с большими достижениями, и главное, что принципиально ново в этих достижениях,— это то, что завоеваны они всей нашей многонациональной советской культурой. Далеко за пределами своих республик известны имена таких авторов наших братских республик, как Галан, Кочерга, Дадияни, Вургун, Крапива, Мосашвили, Шаншиашвили, Якобсон, Каххар, Мухтаров, Балтушис, Дьяконов, Собко, Мовзон, Григулис, Зарьян, Броделе, Тази Гиззат и многие другие. Пьесы этих драматургов несут

людям яркое и талантливое раскрытие национального характера героев.

Подлинно творческое обогащение братских культур — залог дальнейшего расцвета нашей многонациональной литературы, нашего театра.

Еще более успешной и плодотворной дружбе наших национальных театров могла бы помочь организация в Москве театра дружбы, куда бы приезжали со своими лучшими спектаклями театральные коллективы всех наших братских республик.

Успехи советской драматургии определяли становление и развитие советского театрального искусства. Творческая дружба наших драматургов и театров взаимно обогащает и творчество писателя и актерское, режиссерское мастерство театральных деятелей. Вспомним хотя бы работу Всеволода Иванова с Московским Художественным театром над «Бронепоездом 14-69», Л. Сейфуллиной с театром имени Вахтангова над «Виринеей», работу Н. Погодина с театром Революции над «Моим другом», «Поэмой о топоре» и «После бала», работу Б. Ромашова с Малым театром над «Огненным мостом», «Бойцами», «Великой силой», работу Л. Леонова с Малым театром над «Нашествием», работу Л. Дмитерко с театром имени Шевченко над пьесой «Навеки вместе», работу К. Крапивы с театром имени Янки Купалы, Я. Баша — с театром имени Франко, С. Шаншиашвили — с театром имени Руставели и многие другие примеры.

Но непонятно, почему театр имени Руставели не поставил за последние годы ни одной пьесы старейшего драматурга Грузии Шаншиашвили, а он написал четыре пьесы. Мне кажется, стоит МХАТу поработать вместе с Погодиным, чтобы вновь пошел на сцене такой замечательный спектакль, как «Кремлевские куранты».

Когда наши театры являлись для драматургов подлинными школами мастерства, тогда коллективный опыт деятелей театра во многом обогащал произведения драматургии, делал их более жизненными, сценичными, эмоциональными.

Углубленная творческая работа с драматургами всегда помогала и самим театрам подняться на новую, более высокую ступень понимания жизни, более глубокого овладения идейностью и реализмом.

И разве не ценны для нас признания артистов Малого театра, которые говорили о том, какой большой помощью в их идейном воспитании была для них работа над пьесой Б. Ромашова «Великая сила» и встречи с этим драматургом? И разве не знаменательны слова Алексея Попова о том, как расширился его политический и жизненный кругозор в совместной работе с Н. Погодиным над «Поэмой о тополе»?

Может ли забыть Московский Художественный театр, что его замечательный коллектив всегда был умной редколлекгией советской драматургии, собирателем ее сил и талантов, искателем каждого драгоценного нового зерна в пьесах самых различных писателей?

Может ли забыть Малый театр, первым поставивший «Любовь Яровую», о том, что значит растить и воспитывать драматургов?

Изглядятся ли когда-нибудь из памяти вахтанговцев их первые замечательные победы на материале советских пьес — «Темпа», «Виринеи», «Разлома»?

И должны ли забывать обо всем этом сами драматурги, которые несут сегодня в театры подчас сырые, незавершенные и неспеничные пьесы?

Обобщение богатейшего опыта работы театров с драматургами — большая и ценная помощь нашим писателям.

Вышедшие в последнее время книги Н. Горчакова, В. Топоркова, Н. Абалкина и другие труды, посвященные исследованию и пропаганде замечательной системы Станиславского и Немировича-Данченко, вооружают наших драматургов всем богатством гениальных наблюдений этих величайших борцов за правду и красоту в искусстве.

Таких книг должно быть все больше и больше. Советским драматургам и театральным деятелям в их каждодневной практической работе должна помогать наша театральная критика, не только так или иначе оценивая их работы, но глубоко разрабатывая важнейшие проблемы теории драмы, специфики драматической литературы, насущные вопросы марксистско-ленинской эстетики.

Принципиально новым явлением в нашей литературе стало развитие драматургии для детей, для юношества, драматургии, воспитывающей подрастающее поколение

в духе коммунизма. Детский театр — детище Советского государства, родившееся как результат постоянной заботы и внимания партии и правительства к детям. Лучшие пьесы Бруштейн, Катаева, Михалкова, Каверина, Маршака, Барто, Шварца, Любимовой, Розова, Штока, Вольского, Симуква и другие, написанные для советской молодежи, учат ее любви к Родине, чувству ответственности перед коллективом, высокой дисциплине, коммунистической морали. Не случайно любимыми пьесами нашего подрастающего поколения стали такие, например, пьесы Сергея Михалкова, как «Красный галстук» и «Я хочу домой», проникнутые подлинно коммунистической идейностью, написанные живо, остроумно, талантливо. Хорошие пьесы для детского зрителя особенно важны, потому что это именно они вместе с семьей и школой закладывают лучшие основы детского характера, формируют коммунистическое сознание сегодняшних пионеров, завтрашних строителей нового мира.

Изжить дидактику, назойливые поучения, ненужную назидательность, слезливое умиление перед «хорошими», «добрыми» детьми, понять, что такое положительный и отрицательный герой в детских пьесах, понять по существу, а не следовать схеме «можно — нельзя» — таковы очередные задачи наших писателей, работающих для детского театра.

Самое серьезное внимание нужно обратить на одноактную драматурию.

Одноактная пьеса, поставленная на колхозных и рабочих площадках, в клубах и Домах культуры, должна служить мощным фактором воспитания, боевой пропаганды политики, должна прививать нашим людям высокий вкус, высокие моральные принципы, любовь к труду, учить их патриотизму и ненависти к врагу.

У нас есть хорошие одноактные пьесы, у нас есть большой отряд литераторов, активно работающих в этой области драматургии. Необходимо еще глубже и ответственнее понять роль и смысл одноактной пьесы в жизни нашего народа и поднять ее до такого идейно и художественно высокого уровня, когда она станет подлинно воспитательной силой.

За двадцать лет между съездами в драматурию пришли писатели, чье мастерство уже достаточно окрепло и сформировалось. За последние годы выросла и

талантливая писательская молодежь: А. Макаенок, Д. Десятов, В. Лаврентьев, А. Салынский, В. Розов, Г. Галич, Н. Зарудный, Г. Ягджан, Г. Капланян, Г. Тер-Григорян, Л. Карагезян, Мустай Карим, Г. Мухтаров, Ю. Принцев, Г. Абдумомунов, Н. Дьяконов, М. Бараташвили, А. Волков, А. Кожемякин и многие другие.

Судьбы и будущее советской драматургии — в руках писателей, неустанно обогащающих наши театры новыми пьесами, на творчестве которых строится и формируется наш сегодняшний репертуар. На их плечах лежит ответственность перед самым требовательным в мире советским зрителем. В творческом единении со старшим поколением наших драматургов, с опытными, зрелыми мастерами наши писатели среднего поколения и писательская молодежь должны создавать новые и новые произведения, достойные нашего великого народа — строителя коммунизма.

Многонациональная советская драматургия крепла и мужала вместе с нашим многонациональным советским театром. Развитие драматургии, ее бесспорные достижения за прошедшие двадцать лет неотделимы от нашего театра, от его замечательных творений, окрыленных величественной идеей строительства самой передовой в мире, многонациональной, советской, социалистической культуры.

Все доброе и великое, что создали наши драматурги и театр, — народ, правительство и партия глубоко оценили, награждая драматургов, работников театра высокими званиями, орденами, окружая их повседневной заботой, вниманием и горячей, все растущей любовью.

И если мы, драматурги и театральные деятели, всегда были сплочены в дни побед и успехов, то совсем иную картину можно было наблюдать, когда зритель справедливо был недоволен нашими плохими пьесами и плохими спектаклями. В этих случаях в нашей среде не всегда проявлялись взаимная озабоченность и общие горячие усилия поправить дело.

Многие театральные деятели все беды видят только в слабости драматургии, ругают драматургов. Драматурги не остаются перед ними в долгу, и почти всегда дискуссии на эту важнейшую тему заканчиваются трогательным единением драматургов и театральных деятелей, они вместе считают, что во всех бедах в конце концов вино-

ваты наши театральные критики, Союз писателей и Министерство культуры.

В секциях драматургов, в ВТО товарищи выступают с самокритическими речами, одинаково длинными, как и скучными, а зритель — наш великий советский народ — терпеливо ждет от уважаемых деятелей театральной культуры, которым он так щедро присвоил высокие звания заслуженных и народных артистов, пьес и спектаклей, достойных великих творений советского человека — творца и учителя новой жизни для всех народов мира.

Я уверен, что некоторые мои друзья по перу сейчас думают: а стоит ли с этой высокой трибуны съезда говорить о наших неоплаченных долгах перед зрителем? Думаю, что стоит, ибо все хорошее, что мы сделали за двадцать лет, никто от нас не отберет, лучшие пьесы и спектакли, лучшие книги театральных критиков и искусствоведов широко известны не только в нашей стране, а и далеко за ее пределами.

А так как съезд наш не юбилейный, поэтому давайте поговорим откровенно и по-деловому о больших проблемах нашей драматургии и театра и общими усилиями, всем коллективом поможем друг другу еще выше поднимать знамя нашего передового, самого гуманного, самого человеческого, боевого искусства, рожденного Великим Октябрем, воспитанного и взлелеянного родной Коммунистической партией, призванного к самой высокой миссии — отражать великие, героические дела советского народа, отражать передовое и прогрессивное, что создают народы мира, воспламенять сердца народов горячим, правдивым словом, быть учителем жизни. Такова наша священная задача.

О высокой миссии театрального искусства мечтали великие драматурги, артисты, режиссеры и критики прошлых эпох. О театре, как о великой народной школе жизни, со сцены которой яснее видно и большое, возвышенное чувство и отвратительный тайный порок, о театре-трибуне, учителе жизни мечтали Шекспир и Мольер, Пушкин и Гоголь, Гольдони и Ромен Роллан, Островский и Салтыков-Щедрин, Белинский и Герцен, Антуан и Станиславский — все лучшие представители мировой прогрессивной театральной культуры.

Какую тяжелую героическую борьбу вели они за то, чтобы театральное искусство не было пустой забавой

для избранных, а жгло сердца людей, поднимало их на борьбу с бесправием и тиранией!.. Полную трагизма глубокую тоску, рожденную в израненном сердце, по настоящему зрителю, по театру для народа мы ощущаем сквозь века в их бессмертных творениях. И какое счастье выпало нам — не только осуществить их замечательные мечты о народном театре, но и пойти далеко вперед, открыть такие горизонты перед искусством, о которых не могли и мечтать гениальные творцы мировой драматургии и театра!

«Искусство принадлежит народу» — эти исторические слова Владимира Ильича Ленина начертаны на знамени всего нашего советского искусства. Коммунистическая партия, Советское правительство еще в первые годы строительства нашего социалистического государства присвоили выдающимся мастерам советского искусства высокое и самое благородное звание — народного артиста. Этим была подчеркнута вся суть советского театра как театра народного. Этим была подчеркнута суть творчества драматургов и артистов, театральных критиков и искусствоведов.

В предсъездовской дискуссии на страницах нашей прессы было напечатано немало статей, в которых ставились насущные проблемы нашей драматургии и театра. Особенно мне хочется отметить статьи Охлопкова, в которых он ставит важные проблемы перед нашим театральным искусством, а также статьи Дикого, Зубова, Р. Симонова, Скоробогатова и других выдающихся деятелей нашего театра и драматургии. Но нельзя умолчать, что большинство авторов, критикуя недостатки нашей драматургии, вели разговор о том, что годы идут, а ролей хороших мало; о том, кто может быть героем; нужно ли героя идеализировать; сколько ему следует отпустить положительных и отрицательных черт; что великие русские классики умели писать замечательные роли и даже их маленькие роли приятно играть, а современники пишут схематично и холодно, скучно и плохо. Высказав эти «свежие» и «оригинальные» мысли, некоторые режиссеры и народные артисты мечтают о постановках старых пьес «плаща и шпаги». Многие драматурги заняты решением проблемы — как же писать сатиру, можно ли написать пьесу, где не будет ни одного положительного персонажа, и вообще по-

сле резкой и справедливой критики пьесы Зорина «Гости» стараются убедить друг друга, что следует сначала решить, какие Гоголи и Шедрины нам нужны, что нужно выработать сперва точную формулу, а потом писать сатирические пьесы. Два маститых драматурга мне заявили: «Если нам дадут точную формулировку, тогда мы можем спокойно писать сатиру». Некоторые критики мне перед съездом очень искренне, волнуясь, говорили: «Мне хочется писать большие статьи, ставить крупные проблемы, жгучие вопросы, но я могу это делать, когда будет спокойная атмосфера, когда я буду знать, что на меня не обрушатся коллеги по перу...»

Спокойно писать пьесы, и особенно сатирические, спокойно писать статьи о жгучих вопросах искусства, спокойно ставить и играть современные пьесы, спокойно читать длинные доклады о системе Станиславского, спокойно утверждать — и только утверждать! — что социалистический реализм предопределяет богатство и разнообразие сценической формы. Спокойно и деликатно критиковать тех драматургов, у которых услужливые критики обнаружили золотой песок и причислили их навсегда к золотому фонду.

Я понимаю эти человеческие, я бы сказал — трогательные чувства моих коллег, драматургов и деятелей театра. Я даже думаю, что если так дела пойдут дальше, то скоро мы будем говорить о бриллиантовом фонде — ведь блеска больше.

Я бы очень хотел, чтобы меня поняли правильно. Я далек от мысли, чтобы хоть в какой-нибудь мере принизить благородное дело драматического писателя, требующее огромного труда, большого напряжения и большой, волнующей ответственности перед нашим зрителем и театром. Но нельзя мириться с таким положением, когда зритель часто не находит в наших пьесах выражения духовных сил народа, когда судьбы человеческие далеки от судьбы народной, когда зритель не взволнованно следит за каждым словом, движением, а слушает как бы собрание, где долго и нудно выступает неподготовленный докладчик, которому аплодируют с чувством: «Спасибо, что кончил».

Говорят, что одним из главных недостатков наших драматических произведений является отсутствие острых конфликтов. Это правда. Даже была создана вредная

теорийка, прославляющая бесконфликтность. И теперь, когда наша партия указала на вредность такой, с позволения сказать, теории, которая может нанести большой ущерб нашему искусству, мы с этим горячо согласились, искренне выступили против этой губительной теории, но не решились изменить нашу спокойную, «бесконфликтную» творческую атмосферу, не поставили перед собой вопрос: а почему мы терпели и терпим серые, скучные пьесы и серые, скучные спектакли, серую и бездушную игру подчас даже очень знаменитых артистов?

И, наконец, почему за последние годы на лучших сценах нашего театра так мало великих произведений мировой классики — Пушкина, Шекспира, Лермонтова, Мольера, Сухово-Кобылина, Корнеля и Шиллера, великих трагиков Греции, тех великих писателей, без которых нельзя серьезно говорить о богатстве театральной культуры? Может быть, кто-нибудь запрещает? Неправда! Может быть, зритель не хочет встретиться с великими, неумирающими образами трагедий и комедий гениальных драматургов? Неправда! Ни в одной стране мира не издают такими огромными тиражами великие произведения мировой классической драматургии, как у нас, и, несмотря на огромные тиражи, нельзя купить эти книги, — так жадно читает их наша молодежь, наш советский читатель.

Я работаю в драматургии более двадцати лет и только теперь — спасибо Ленинградскому театру драмы имени Пушкина и театру имени Маяковского — смогу увидеть «Гамлета». А «Короля Лира» я перед войной видел в постановке драмкружка в одном украинском селе и был потрясен тем огромным впечатлением, которое произвел спектакль на колхозников, а потом увидел «Короля Лира» в исполнении блестящего мастера советской сцены Михоэлса.

А ведь отсутствие таких замечательных пьес в репертуаре наших театров говорит об их самоуспокоенности, об их нежелании искать свои, новые, оригинальные трактовки, раскрывать богатейший внутренний мир героев этих классических пьес.

Я хочу спросить Художественный театр, Малый театр, Театр имени Франко, вахтанговцев, театр имени Руставели и другие театры, которые, вероятно, скоро переве-

дут из золотого фонда в бриллиантовый: не надоело ли вам в тихой жизни пребывать? Вы можете спросить: а вам, драматургам, не надоела тихая жизнь? Когда вы, драматурги, вспомните добрые пожелания вашего коллеги по перу, который сказал в одной своей пьесе, за что любят драматурга: «За правдивые речи, за добрый совет и за то, что разумнее и лучше они делают граждан родимой земли»? Эти слова были сказаны более двух тысяч лет тому назад, это слова Аристофана. Аристофан жил очень давно. Может быть, лучше вспомнить более близких нам писателей? Например, Гоголя, который понимал драматургию и театр как великую школу, где «читается разом целой толпе живой урок»; «...это такая кафедра, с которой можно много сказать миру добра...»

И не могу я для полноты картины не вспомнить великого украинского поэта Шевченко. Прочитаю на украинском языке, — если будет непонятно, переведу на русский язык, — одно его высказывание: «Щоб знати людей, треба жити з ними. А щоб про них писати, треба самому стати людиною, а не паперомарателем... От тоді пишiть, и тоди праця ваша буде працею чесною». Переводить, или всем понятно?

Мне могут сейчас бросить из зала справедливый упрек: «Товарищ докладчик, мы сами мастера цитировать великих классиков и в этом деле стали непревзойденными. Вы ближе к делу, товарищ докладчик!»

Это, конечно, верно. Поэтому простите мне мою человеческую слабость — говорить прежде всего о недостатках ближнего и особенно горячо, когда он не соприслешен к золотому фонду. Я постараюсь сделать шаг вперед и начну с моих накрепко зафондированных коллег.

Мы глубоко ценим замечательный талант драматурга Николая Федоровича Погодина. Нет нужды говорить о созданных им таких произведениях, как «Поэма о тополе», «Мой друг», «Человек с ружьем» и других пьесах, которыми он порадовал и театр и народ. Но почему так случилось, что маститый драматург на протяжении последних лет написал не одну пьесу и все они не принесли большой радости ни театру, ни зрителю, ни автору? Может быть, годы сказались на его творчестве? Нет, он в расцвете сил, вступил в лучший период жизни, когда

горячие чувства просветлены мудростью. Говорят, перестал изучать жизнь. Трудно поверить. Я читал его очень хорошие статьи по вопросам драматургии. Почти в каждой статье он справедливо говорит, что главное для драматурга — знать жизнь, героическую судьбу советского народа, строящего коммунизм. Погодин не живет анахоретом, а встречается с людьми и даже ездит по стране. Может быть, отстало его мастерство драматурга? Неверно. В своей книге он замечательно анализирует произведения драматургии классической, современной и делится своим богатым опытом действительно зрелого мастера. Хорошо и требовательно учит других. Почему же так случилось? На это, если желаете, лучше всего ответит сам товарищ Погодин. Но так как я не знаю, расположен ли он к такому разговору, позвольте мне ответить, как я понимаю последние неудачи одного из крупнейших наших драматургов.

Может быть, в моем ответе горькие слова будут приняты не только Погодиным, но и многими моими товарищами по перу и по сцене, которые в большей или в меньшей мере страдают такими же недостатками. Так как я не теоретик, позвольте мне обратиться к примерам нашей жизни и обратить еще один вопрос не к Погодину, а к другому небезызвестному драматургу. Почему вы, товарищ икс (пока не буду раскрывать фамилию), тоже во всех выступлениях утверждаете, что главное для драматурга — знание нашей жизни, довольно часто ездите по родной стране и бываете за пределами нашей Родины, где вы еще острее можете ощутить все величие борьбы советского народа за новую, светлую жизнь, вы в теме, которая так близка вам, а именно — жизнь крестьянства, не заметили тех глубоких процессов, которые происходили в последние годы в нашем селе? Вы помните, вы присутствовали несколько лет назад на одном замечательном совещании в Киеве. Никита Сергеевич Хрущев созвал четыреста лучших агрономов, передовых председателей колхозов, выдающихся ученых Украины и Москвы и поставил вопрос: можно ли так дальше вести хозяйство, когда планируют яровую пшеницу на огромных площадях юга Украины, а она там из года в год дает мизерные урожаи? Это планирование поддерживает ряд авторитетных в нашем государстве ученых в области сельского хозяйства, доказывает в своих статьях, вопреки

фактам, что яровая пшеница на юге Украины должна родить, а она не родит, крестьяне ругаются, но сеять обязаны — таков план, хотя он наносит прямой ущерб государству и народу. Земля, которая могла бы давать сотни миллионов пудов озимой пшеницы, из года в год еле возвращала посевной материал яровой пшеницы. Вы видели, товарищ драматург, как горячо поддерживали товарища Хрущева колхозные агрономы, передовые колхозники и как не поддерживали его в то время некоторые авторитетные ученые. Вы помните хорошо, как не выдержал этой позиции ученых передовой колхозник т. Танченко и из глубины его сердца вырвался крик: «Если ЦК победит такую науку, то хлеб буде!»

Но вы не только присутствовали на этом совещании. Вам не раз об этом говорили в селах. Вы знали о той огромной борьбе, которая велась с высокопоставленными чиновниками в союзных планирующих организациях, которые не хотели пересмотреть неправильные планы. Разве вы не знали, какой ущерб и сколько крупных неприятностей принесло нашему колхозному селу — и не только на Украине — механическое применение знаменитого учения Вильямса?.. Почему же вы горячим словом не откликнулись на все эти острые события государственной важности, а уехали в милую сердцу вашему «Калиновую рощу»? Почему не тронули сердце ваше и другие важнейшие стороны жизни, которые вы наблюдали и которые наша великая партия, ее Центральный Комитет с такой предельной прямотой раскрыли на Сентябрьском и последующих Пленумах ЦК?

Почему так случилось? Не хватило смелости? Нет! Вы же могли в первые годы войны написать пьесу «Фронт». И не вы один. Писали смело, с сознанием священного долга перед народом, тогда и Симонов, и Леонов, и Тренев, и другие драматурги. Я не говорю о замечательных произведениях прозаиков и поэтов. Да и наши театры — МХАТ, Малый театр, театр имени Янки Купалы, Руставели, Франко, Вахтангова и другие — за один месяц ставили большие, острые, сложные пьесы, и артисты создавали волнующие образы, которые войдут в историю нашего сценического искусства.

Почему так случилось, товарищи Корнейчук, Погодин, Симонов, Ромашов, Лавренев, Арбузов, Крон и другие товарищи, члены и кандидаты золотого фонда, что важ-

нейшие процессы жизни и борьбы нашего общества, нашего народа, который по праву называют трудящиеся всего мира учителем жизни, вы в последние годы так неглубоко и так несовершенно раскрываете в своих произведениях? Ведь советский театр не может не быть народной трибуной, о которой так страстно мечтали лучшие творцы театральной культуры и которую создали, не жалея средств, наша партия, народ, передав в наши руки все ее величайшие завоевания, сделав нас хозяевами такого количества театров, о котором не может и мечтать ни один деятель искусства самой большой и богатой капиталистической державы.

Почему вы, глубокоуважаемые народные и заслуженные режиссеры и артисты, миритесь с серыми постановками драгоценных произведений великой русской классической драматургии, не обогащаете в должной мере нашу всесоюзную сцену классическими произведениями братских народов нашей Родины, не черпаете полной мерой все лучшее из того, что создали культуры народных демократий, чтобы мы могли глубже понять жизнь, быт, национальные культуры наших друзей и братьев?

Почему стали так бояться наши театры открытого политического пафоса, заключенного в лучших наших пьесах? Почему, когда герой обращается в зал со страстным гражданским монологом, вы то и дело подставляете ему различные бытовые подпорки, ссылаясь на Станиславского и метод физических действий? А разве не Станиславский говорил о необходимости откровенно гражданского решения «Горя от ума» или обязательного выявления острого политического пафоса «Бронепоезда 14-69»? И разве в том заключается метод физических действий, чтобы в момент самого высшего напряжения всех чувств героя дать ему в руки полотенце, которым он вытирает лицо, или книгу, которую он перелистывает, или что-нибудь в этом роде?

Взволнованность, страстность, политическая острота — драгоценнейшие качества наших спектаклей — должны быть возвращены им нашими актёрами и театрами.

Почему, наконец, так мало пишут известные драматурги — годами театры ждут от них пьес — и так мало осуществляют постановок наши крупнейшие театры страны?

Часть критиков и драматургов относит сегодня почти

все недостатки нашей драматургии и театра за счет фальшивой и вредной «теории бесконфликтности». Слов нет, вредная «теория бесконфликтности» нанесла ущерб нашей драматургии. Но ведь она росла и распространялась, как поганый бурьян, среди нас довольно свободно, пока партийная печать не обратила наше внимание, что под самым носом у нас на здоровой почве растет поганый, плохо пахнувший сорняк. И только тогда мы серьезно взволновались. Как? По какому праву он растет?! Кто разбросал вредные семена?! Кто его посадил?! Мы обрушили весь свой гнев на трех или четырех наиболее рьяных представителей этой ложной теории, что сделали совершенно правильно, но упустили, с моей точки зрения, основное — не поставили перед собой главнейший вопрос: а почему так случилось? Почему одни из нас совершенно примиренчески отнеслись к этому вредному явлению, а другие спорили в чисто теоретическом плане — возможно ли создать бесконфликтную пьесу, киносценарий — и утверждали, что это трудно и даже невозможно. Я не могу не отметить, что даже сейчас есть среди нас весьма уважаемые товарищи, которые, выступая против «теории бесконфликтности», стараются показать свою эрудицию и ведут абстрактный, я бы сказал — талмудический разговор о пользе конфликта в драматургии.

Разве мы не знали, что тот, кто проповедует бесконфликтность в драматургии, в театре, в кино, тот отрывает их от жизни, лишает искусство его неисчерпаемой народной силы, притупляет закаленное в борьбе боевое оружие нашей литературы?

Разве не научила нас жизнь на протяжении многих лет, что там, где мы, замедляя боевое наступательное движение, предаемся благодушию, немедленно вырастают, как поганые, ядовитые грибы, другой раз в очень привлекательной окраске, как мухоморы, бесконфликтные и чуждые нам произведения?

Ответ на вопросы, которые я поставил перед собой и моими товарищами по перу — драматургами, а также нашими общими друзьями, театральными деятелями, нужно искать в нас самих, в нашем творчестве, и ни на кого не перекладывать свою ответственность перед народом за судьбу нашей драматургии и театра.

Верно объясняют наши недостатки слабым знанием жизни. Советуют больше ездить по стране, встречаться

с народом. Не выдумывать пьесы в кабинете, а черпать сюжеты, образы из жизни.

Но я хочу спросить вас, товарищи: могут ли помочь драматургу самая интересная поездка, встреча с самыми интересными людьми, если у него притупилось чувство ответственности перед партией, народом за свое творчество, если он, другой раз незаметно для себя, меняет высокое звание народного трибуна на роль благодушного, ни в чем горячо не заинтересованного путешественника? Не потому ли у нас появилось такое большое количество очерков и рассказов, где очень красиво описаны разговоры с рыбаками, охотниками, колхозниками у костра, на берегу реки в чудесный вечер, но в которых нет ни большой мысли, ни интересных характеров? А так как путешественник такого рода ни за что не отвечает, настроен весьма оптимистично и благодушно, то он любит поговорить с людьми на приятные темы, не задает острых вопросов, ему чужды сомнения и мучения души, он черпает такой материал из жизни, который близок его умирительному душевному состоянию. Он, не замечая, производит отбор фактов, соответствующих его настроению, и получаются пьесы, где действующие лица, как развлекающиеся путешественники, много разговаривают, но ничего не делают по-настоящему, ни за что не отвечают, иногда рассказывают о некоторых неприятных событиях, больше как свидетели, а уж очень много любят поговорить о дружбе, семье, моральных качествах, больше о будущей жизни и скороговоркой о настоящей, но пьют хорошо и много как на сцене, так и за кулисами.

Простите меня, товарищи, что я до некоторой степени сгущаю краски, но что-то в этом роде в последнее время у нас происходит.

Какие острые жизненные конфликты могут зажечь душу драматурга, если он стал смотреть на жизнь глазами путешественника? Да смотри так весь век на жизнь — ничего не увидишь, и никакое знание своего ремесла не поможет, а наоборот, еще резче подчеркнет поверхностные наблюдения и неглубокие, бесстрастные по той же причине душевные переживания героев.

Жизненные факты, явления только тогда могут обогатить творческую фантазию писателя, когда он страстно желает горячим словом помочь свей Родине в решении общенародных, национальных и международных задач.

Нельзя читать великую книгу жизни, когда в груди холодное сердце. Если лирический поэт поет о сирени, вечерних закатах и соловьиных трелях, мы говорим ему спасибо, ведь и это нужно человеку в некоторые моменты его душевного состояния. Но в театр каждый вечер на несколько часов приходят сотни тысяч зрителей. Даже большие любители соловьиных трелей не могут выдерживать, когда подряд четыре часа со сцены вместо больших страстей, высокой мысли, горячих слов льется сплошное чириканье очень милых птичек. Настоящий театр всегда был большой политической трибуной, где наиболее резко, в предельно сжатой форме по сравнению с другими видами литературы и искусства, сталкиваются человеческие страсти. И ни в глубоких долинах и ни на высоких вершинах гор человек не может почувствовать, ощутить столь величественную и столь торжественную тишину, как в переполненном театре, когда сливаются сердца зрителей с сердцем драматурга, артиста в едином ритме, когда самые мужественные, закаленные в борьбе люди, не стесняясь никого, роняют горячие слезы или потрясают могучим смехом стены театра.

Мне могут сказать: вы преувеличиваете, дело не в благодушии, самоуспокоенности и почивании на лаврах, не эти неприятные явления служат главной причиной отставания нашей драматургии и театра, есть какие-то другие, более глубокие причины.

Может быть, действительно правы товарищи Грибачев и Смирнов, которые говорят в своей очень интересной статье, полемизируя с Сельвинским, следующее: «Многих серьезно работающих в литературе людей беспокоит одно немаловажное обстоятельство — почему наша литература так часто терпит неудачи при обращении к современному материалу? Хорошо, если наши поэты, как кое-кто думает, только «самоуспокоились». Растолкаем, расшевелим, усовестим, и, смотришь, поэзия снова обретет вдохновение и жар, снова каждый год, как это было после войны, у нас начнут появляться большие поэмы. А вдруг дело сложнее? Мы признаем прямую связь искусства и жизни, а жизнь заметно изменилась, поднялась на новую ступень социалистических преобразований. Так не совершает ли и наша поэзия трудный, пока еще малопонятный поворот, в условиях которого нам все чаще отказывают

старые приемы и средства и все настоятельнее возникает необходимость искать новые средства и приемы?»

Как видите, товарищи Грибачев и Смирнов верят, что самоуспокаивающихся легко растолкать, расшевелить — и вновь придет вдохновение, а творческое отставание писателя от жизни они объясняют тем, что жизнь заметно изменилась, поднялась на новую ступень... Выходит, что дело не в нас самих, а жизнь идет так быстро, не успеваем...

Хотят или не хотят авторы статьи, а получилось, что ответственность писателя за отставание, за провалы снята.

Мы не можем согласиться с этим утверждением, как не можем согласиться и с тем, что самоуспокоение есть явление довольно безобидное: достаточно растолкать, расшевелить — и снова появится вдохновение и жар. Самоуспокоение приводит к отходу от жизни, к безответственному отношению к насущным задачам строительства нашей коммунистической культуры, к непротивлению злу, всяким враждебным вылазкам, к потере горячего чувства ответственности перед народом и партией, приводит к дезертирству из коллектива, к сдаче боевых позиций, — это одно из самых отвратительных «родимых пятен» капитализма в психике, с которым нужно вести самую непримиримую борьбу. В нашей среде, правда, мало, но есть люди, которые говорят: вы все плохие явления пытаетесь объяснить «родимыми пятнами» капитализма. Нет ли здесь каких-нибудь других причин? Эти люди или действительно не понимают всех гигантских усилий нашей партии, вооружившей наш народ на борьбу против «родимых пятен» капитализма, этого очень опасного и коварного врага, или хотят, прикидываясь, что не понимают, очернить нашу жизнь, сделать нас ответственными за все уродства в психике людей, которые были порождены в старых социальных условиях старого мира, навязаны человеку эксплуататорскими классами на протяжении веков.

Если бы мы не поверхностно, а глубоко проникли в смысл огромной исторической борьбы с «родимыми пятнами» капитализма, которая происходила и происходит в душе людей, мы бы раскрыли глубочайшие коллизии, мы бы показали потрясающую битву в душе нового человека с атакующим старым миром. И никакое

шевеление корпуса драматурга не поможет, если коллективно мы не объявим в своей среде непримиримую борьбу, невзирая на лица, с благодушием, с почиванием на лаврах, с безответственным отношением к высоким, общенародным задачам нашего искусства.

Во имя этого великие драматурги и артисты в тяжелые времена прошлого свою жизнь превратили в подвиг. Вспомним Шекспира, Мольера, Островского, Садовского и Щепкина, Мочалова и Стрепетову, Ермолову и Заньковецкую и наших современников, вспомним тех, кто жил, творил с нами,— Станиславского и Немировича-Данченко, Тренева и Вишневского, Москвина и Качалова, Хмелева и Щукина, Шумского и Остужева, Леонидова и Климова и многих других, чьи славные имена, как звезды на небе, вечно будут светить, напоминая нам о великом наследстве, которое мы обязаны умножать и обогащать. Имея перед собой такие благородные примеры служения родному искусству, мы не можем мириться с атмосферой благодушия, которая порождает худосочные пьесы, серые спектакли, холодную игру артистов и создает почву, где вырастают мухоморы и всякая мелкобуржуазная плесень.

Наши драматургия и театры богаты талантами, много замечательных произведений создали они, и заслуженная слава и признание нашего театрального искусства распространились далеко за пределы нашей Родины. Но мы не можем закрывать глаза на то, что тормозит наше движение. Справедливо указала нам партия, что драматургия — наиболее отстающий участок.

Судьба нашей драматургии — это родное дело всей нашей литературы и всего нашего театрального и кинематографического искусства. Но, конечно, никакая помощь драматургам не поможет в преодолении их слабостей, если мы, драматурги, сами не осознаем глубоко свои ошибки, если мы, драматурги, не будем искренне воспринимать справедливую критику по нашему адресу, если мы не научимся быть самыми суровыми судьями своих произведений, если в нашей душе не будет огромного волнения и страстного желания постичь глубокие процессы жизни с высоты тех великих исторических задач в строительстве коммунистического общества, которые поставила перед нами партия.

Никто не может дать драматургу рецептов, как нужно изучать жизнь, указать тропы к тайникам человеческого

сердца. Но есть опыт великих писателей — борцов за счастье народа. Различными тропами и дорогами шли они в жизнь, но у всех было одно, что слило их сердце с сердцем народа и придало им такую силу, что проходят столетия, а их слово живет, их чувства пленяют и потрясают наши сердца, — это то, что они думали не о мимолетном успехе, их волновали не поверхностные, скоропреходящие явления жизни, а величественная борьба народов и наций за свое существование, за светлую правду, против гнета и насилия. Они ставили перед собою большие, волнующие народ задачи, они были поэтому большими драматургами и политиками своего времени.

Можем ли мы, вооруженные светлым учением марксизма — ленинизма, быть достойными своих великих учителей? Можем ли быстро преодолеть наше творческое отставание? Есть ли у нас силы, таланты, которые способны создать чудесный образ нашего современника, советского труженика, нового человека, неутомимого борца за счастье своего народа, за счастье народов мира, чтобы сегодня простые люди во всем мире и будущие поколения через столетия почувствовали живое сердце, титанический труд, тяжелейшую борьбу нашего народа и чтобы в их сердце, в их глазах появились горячие слезы благодарности за все великое и доброе, что свершил и свершает советский народ сегодня?

Позвольте мне от своего и вашего сердца сказать с этой высокой трибуны: да, есть у нас силы, и мы создадим произведения, достойные великих дел нашего народа и партии. Наша вера основана на больших достижениях на протяжении последних двадцати лет, которые превратили нашу драматургию и театр в самое передовое искусство мира.

Когда-то великий Горький сказал: «Человек — это звучит гордо!» Мы и сегодня с чувством глубокого волнения повторяем эти драгоценные слова и от всей души добавляем к ним: «Человек достоин песни».

Пусть же все наше творчество станет достойной и великой песней о героическом подвиге нашего многонационального родного советского народа.

18 декабря 1954 года

СОДЕРЖАНИЕ

Макар Дубрава — пьеса в 3-х действиях	5
Калиновая роща — комедия в 4-х действиях	63
Крылья — пьеса в 4-х действиях	143
Статьи, речи	217
Герои социалистического строительства — наши герои. (<i>Речь на Первом всесоюзном съезде советских писателей</i>)	219
Новая пьеса «Платон Кречет» в МХАТе им. Горького	225
«Платон Кречет» в МХАТе	227
Открытое письмо Н. А. Шифрину	230
Спектакль высокого актерского мастерства	235
Героиня романа	237
Близкий и родной	243
Великий народный вождь	245
Гениальный сын украинского народа	247
Вместе с жизнью	267
С Лениным в сердце	271
Гудит Украина	274
Переяслав — Полтава	279
Великий Каменяр	282
Светлый талант	287
Шолом-Алейхем	290
Встречи	293
Театр высокой литературы	297
Театр-знаменосец	300
Певец узбекского народа	302
Наш Белинский	305
Христо Ботев	309
Великий Пушкин	311
Речь на открытии памятника Н. В. Гоголю в Москве	315
Содоклад «О советской драматургии» на Втором всесоюзном съезде советских писателей	317

АЛЕКСАНДР ЕВДОКИМОВИЧ КОРНЕЙЧУК

Сочинения, т. 3

Редактор *Н. Шевелев*
Художник *И. Литвишко*
Художеств. редактор
Л. Калитовская
Техническ. редактор *Г. Каунина*
Корректор *М. Фридкина*

※

Сдано в набор 15-XII-1955 г.
Подписано к печати 12-VI-1956 г.
А-06797. Бумага 84×108^{1/32} — 11,13 печ. л.
18,25 усл. печ. л. 16,74 уч.-изд. л.
Тираж 30 000. Заказ № 230.
Цена 9 р. 70 к.

Гослитиздат
Москва Б-66, Н. Басманная, 19.

※

Лениздат. Типография им. Володарского
Ленинград, пер. Джамбула, 13.

